

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани 8 (4912) 996797

т. 8 961 130 67 97

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

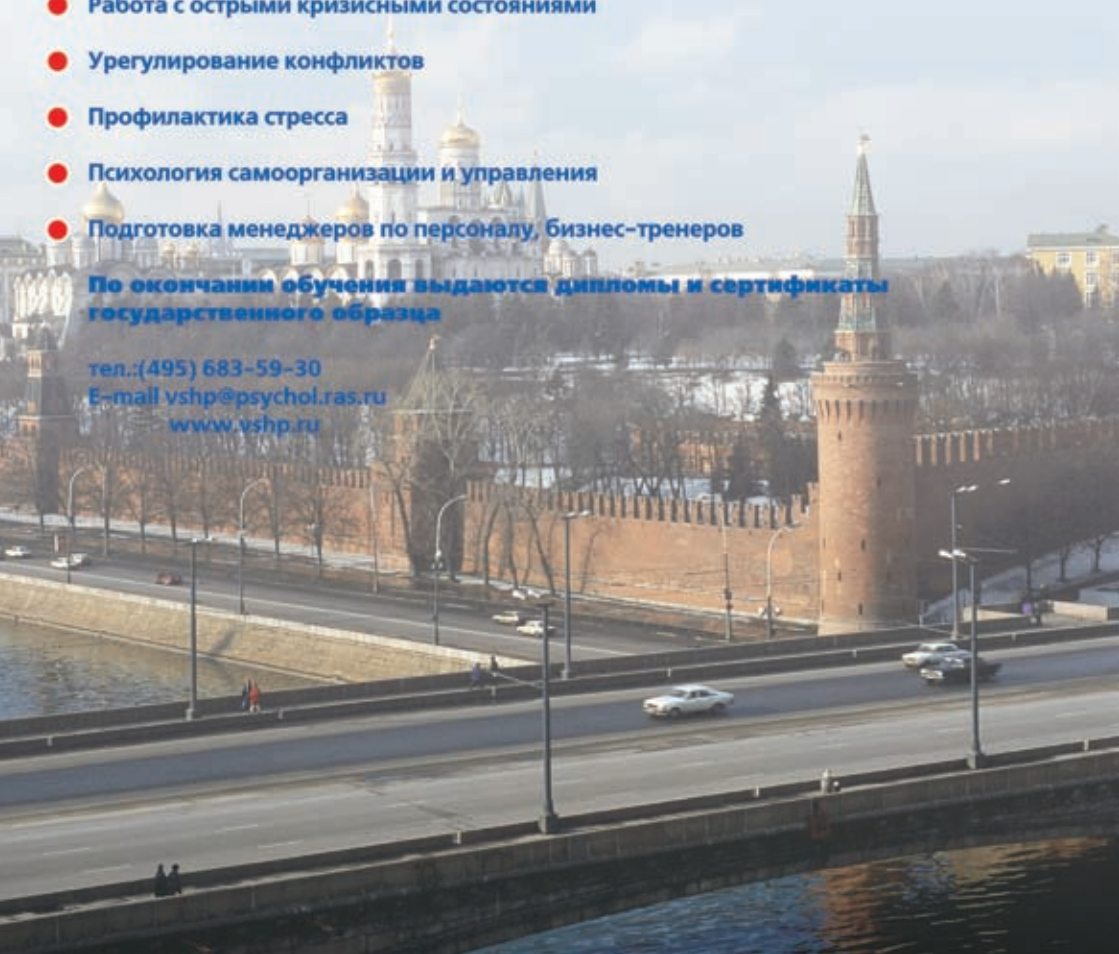
Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс-диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний
(в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров**

**По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты
государственного образца**

тел.:(495) 683-59-30
E-mail vsnp@psychol.ras.ru
www.vshp.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –
Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел науки –
И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел писем –
А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук

Отдел международных связей –
Л. Б. Юшкова,
кандидат психологических наук,
доцент

Ответственный секретарь –
Е. А. Щелкушкина

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

С. К. Бондырева,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент

А. А. Крымов,
кандидат юридических наук,
доцент

М. И. Марьин,
доктор психологических наук,
профессор

Н. Н. Нечаев,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

О. В. Старикова,
кандидат психологических наук

А. Н. Сухов,
доктор психологических наук,
профессор

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

ТЕМА НОМЕРА: трансформации личности в правовом поле

избегание

ЛИЧНОСТНЫЙ
рост

инсайт

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Проблема личности, ее изменений и трансформаций в тех или иных меняющихся условиях правового поля в настоящее время действительно становится во главу угла проблематики юридической психологии, при этом порой выступает как своеобразный камень преткновения. По существу это вопрос выбора между правопослушным и любимым другим, не укладывающимся в рамки правопослушного поведением. Именно этот вопрос особенно остро стоит в юридической психологии, по объекту своему направленной на изучение психологии всех, кто так или иначе осознанно испытывает на себе жесткое воздействие правового поля.

Следует отметить, что это сотрудники не только правоохранительных органов, но и иных силовых структур, это и их клиенты, воспитанники, несущие службу, а также осужденные, подсудимые и подозреваемые. Может показаться странным, что мы говорим о подсудимых, подозреваемых и осужденных в отношении всех силовых ведомств. Однако это действительно так. Во-первых, во всех силовых ведомствах есть отделы, деятельность которых направлена на контроль правопослушного поведения своих сотрудников. Во-вторых, на все силовые ведомства те, кто «у нас порой честно жить не хочет», оказывают весьма и весьма мощное силовое давление. Достаточно вспомнить о широко представленных в прессе фактах нападения бандитов (иногда организованных и по национальному признаку) на воинские части, вымогания денег у солдат и офицеров. Если же говорить непосредственно о фактах сращения сотрудников правоохранительных органов с криминалом, то места этой странички редактора не хватит. Заинтересованный читатель обо всем этом хорошо знает сам. Отсюда и исходный вопрос этого номера: как меняется личность человека в условиях жесткого воздействия правового поля?

*Главный редактор
доктор психологических наук
Д. В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**психология
девиантного
поведения**

**в помощь
руководителю**

**в помощь
исследователю-
практику**

**юридическая
психология и религия:
приглашаем
к дискуссии**

dura lex sed lex

Преступление и наказание от

ДО 71 **Словарь**
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

Готовится второе издание,
существенно исправленное
и дополненное

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии

- Обоснование наличия типологии индивидов, составляющих контркультуры в организациях. **В. А. Малышев, А. В. Карпов** 8
- Психолого-педагогические подходы к профессиональной подготовке преподавателя высшей школы: зарубежный опыт. **Г. И. Аксенова** 11
- Прогнозирование поведенческих феноменов. Базовые подходы. **В. А. Комлев** 15

Прикладные и экспериментальные исследования

- Психологическое взаимодействие работников следственных органов с несовершеннолетними допрашиваемыми: структурный анализ. **Е. В. Васкэ, Ф. С. Сафуанов** 23
- Этнофункциональный аспект суицидального поведения у личности преступников. **А. В. Сухарев, А. П. Чулисова** 31
- Временная перспектива лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. **Ю. В. Славинская, Б. Г. Бовин** 41
- Социально-психологические особенности личности осужденных женщин, совершивших тяжкое насилие в отношении своих детей. **А. В. Молоствов** 55
- Психологическая трансформация стратегий совладающего поведения осужденных молодежного возраста, пользующихся правом бесконвойного передвижения. **А. Н. Михайлов** 62
- Чувство вины и стили межличностного поведения у заключенных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. **О. М. Манхаева, Р. В. Кадыров** 68

Психопрактики

- Особенности социального и личностного развития подростков с девиантными формами поведения в различных условиях образования. **Г. П. Иванов, Н. А. Чикалов** 76
- Ценностные ориентации как психологические особенности личности руководителя УИС в его функциональной деятельности. **О. С. Тронь** 83
- Типы адаптированности курсантов к учебно-воспитательному процессу вузов ФСИН России. **П. Ю. Аксенова** 91

Психология девиантного поведения

- Психологический прогноз рецидивных преступлений несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. **Е. А. Дядченко** 98

В помощь руководителю

- Команда как организация с высоким уровнем качества трудовой жизни. **В. Б. Рябов** 107
- Гендерная специфика личностного роста сотрудников УИС, состоящих в резерве кадров на выдвижение. **Н. Н. Тавилова** 113

В помощь исследователю-практику

Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году.

А. В. Датий, Д. Е. Дикопольцев, А. А. Федосеев

121

Условия реализации содержания профессионально-ориентированной подготовки специалистов уголовно-исполнительной системы. **И. И. Железкина**

125

Юридическая психология и религия: приглашаем к дискуссии

Религиозность, духовно-нравственное развитие и личностный рост осужденных молодежного возраста.

Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин, Ю. Н. Гольшева

133

Dura lex sed lex

Условно-досрочное освобождение от пожизненного лишения свободы в законодательстве некоторых зарубежных стран. **Д. В. Горбач**

147

ОБОСНОВАНИЕ НАЛИЧИЯ ТИПОЛОГИИ ИНДИВИДОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНТРАКУЛЬТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

В. А. Малышев, А. В. Карпов

Аннотация: выдвинуты предпосылки для создания типологии людей, составляющих контркультуры в организации, представлены параметры, положенные в основу типологии, указаны гипотетические типы.

Ключевые слова: организационная культура, организационная контркультура, неконформизм, стаж, «сила-слабость» сотрудника, теоретический конструкт.

The summary: we put forward a typology for the preconditions of people in the counterculture in the organization, are the parameters underlying the typology, are hypothetical types.

Keywords: organizational culture, organizational counterculture, nonconformity, the experience, «strength-weakness» of the employee, a theoretical construct.

Постановка проблемы исследования. Современные исследования в области организационной культуры в основном посвящены выявлению основных принципов, парадигм, составляющих этого системного феномена, влияющего на поведение людей в организации. Исследования индивидов, которые в меньшей степени подвержены влиянию доминирующей в организации организационной культуры, руководствуются другим организационным феноменом и также имеют высокую научную значимость. В данном исследовании уделяется внимание еще более узкой проблеме в сфере организационной контркультуры, такой

как выявление типов людей, составляющих организационную контркультуру.

Закономерно предположить, что знания об аспектах организационной культуры только элементарного уровня доступны всем людям, которые работают в организациях имеющих как простую, так и усложненную структуру. Информация о наличии такого предмета доступна не всем сотрудникам, хотя все строят свое поведение в организации в соответствии с определенными принципами, вероятно, считая осознание оргкультурных принципов не важным. Многие знают или предполагают, как и вследствие чего ведут себя сотрудники организации тем или иным образом. Наибольший же интерес представляют индивиды, которые в силу профессиональной некомпетентности или крайней неопределенности обнаруживают свою неэффективность, но желают остаться в этой организации или не могут ее покинуть. Подобные типы людей могут не полностью соглашаться с принятыми нормами или правилами в группе и даже создавать свои, то есть строить контркультуру основной организационной.

Исследователи организационной культуры констатируют тот факт, что одним из самых важных элементов оргкультуры является оппозиционная субкультура (контркультура). Среди этих оппозиционных контркультур могут быть выделены следующие виды: 1) прямая оппозиция ценностям доминирующей организационной культуры; 2)

оппозиция структуре власти в рамках доминирующей культуры организации; 3) оппозиция к образцам отношений и взаимодействий, поддерживаемых доминирующей культурой. Контркультуры в организациях проявляются обычно в период кризиса или серьезных организационных изменений как форма группового защитного поведения. Некоторые «контркультурные» группы могут стать достаточно влиятельными в ходе крупномасштабных трансформаций, связанных со значительными изменениями в природе, структуре и характере организации [1]. Наличие конфликта между подгруппами, имеющими собственные субкультуры, негативно сказывается на групповой деятельности. Если внутренние проблемы не урегулированы, если люди озабочены шаткостью и неясностью собственного положения, если им неведомы правила игры и потому непонятен подлинный смысл происходящего, они не могут должным образом сосредоточиться на решении насущных проблем организации. В то же время необходимость решения проблем, от которых может зависеть существование организации, часто приводит к быстрому достижению консенсуса и в сфере внутренней интеграции [2].

Эти люди относятся к определенным группам, и именно поэтому целью данного исследования является изучение типов индивидов, составляющих организационные контркультуры.

Возможные типы. Существование этих типов, по нашему мнению, обуславливается наличием устойчивых, инвариантных параметров, которые выделяют их из массы других индивидов в организации.

При формировании типологии индивидов, составляющих организационные контркультуры, необходимо основываться на системном понимании природы этого феномена. К контркультурности приводит не один возникший в трудовой деятельности индивида фактор, а их совокупность.

Для обозначения первого параметра выделяемых типов персонал может рассматриваться с позиций наибольшей или наименьшей склонности к независимости, нежелания выделяться, боязни отторжения группой, следования за большинством (*конформизма*). Это понятие разделяет всех сотрудников в целом на конформистов и неконформистов. Говоря о феномене группового давления, многие авторы имеют в виду чисто психологическую характеристику позиции индивида относительно позиции группы, принятие или отвержение им определенного стандарта, мнения, свойственного группе, меру подчинения индивида групповому давлению [3]. Следовательно, для индивидов, не разделяющих или частично разделяющих общепринятую оргкультуру, вероятно, наиболее характерен комплекс психологических особенностей, входящий в понятие конформизм-неконформизм.

При создании типологии индивидов, составляющих контркультуры, помимо выделения психологических аспектов, нами не могут быть приняты во внимание основные организационно-трудовые характеристики, которые можно выявить в результате экспертных оценок.

В этом исследовании мы посчитали целесообразным выделить параметр *стажа работы* индивида в конкретной организации. Исследователи организационной культуры отмечают важ-

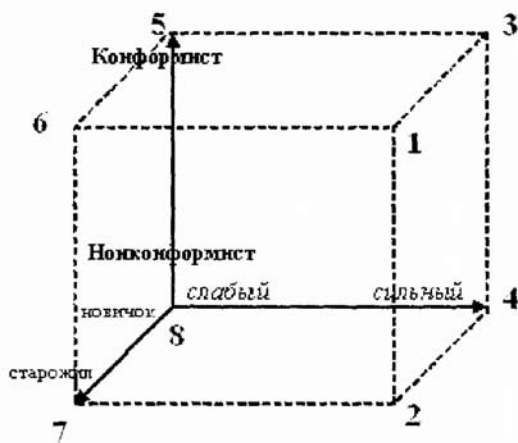

Рис. 1

ность такого понятия, следовательно, оно также весьма весомо с позиций рассмотрения организационной контркультуры. При этом следует отметить, что в зависимости от того, какой определенный промежуток времени индивид профункционировал в организации, так он себя и проявил с точки зрения оценки способностей работника и приобретения им практического опыта по своей специальности.

Необходимо также учитывать параметр **силы-слабости** индивида как работника. Данный параметр помогает определить, насколько индивид устойчив к влиянию на него различных аспектов деятельности в организации, и его способности эффективно выполнять задачи, поставленные перед ним руководством. Каждый руководитель может сказать про любого своего подчиненного «сильный» он или «слабый» работник.

После краткого рассмотрения выделенных параметров можно наблюдать полярное отличие типов индивидов, со-

ставляющих контркультуры. На эту тему мы выдвинули несколько предположений, которые легли в основу нашего теоретического конструкта.

В результате выработки концепции с помощью математического моделирования, полярных показателей и с учетом первоначальных факторов «сильный-слабый», «новичок-старожил» и «конформизм-нонконформизм» можно выделить следующие типы людей в организации через модель представленную на рисунке 1.

Полученные типы в соответствии с нашим теоретическим обзором будут иметь следующую градацию.

1. Сильный тип, старожил, конформист.
2. Сильный тип, старожил, нонконформист.
3. Сильный тип, новичок, конформист (к людям).
4. Сильный тип, новичок, нонконформист (от людей).
5. Слабый тип, новичок, конформист (к людям).

6. Слабый тип, старожил, конформист.
7. Слабый тип, старожил, неконформист.
8. Слабый тип, новичок, неконформист.

Таким образом, в результате теоретического моделирования можно предположить достаточно логичную типологию индивидов, составляющих контркультуры в организации, и эта модель нуждается в эмпирической верификации.

Выводы:

1. Проблема типологии индивидов, составляющих контркультуры в организациях, изучена в меньшей степени.

2. В основу типологии могут быть заложены такие параметры, как конформизм, стаж и «сила-слабость» работника.

3. Выделены восемь типов в соответствии с построенным теоретическим конструктом.

Литература

1. Организационная культура: понятие и реальность: учеб. пособие / А.В. Карпов, И.М. Скитяева, Н.В. Волкова [и др.]. — М.: Ин-т психологии РАН, 2002. — 102 с.

2. Чудновский В.Э. О некоторых исследованиях конформизма в зарубежной психологии // *Вопр. психологии.* — 1971. — № 4. — С. 164–174.

3. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство: пер. с англ. / под ред. В.А. Сливака. — СПб.: Питер, 2002. — 336 с.: ил.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Г. И. Аксенова

Аннотация: в статье рассматриваются зарубежные модели и проекты к профессионально-педагогической подготовки преподавателя; сделан акцент на полисубъектных технологиях организации образовательного процесса.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, преподаватель высшей школы, модели профессионально-педагогического образования.

Abstract: the article deals with foreign models and projects for vocational teacher education teacher, focused on technology polisubektnyh organization of the educational process.

Key words: vocational training, high school teacher, a model of professional teacher education.

При всем многообразии западных инновационных проектов подготовки преподавателя можно выделить два основных направления — бихевиористский и личностно-ориентированный подход. Если первый из них рассматривает преподавателя как объекта социализации, с точки зрения овладения им разнообразными педагогическими технологиями и профессиональными умениями, то в рамках второго подхода ставится задача развития и самореализации личности преподавателя в образовательном процессе. Бихевиористский, наиболее традиционный подход к образованию основной целью педагогической деятельности декларирует создание условий для развития личности учаще-

гося; при этом основным содержанием профессионально-педагогической подготовки становятся различные способы решения учебно-воспитательных проблем. Среди методов обучения, свойственных прагматически направленному образованию (дискуссия, открытое обсуждение) используются и специфические, такие как анализ отдельных случаев (case-learning).

Прагматисты пытаются строить педагогическое образование на основе традиционной бихевиористской схемы (S→R), где в качестве стимула выступает ситуация из жизни учащегося, а реакцией — определенная последовательность действий педагога, то есть педагогическая технология. Но в таком случае «за бортом» оказывается реальная личностная проблема, поскольку она должна быть отделена от ситуации, продиагностирована и всесторонне проанализирована. Этот частный дидактический вопрос отражает сущностное противоречие прагматизма: стремление выйти на практику, минимизировав теорию, что неизбежно приводит к эклектизму в преподавании, в частности, психолого-педагогических дисциплин (изучается все, что может оказаться полезным).

Сегодня на страницах западной научной печати можно встретить материалы полемики о том, что считать первоочередной задачей образования: воспитание «знающего» или «развивающегося» человека? В связи с этим, с одной стороны, учеными разрабатываются всевозможные системы тестирования, образовательные стандарты, а с другой — осуществляется активный поиск методов и средств, активизирующих и индивидуализирующих учебно-воспитательный процесс.

В последние годы все чаще озвучивается мысль о создании полных теоретических курсов психологии и педагогики в системе профессиональной подготовки преподавателя, в основе которой лежит популярная еще в двадцатые годы идея С. Холла о том, что понимание принципов развития ребенка — лучшая подготовка для учителей. Предполагается внести коррективы даже в традиционный прагматический метод case-learning, рассматривая, в частности, типичные ситуации из жизни учащегося и его проблемы сквозь призму теоретических подходов. Все это говорит о том, что в современных зарубежных концепциях педагогического образования наметился кризис прагматической парадигмы. Их явная ограниченность связана с тем, что в интерпретации прагматиков взаимоотношения педагога и учащихся в учебно-воспитательном процессе выступают как моносубъектные, причем, учащийся рассматривается как полноценная личность, а преподаватель — как носитель функциональной роли.

В сегодняшних психолого-педагогических теориях Запада отчетливо выделяются новые требования к роли педагога в учебном процессе: 1) отказ от авторитарной позиции фасилитатора; 2) создание своеобразных систем «быстрого реагирования» на запросы и потребности учащихся, активная переработка и творческое применение новейших научных достижений. С позиций новых научных направлений молодые преподаватели должны нести в себе значительный потенциал реформирования существующей системы образования, что возможно лишь в случае, когда центр их профессиональной подготовки с усвоения отдельных типовых

образцов (паттернов) педагогической деятельности переносится на мотивационно — ценностное развитие учащихся, овладение механизмами личностно-профессионального роста. Поиски такой модели образования предопределили обращение к персонологическим теориям, которые оказались востребованными в педагогической практике только в последние десятилетия.

Для персонологической модели педагогического образования свойственно представление о том, что преподаватель способен развивать личность учащегося лишь тогда, когда созданы условия для личностно-профессиональной самореализации самого педагога. Важнейшим ориентиром профессионально-педагогической подготовки становится не столько педагогические техники и технологии, а динамика личностного роста преподавателей.

Персонологическая модель педагогического образования (в аналитической ее части) объединяет исследования психодинамического, интеракционистского и феноменологического направлений. Нам представляется важным обратить внимание на сущностные характеристики последнего, методологической базой которого является феноменология К. Роджерса, теория самоактуализации А. Маслоу, теория конструкторов Д. Келли и др. С точки зрения этого подхода, поведение человека определяется не только внешними факторами, но во многом самодетерминируемо. В качестве механизма, опосредующего внешние влияния выступает «индивидуальная теория познания», выстраиваемая человеком в течение всей жизни и позволяющая понимать и предсказывать реальность. Центральным звеном такой индивиду-

альной гносеологии становится «феноменальное «Я», складывающееся из восприятия и оценки человеком своего места в мире. Признание существования особой жизненной философии у каждого человека позволяет акцентировать внимание на активность личности в процессе жизнедеятельности и диктует логику построения исследований: в фокусе оказываются не причины проявления определенных поведенческих реакций, а взаимосвязь личной философии и стиля преподавания и общения. Именно это феноменологическое направление отражает субъектный подход в изучении педагогической профессии. Ценность его чрезвычайно велика, т.к. в его рамках мир пониманий, значений, установок, всей личности в целом становится не помехой в овладении образовательными технологиями, а предметом пристального внимания самих преподавателей; в связи с этим исследования такого типа прямо адресованы самим испытуемым как материал для последующей рефлексии (Nolen S.B., Nicols J.C., etc); эти работы определяют и новую образовательную стратегию — развитие у преподавателей механизмов самоизменения мотивационно-ценностных аспектов собственной жизнедеятельности через самопознание.

Педагогическая деятельность в рамках этого направления описывается в терминах гуманистической психологии и психотерапии, поскольку в разработке таких проектов активное участие принимали К. Роджерс и А. Комбс. По мнению создателей программ современная система подготовки педагогов нуждается в существенной реорганизации, так как предполагает жесткое распределение ролевых позиций преподаватель-

учащийся. Порождаемая такой обучающей системой система взаимоотношений преподавателей и учащихся стимулирует актуализацию механизмов психологической защиты у последних и репродуцируется в системе образования, в общении. Следовательно, необходимо создать новую образовательную модель, предполагающую доминанту субъект-субъектных отношений. К основным средствам установления таких полисубъектных связей сторонники этого направления относят: контрактную систему обучения (взаимное соглашение о сроках, объеме и оценке учебной работы); предоставление свободы выбора содержания и вида учебных занятий; большую долю самостоятельно-поисковой, творческой работы. Все это позволяет говорить о попытке воспроизведения на уровне педагогического образования модели обучения, ориентированной на потребности и запросы учащихся. Эта модель выглядит весьма привлекательной, т.к. учащиеся имеют реальную возможность прожить опыт «значимого» обучения; кроме того, становясь субъектами учения, они оказываются перед необходимостью постоянного самоанализа собственных мотивов и умения делать правильный, осознанный выбор. В ходе обучения ценности субъект-субъектной педагогики переходят во внутренний план, превращаясь в индивидуальные смыслы учащихся, которые становятся источником развития их профессиональной мотивации и активности.

Другая опытно-проектная модель персонологического направления, опирающаяся на психодинамическую концепцию, предлагает ориентироваться в профессиональной подготовке педаго-

гов на систему занятий (чаще — спецкурсов и спецсеминаров), помогающих отрефлексировать неосознаваемые стороны своей личности, мотивационную и аффективную сферы. В систему такого педагогического образования активно включаются техники и процедуры психотерапевтических групп (рассказы личных историй, фантазии, медитация и т. д.), стратегия проведения которых отвечает идее о том, что путь к пониманию учащегося лежит через понимание собственного душевного мира, самоанализ.

Еще одна опытная модель профессионально-педагогического образования базируется на культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Последователи Л.С. Выготского определяют цель педагогического образования как развитие у преподавателей интрапсихических средств построения собственной деятельности, то есть внутренних механизмов саморегуляции, основой становления которых служат «метакогнитивные знания» (знания об особенностях собственной познавательной деятельности). Важно подчеркнуть, что исследования «метапознания» человека, его способности анализировать собственные мыслительные стратегии и управлять своей познавательной деятельностью находятся сегодня в эпицентре внимания западных, в частности, американских психологов. Трактовка метапознания как формы осознания собственных когнитивных средств и стратегий позволяет сделать целью образования развитие субъектной позиции учащихся, основанной на развитии механизмов саморегуляции и самоконтроля в когнитивной и аффективной сферах. Становление и развитие саморегуляции

в учебной деятельности существенно изменяет и роль преподавателя и учебном процессе: педагог помогает учащемуся получить информацию о собственных познавательных способностях.

Таким образом, даже краткий обзор современных концептуальных моделей и практик подготовки преподавателей в зарубежной педагогике позволяет сделать вывод об ее отчетливой ориентации на полисубъектную парадигму, на

становление и развитие субъектной позиции профессионала в самом широком смысле (в плане выдвижения целей, выбора критериев оценки собственной деятельности, выбора необходимых педагогических стратегий и тактик и т. п.). На наш взгляд, именно полисубъектная организация образовательного процесса должна стать доминирующей в системе подготовки преподавателей высшей школы в вузах ФСИН России.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ. БАЗОВЫЕ ПОДХОДЫ

В. А. Комлев

Аннотация: в данной статье рассматриваются три основных подхода к прогнозированию поведенческих феноменов. Проводится их краткий концептуальный анализ, рассматриваются базовые группы прогностических критериев.

Ключевые слова: феномен, прогноз, эксплораторный анализ, паттерны поведения, мета-интервью.

The summary: the following article demonstrates three basic attitudes to prognosing behavioral phenomena. Their brief conceptual analysis is given herein, as well as main groups of prognostic criteria.

Keywords: phenomenon, prognosis, exploratory analysis, behavioral patterns, meta-interview.

Сравнительно небольшое количество психодиагностических исследований направлено на выявление психологических особенностей респондентов, составление психологического портре-

та или определение психологических свойств, характерных для данного индивида.

Вместе с тем, как показывает практика, основная прикладная задача для психологов — это прогноз конкретных действий респондентов в конкретной среде и на определенном промежутке времени. Например, выявление в местах заключения осужденных, которые с максимальным уровнем вероятности могут совершать суицид во время отбывания наказания, или в сфере бизнеса — выбор кандидатов, которые с максимальной долей вероятности станут совершать сделки в определенных условиях и за короткий промежуток времени.

Таким образом, в прикладных исследованиях очень часто стоит задача по прогнозу определенных поведенческих событий, или поведенческих феноменов. Феномен (от греч. *phainomenon* — являющееся) — это то, что появляется, следовательно, любое заметное изменение, любое явление, доступное для на-

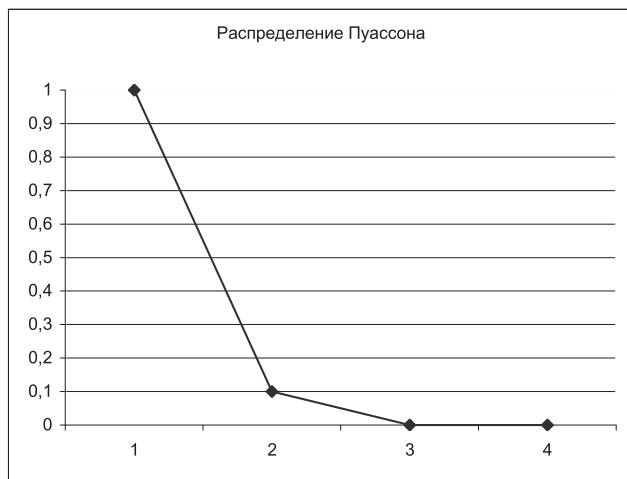

Рис. 1. Распределение Пуассона

блюдения. Часто этот термин используется без рассмотрения причин этого события [5].

Социальное окружение в зависимости от частоты совершаемых феноменов приписывает конкретному человеку определенный социальный ярлык: например, «успешный сотрудник» — при большой частоте успешных сделок. При частом повторе социально негативных феноменов это может уже рассматриваться как заболевание (алкоголизм — при частых случаях употребления алкоголя, неудачник — при определенном количестве неудач в каком-то виде деятельности и т. д.).

При этом выделяется такое свойство поведенческого феномена, как дискретность, когда промежуток времени, на котором происходит данное событие, не значим. Например, при изучении акта суицида период, во время которого проходил сам акт, мало значим для прикладного исследователя. Его анализ вряд ли

поможет и в профилактике этого явления, и в организации системы прогнозирования. В то же время такое свойство, как депрессия (состояние часто сопровождающее различных суицидентов), рассматривается в качестве непрерывного события, так как временной промежуток в этом случае уже играет значительную роль.

При рассмотрении частоты проявления различных феноменов в рамках определенной социальной группы в большинстве случаев описываются распределением Пуассона (закон распределения редких событий) и задаются формулой:

$$P_m = \frac{\lambda^m e^{-\lambda}}{m!}$$

где, λ — пр (интенсивность), n — общее число респондентов в изучаемой группе, p — вероятность появления события для каждого респондента, m — ожидаемое число событий.

Рис. 2. Нормальное распределение Гаусса

Психологические свойства в противоположность феноменам непрерывны, то есть растянуты во времени (свойство — агрессивность, уровень интеллекта, состояние депрессии и др.). В рамках какой-либо социальной группы свойства, как правило, описываются нормальным распределением Гаусса.

Закон нормального распределения задается формулой:

$$\varphi(x) = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(x-m)^2}{2\sigma^2}}$$

где m — математическое ожидание, а σ — среднее квадратичное отклонение.

Среда — это один из ключевых факторов, в котором феномен может проявиться либо не проявиться. Важным параметром при прогнозировании феномена выступает промежуток времени, в рамках которого он представляет интерес. Бессмысленно прогнозировать про-

явление такого феномена, как суицид, в неограниченном числе ситуаций и на неограниченном промежутке времени.

Возникает вопрос: какова последовательность действий при определении вероятности наступления данного события для конкретного человека? Каким образом можно дифференцировать группу респондентов по степени вероятности совершения того или иного поступка?

В общем виде задача прогноза поведенческого феномена сводится к следующей модели.

Есть индивидуально-психологические особенности личности (I), необходимо рассчитать вероятность совершения некоего феномена (F) в каком-либо социальном окружении (S) в период времени $t(O)+t$.

В случае с поведенческими феноменами прогноз имеет смысл для проведения каких-либо мероприятий: если феномен рассматривается как негативное

явление — профилактических мероприятий, а если как позитивное — оптимизации работы системы.

Общеизвестно, что поведение человека в конкретной ситуации определяется как самой ситуацией, так и структурой личности. Этот факт Кеттелл выражал формулой $R=f(S,P)$, где R — вид ответной реакции человека, P — структура личности, S — тип ситуации.

Парадоксально, но при анализе работ многих психологов обращает на себя внимание тот факт, что авторы, зная это, продолжают решать задачи, например, по выявлению лиц, склонных к суициду, без анализа среды, домысливая, что с такими данными человек более склонен совершить суицид или стать более успешным в какой-либо должности.

Несколько иную формулу на прогноз поведения предложил Роттер [6].

Потенциал потребности = свобода деятельности + ценность потребности.

Это уравнение показывает, что два отдельных фактора определяют потенциал выстраивания поведения, направленного на удовлетворение определенных нужд. Первый фактор — свобода деятельности человека или общее ожидание, что подобное поведение приведет к удовлетворению потребности. Второй фактор — ценность, которую человек придает потребности, связанной с ожиданием или достижением каких-то целей. Иными словами, роттеровская общая формула прогноза означает, что человек склонен стремиться к целям, достижение которых будет подкреплено, и ожидаемые подкрепления будут иметь высокую ценность. По мнению Роттера, при условии, что мы знаем эти факты, возможен точный прогноз в отношении того, как будет вести себя человек.

Общая формула прогноза также подчеркивает влияние генерализованного ожидания, что подкрепление будет иметь место в результате определенного поведения в разных ситуациях.

Лефевр [4] отчасти подтверждает формулу Роттера, пытаясь построить прогноз поведения на двух составляющих:

1) если субъект не способен увидеть себя совершающим плохой поступок, тогда любой импульс, побуждающий его совершить действие (в том числе плохое), превращается в реальное действие;

2) если субъект способен увидеть себя совершающим плохой поступок, он способен отказаться от его совершения.

Следовательно, в данном случае Лефевр к формуле Роттера добавляет некие правила (например, нравственные принципы), которые оказывают влияние как на свободу деятельности индивида, так и на ценность потребности. Далее Лефевр отмечает, что окружающий мир оказывает давление на субъекта на уровне ощущений и примитивных желаний. Есть определенная мера давления, склоняющая субъекта выбрать положительный или отрицательный полюс. В каждой ситуации у субъекта есть интенция выбора полюсов, и при определенных условиях интенция субъекта превращается в готовность совершить действие.

В.О. Леонтьев [3], рассматривая процесс взаимодействия (формирования отношений) человека с другими людьми и ситуацией, показал, что в результате такого взаимодействия некоторые свойства человека могут изменяться, а значит, может изменяться и его тип. В

связи с этим В.О. Леонтьев прогнозом поведения называет тот тип личности $г$, в который превратится в подобной ситуации S , исходный тип личности t человека $г=f(S,t)$.

Таким образом, без активной оценки взаимоотношения с окружающей средой строить прогноз на основе только личностных особенностей бессмысленно, неизвестно каким образом может измениться тип индивида и его взаимоотношения через определенный промежуток времени.

Однако если по выявлению корреляции личностных особенностей с различными феноменами уже существует ряд исследований, то возникает вопрос, как выстраивать систему анализа взаимоотношений индивида с социальной средой в конкретных условиях. Мы не будем в нашей статье рассматривать, какие личностные особенности способствуют формированию конкретного поведенческого феномена, этому посвящено большое количество исследований.

Отметим, что есть несколько вариантов построения системы прогнозирования.

1. На основе личностных особенностей и особенностей взаимоотношения с окружающей микросоциальной средой проводится *диагностика определенных свойств личности*, которые детермини-

руют то или иное поведение индивида, по мнению исследователя. Возникают вопросы: как определить степень влияния среды на формирование этого поведения, а также способствует ли среда, с которой взаимодействует индивид, формированию феномена? Отвечая на эти вопросы, имеем двухфакторную модель прогноза.

Очевидно, что группа Γ имеет максимальную прогностическую вероятность формирования или проявления феномена, группа A — минимальную.

Проблема состоит только в том, как фиксировать отношения индивида с окружающей средой. Это могут быть социометрические методы, референтометрия, наблюдение.

Ряд исследователей отмечают, что формированию суицида способствуют такие показатели, как снижение социального статуса индивида, максимальная ограниченность коммуникативных связей с окружающими или их негативный (по отношению к индивиду) характер, то есть по данным социометрии индивид оказывается в числе аутсайдеров. В случае прогноза успешности сотрудника, он за короткое время выстраивает большое количество коммуникативных связей, в том числе с руководством. Иными словами, по результатам социометрии данный сотрудник

Таблица 1

Двухфакторная модель прогноза

	Социальная среда не способствует формированию феномена	Социальная среда способствует формированию феномена
Личные особенности не способствуют формированию феномена	А	Б
Личные особенности способствуют формированию феномена	В	Г

должен получить минимальное количество выборов.

При применении этой методики в описанной системе прогнозирования требуется ее частое использование. Однако, во-первых, это довольно трудоемкая задача, а во-вторых, при частом исследовании респонденты в большинстве социальных групп относительно быстро начинают понимать смысл методики и либо отказываются отвечать на предъявляемые вопросы, либо осознанно вносят определенные погрешности.

2. Второй вариант построения модели для прогноза феноменов — *эксплораторный анализ*. В конкретной среде оцениваются личностные особенности респондентов, проявивших феномен, и респондентов, не проявивших данный феномен. Значимые критерии выявляются при сравнении личностных особенностей обеих выборок. В качестве математического метода используется дискриминантный анализ. В этом случае обучающей выборкой выступает группа сотрудников, проявившая рассматриваемый феномен. На основании личностных особенностей обеих выборок оценивают дискриминантную константу:

$$C = 1/2(\bar{u}_x + \bar{u}_y),$$

где \bar{u} — средние значения оценок дискриминантных функций для обеих выборок.

Для того чтобы спрогнозировать вероятность проявления поведенческого феномена у индивида для данной среды по его личностным свойствам (z), вычисляется оценка дискриминантной функции:

$$u_z = \sum_{i=1}^p a_i z_i,$$

где a — вектор оценок коэффициентов дискриминантной функции.

Если это значение больше или равно константе, то высока вероятность того, что индивид совершит феномен, если меньше — то вероятность низка.

Такая система прогнозирования реализуется при наличии ряда условий:

1. Если в конкретной социальной группе (конкретных условиях) уже было проявление конкретного поведенческого феномена.

2. Социальная среда является довольно стабильной по своему составу.

При выполнении этих условий делается допущение, что окружающая среда воздействует на всех одинаково. В связи с этим если сравнить личностные особенности индивидов, у которых этот феномен проявился, с личностными особенностями индивидов, у которых он не проявлялся, то можно построить матрицу прогностических критериев, на основании которой в дальнейшем выстроить систему прогнозирования по данному феномену.

Один из основных артефактов такого пути — возможное изменение свойств индивида после проявления феномена. В этом случае личностные особенности индивида могут отличаться как до, так и после проявления данного феномена (например, после попытки совершения суицида или вследствие накопления опыта, изменения стиля поведения, вследствие успешной или неуспешной работы в конкретных условиях либо, как показал В.О. Леонтьев, — изменение свойств личности индивида вследствие общения с другими людьми).

Отчасти эту проблему решает организация работы, при которой на этапе попадания индивида в подобную сре-

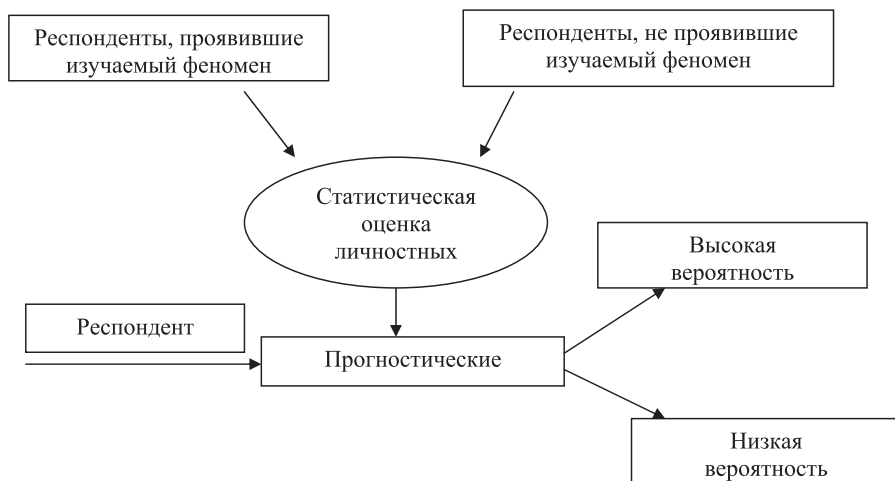

Рис. 3. Схема прогноза поведенческого феномена на основе эксплораторного анализа

ду проводится оценка его личностных особенностей, результаты которой сохраняются в базе данных и затем используются для формирования банка прогностических критериев. Его формирование требует значительных временных затрат, поэтому в ряде случаев приходится использовать первоначальный вариант, когда используются личностные особенности лиц, проявивших этот феномен.

3. Следующий путь прогнозирования — *прогноз на основании паттернов поведения*. В настоящее время в бизнес-структурах для прогноза различного вида успешности кандидатов широко используется система мета-интервью С.В. Ивановой [1]. В процессе взаимодействия с социальной средой индивид вырабатывает некие паттерны поведения. Еще в известном эксперименте Милграма можно обратить внимание на то, что значительная часть испытуемых, не будучи садиста-

ми, причиняли боль другим людям под действием авторитета и отказывались подчиняться человеку его ранга или при конфликте авторитетов.

Ряд исследований указывает на проявление данных феноменов как на результат выработанного определенного шаблона поведения, например, отмечается высокая вероятность совершения суицида у лиц, среди родственников которых также были отмечены случаи суицида, отмечается высокий риск алкоголизма, если индивид воспитывался в семье алкоголика, и т. д.

С.И. Иванова, базируясь на работах Дж. О'Коннора и Дж. Сеймора, предлагает использовать ряд сложившихся паттернов индивида, определяющих взаимоотношение с социальной средой. Они выявляются с помощью интервью в ходе собеседования, и относительно легко интерпретируются. Так, при подборе кандидатов, предлагается использовать следующие паттерны.

А. Тип референции показывает, каким образом соотносится собственное и внешнее мнение при принятии решений и самооценке человека.

Вопросы: Как Вы определяете, что добились в этом успеха? Как Вы принимаете решения, какой вариант работы выбрать? и др. Если кандидат указывает внешний тип референции (по мнению руководителя, сослуживцев и т. д.), то такой тип референции подходит для исполнительских позиций и работы, связанной с постоянным соответствием ожиданиям клиента, если кандидат указывает внутренний тип референции, то такой тип подходит для людей, занимающих позиции в так называемых штабных структурах (юрист, консультирующий директор, финансовый директор и др.), а также позиции, связанные с проверкой качества (контролер качества, налоговый инспектор и др.).

Б. Стремление — избегание. В ситуации, когда кандидату задаются открытые вопросы или просят описать что-либо, обращается внимание на соотношение стремления — избегания.

Пример вопроса: какая работа является для Вас оптимальной?

1-й вариант ответа: интересная, хорошо оплачиваемая, в приятном коллективе.

Интерпретация: стремление.

2-й вариант ответа: недалеко от дома, не задерживают выплаты, нет переработок.

Интерпретация: доминирует избегание.

В. Сходство — различие. Этот параметр определяет и указывает, на что ориентируется человек в жизни и работе — на выделение общего или различного. Тяготение к сходству означает стремление к компромиссам в конфликтных ситуациях; людям, тяготеющим к различию, бывает весьма сложно успешно решать конфликты.

Пример вопроса: сравните свою специальность по образованию с реальной работой.

Если акцент в ответе делается на поиск сходных признаков, то у человека преобладает паттерн сходства, если на различия, то, соответственно, на различия.

Базируясь на сложившихся паттернах, человек выбирает наиболее комфортный путь реализации своих потребностей, он более успешен в ситуациях, которые совпадают с его паттернами.

Таким образом, выявляя те или иные сложившиеся паттерны поведения, можно также выстроить систему прогнозирования поведенческих феноменов.

Литература

1. *Иванова С.В.* Кандидат, новичок, сотрудник. — М., 2008.
2. *Леонтьев В.О.* Классификация эмоций. — Одесса, 2002.
3. *Леонтьев В.О.* Модель отношений и принцип неопределенности в психике [Электронный ресурс]. — URL: <http://emoatlas.narod.ru/mod1.html>.
4. *Лефевр В.А.* Формула человека. — М., 1991.
5. *Ребер А.* Большой толковый психологический словарь: в 2 т. — М.: Вече; АСТ, 2000. — Т. 2.
6. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. — СПб.: Питер, 1999.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАБОТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДОПРАШИВАЕМЫМИ: СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Е. В. Васкэ, Ф. С. Сафуанов

Аннотация: в статье представлена многоуровневая структура психологического взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетними субъектами уголовного процесса в ходе проведения допросов; проанализированы функции уровней, цели и задачи стадий психологического взаимодействия.

Ключевые слова: несовершеннолетний, индивидуальность, уровни психологического взаимодействия, стадии психологического взаимодействия, тактика допроса, стратегии психологического воздействия, техники убеждающего воздействия.

The summary: the article represents the levels structure of psychological interaction workman investigation organs in the minors subjects criminal process in the course of undertaking interviewings to analyses function levels, purposes and basic stages psychological interaction.

Keywords: minor, individual, levels on the psychological interaction, stages on the psychological interaction, tactics investigation questioning, strategies on the psychological influence, technology convincing influence.

Допрос как коммуникативный процесс предполагает взаимообмен действиями, информацией и состояниями включенных в него субъектов, поэтому для достижения юристом своих профессионально важных целей профессио-

нальное общение требует тщательной подготовленности и методической оснащенности. Взаимосвязи между участниками коммуникативного процесса, как правило, двусторонние, в связи с чем соотношение между вербальными и невербальными средствами в процессе общения определяется характером совместно решаемой задачи и условиями совместной деятельности. Для того чтобы поставленная перед юристом задача (прежде всего установление истины по уголовному делу) в ходе профессионального общения при проведении допроса стала решаемой, коммуникативный процесс должен носить характер именно взаимодействия, а не одностороннего воздействия на личность допрашиваемого.

Нарушение процессуальных норм, предписывающих процессуальный порядок речевого взаимодействия сторон, которые регламентируют допрос как отдельное следственное действие (ст. 173, 174, 187–191, 223.1, 425 УПК РФ), в соответствии с ч. 3 ст. 7 УПК РФ «влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств». Обязательное соблюдение процессуальных процедур ведения данного следственного действия включает в себя и его протоколирование, отражающее не только содержание коммуникативного процесса, но и весь его ход (ст. 190 УПК РФ), предъявляя тем самым особые требования к процессу

общения. Представляется очевидным, что профессиональное общение юриста помимо процессуальных должно включать в себя и непроцессуальные формы, основанные на знании психологических закономерностей межличностного взаимодействия и умении их использовать в процессуально-регламентированной деятельности. В связи с этим понимание допроса как системы, включающей в себя уголовно-процессуальные нормы, криминалистические тактики и психологические приемы воздействия при реализации указанных подсистем параллельно друг с другом, существенно повышает эффективность проведения этого следственного действия.

Допрос несовершеннолетних субъектов уголовного процесса сопряжен с определенными трудностями, связанными с их возрастными особенностями (специфической динамикой протекания психических процессов) и возможным/обязательным участием в проведении указанного следственного действия третьих лиц (законного представителя, защитника, педагога). Допрос несовершеннолетних правонарушителей и несовершеннолетних (малолетних) потерпевших как особых субъектов уголовного процесса представляет особую сложность при осуществлении конструктивного взаимодействия, направленного на получение от них полных и правдивых показаний. При этом, кроме основной цели — получения достоверных показаний, допрос несовершеннолетних правонарушителей должен иметь и промежуточную — коррекцию (изменение) мотивационной направленности в части дальнейшего просоциального поведения, а допрос несовершеннолетних (малолетних) по-

терпевших — избежание вторичной психотравматизации самой процедурой проведения этого следственного действия. Реализация указанных целей возможна при условии организации совместной деятельности с несовершеннолетним в ходе проведения допроса через процесс психологического взаимодействия с ним, системно структурированный по трем уровням: процессуальному, субъект-субъектному и ролевому.

1. Процессуальный уровень обусловлен наличием законодательно закрепленных полномочий юриста в управлении коммуникативным процессом допроса с одной стороны и особым процессуальным статусом несовершеннолетнего как субъекта уголовного процесса с другой. Данный уровень психологического взаимодействия выполняет *функцию законодательной регламентации* рассматриваемого следственного действия, осуществляемую через тактику допроса при строгом соблюдении процессуальных процедур его проведения (ст. 48, п. 2 ч. 1 ст. 51, 187, 189–191, 425, 426 УПК РФ).

Учитывая возрастные особенности несовершеннолетних субъектов уголовного процесса, законодатель, наряду с общими, предусмотрел особые правила проведения допроса, касающиеся его продолжительности и привлечения к этому следственному действию педагога, защитника, законного представителя, осуществляющих в первую очередь правозащитную функцию. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) не может продолжаться непрерывно более двух часов, а в общей сложности — более четырех часов в день (ст. 425 УПК РФ); те же требования

должны соблюдаться при допросе несовершеннолетних потерпевших.

Порядок допроса несовершеннолетних потерпевших во многом схож с порядком проведения данного следственного действия с несовершеннолетними обвиняемыми (подозреваемыми), однако гарантии прав последних шире. Так, обязательным участником допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) является его защитник (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), наделенный достаточно широким кругом полномочий (ст. 53 УПК РФ). С момента первого допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) к участию в уголовном деле допускаются его законные представители (ст. 426 УПК РФ), причем в соответствии со ст. 48 УПК РФ их участие в уголовном деле обязательно, а полномочия аналогичны правам защитника. Участие педагога (психолога) также является обязательным условием проведения допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), не достигшего шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 3 ст. 425 УПК РФ).

Законодатель четко регламентирует участие педагога (психолога) и в допросе несовершеннолетних потерпевших: обязательное — при допросе потерпевших, не достигших четырнадцати лет, и по усмотрению следователя — от четырнадцати до восемнадцати лет (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Таким образом, несмотря на то что участие педагога (психолога) и законных представителей несовершеннолетнего, кроме правозащитной функции, направлено на обеспечение психологического контакта между следователем и

подростком, присутствие последних на допросе несовершеннолетних потерпевших, в отличие от допроса несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых), не является обязательным условием (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Законодательное закрепление правил проведения допроса, кроме запрета на постановку наводящих вопросов, не ограничивает возможности следователя при выборе тактики данного следственного действия (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Не имея обязательной силы в процессуальном контексте и будучи обусловленной конкретной следственной ситуацией, тактика допроса обеспечивает оптимальный режим для осуществления этого следственного действия. Рассматривая тактику допроса как ситуационно обусловленные действия юриста, направленные на достижение профессионально важной цели, выбор которых определяется совокупностью внешних и внутренних факторов (предметом допроса, процессуальным положением допрашиваемого лица и избранной им позиции, наличием и качеством доказательной базы и др.), необходимо отметить, что ее проведение с несовершеннолетними допрашиваемыми имеет ряд особенностей.

Так, процессуально закрепленное ограничение времени непрерывного проведения допроса, обязательное или возможное участие в допросе несовершеннолетнего его законного представителя, педагога, психолога, защитника в определенных случаях способно как помочь, так и существенно осложнить коммуникативный процесс между следователем и допрашиваемым. В связи с этим юристу, исходя из оценки индивидуальности несовершеннолетнего и осо-

бенностей конкретной следственной ситуации, необходимо тактически правильно определить (скорректировать, изменить): пространственное расположение участников допроса; постановку (отвод) вопросов к допрашиваемому со стороны других участников следственного действия; частоту и продолжительность перерывов в допросе; порядок предъявления доказательств; очередность формулирования косвенных, уточняющих, детализирующих вопросов и др. Выбор юристом тактики проведения данного следственного действия обусловлен предметом, целями и задачами допроса; процессуальным положением несовершеннолетнего; его индивидуальными характеристиками; избранной позицией самого допрашиваемого и других обязательных (возможных) участников допроса; наличием и качеством информационной базы, имеющейся в распоряжении следователя.

2. **Субъект-субъектный уровень**

отражает психологические закономерности осуществления коммуникативного процесса, определяющиеся синтезом информационно-коммуникативной, регуляционно-коммуникативной и аффективно-коммуникативной функций общения [4]. *Информационно-коммуникативная функция*, влияющая на динамику когнитивных процессов, выражается в процессе передачи-приема информации. При этом возможное возникновение «когнитивных конфликтов» [4] способно «оказывать на субъекта сильное мотивационное влияние, становясь побудительной силой в мотивационной сфере его личности» [6, с. 222]. *Регуляционно-коммуникативная функция* способствует осуществлению процесса психологического воздействия на

все составляющие деятельности несовершеннолетнего (мотив, цель, принятие решения и т. д.) и реализуется в согласованности действий при взаимном стимулировании и взаимной коррекции поведения. С регуляционно-коммуникативной функцией связан прежде всего процесс убеждения, эффективность которого определяется характером функциональных связей между субъектами в условиях совместной деятельности и сложившимися межличностными отношениями. *Аффективно-коммуникативная функция* общения относится к эмоциональной сфере субъекта и предполагает оказание регуляционных воздействий, формирующих развитие эмоциональных состояний. При этом психологическое воздействие на эмоциональную сферу несовершеннолетнего отражается не только на его поведенческом реагировании, но и на личности в целом, сохраняя свою эффективность в течение длительного промежутка времени.

Процесс убеждения, прямо или опосредованно осуществляемый с помощью применения техник [1, 2, 5, 8] правомерного психологического воздействия, направлен на формирование у несовершеннолетнего установки содействия следствию через подкрепление позитивных начал личности подростка и побуждение его к рефлексивному анализу своего поведения. Способствуя созданию благоприятной психологической атмосферы допроса несовершеннолетнего как лица, попавшего в трудную жизненную ситуацию, техники убеждающего воздействия (техника накопления согласий, техника подтверждения общности, метод прецедента, техника унисона и др.), каждая из которых имеет свою узкую направленность, сохраняют

за подростком свободу выбора своей позиции при наличии условий для такого выбора. В свою очередь, действенность осуществления процесса убеждения на субъект-субъектном уровне зависит от правильности выбора юристом комплекса психотехник, исходя из оценки и при учете индивидуальности несовершеннолетнего, а также избранной им позиции.

3. Психологическое взаимодействие с несовершеннолетним на **ролевом уровне** выполняет *функцию синхронизации*, обуславливающую прочность взаимосвязи с несовершеннолетним в ситуации профессионального общения и осуществляемую через «взаимоотношения мотивов общающихся индивидов» [4, с. 236]. Ролевой уровень психологического взаимодействия обеспечивается принятием юристом определенной позиции при антиципировании тенденции к изменению когнитивного, эмоционального и поведенческого компонента несовершеннолетнего допрашиваемого. В связи с этим регуляция индивидуального действия юриста, направленная на формирование (коррекцию, изменение) мотивационных линий, взглядов и установок несовершеннолетнего в ситуации допроса, осуществляется через стратегии психологического воздействия [2]. *Дистантная стратегия* реализуется через позиционирование юристом своей социальной роли с целью придания значимости самой ситуации взаимодействия при отказе от внешне декларируемого доминирования; *стратегия опережения* — при позиционировании статусного доминирования юриста с целью блокирования попыток несовершеннолетнего ввести следствие в заблуждение; *стратегия подстройки* — через

демонстрацию отказа от позиционирования статусного доминирования в ситуации скрытого противодействия с целью создания эмоционально-комфортного состояния несовершеннолетнего, способствующего переводу предложений юриста в мотивированные действия подростка; *стратегия отражения* — при отказе от позиционирования юристом своей социальной роли при выражении личностного принятия несовершеннолетнего с целью осуществления эмпатийного воздействия в процессе убеждения.

Поскольку внутренняя и внешняя позиция юриста при реализации стратегии психологического воздействия могут не совпадать, ее выбор обусловлен индивидуальностью несовершеннолетнего и особенностями конкретной ситуации допроса. Правильно избранная стратегия психологического воздействия способствует укреплению взаимосвязи с подростком — установлению с ним функциональных отношений в искусственно созданных условиях (ситуации допроса). Грамотно организованное воздействие ролевой позиции юриста способствует достижению аттракции как формирования межличностных отношений с преобладанием эмоционально-оценочного компонента, позволяя свести до минимума когнитивные и эмоциональные препятствия в ходе взаимодействия с несовершеннолетним. На основании этого признание несовершеннолетним авторитета юриста как личности, а не только его власти как законодательно закрепленных полномочий, обуславливает значимость ролевого уровня психологического взаимодействия.

Таким образом, принятие юристом определенной ролевой позиции (ролевой уровень), оснащенной вербальными

и невербальными средствами воздействия на когнитивную, эмоциональную и мотивационную сферу личности подростка (субъект-субъектный уровень), при строгом соблюдении процессуальных процедур тактики ведения допроса (процессуальный уровень) способствует осуществлению действенного процесса *психологического взаимодействия* с несовершеннолетним допрашиваемым — *многоуровневого, методически оснащенного и процессуально организованного коммуникативного процесса, направленного на достижение юристом своих профессионально важных целей и реализуемого через синхронизацию действий с несовершеннолетним при оценке и учете его индивидуальности.*

Определение индивидуальности несовершеннолетнего как неповторимого сочетания возрастных, характерологических, интеллектуальных, эмоционально-волевых, ценностно-смысловых и других особенностей личности, формирующихся под воздействием внешних (социальных и микросоциальных) и внутренних (психофизиологических) факторов, в ходе расследования носит комплексный характер, предполагая симбиоз юридических и психологических знаний. В связи с этим применение принципа психотехнического познания и юридической значимости психологических явлений [7] имеет основополагающее значение как для оценки личности и поведения несовершеннолетнего, так и при выборе юристом методов психологического воздействия в ходе взаимодействия с несовершеннолетним допрашиваемым, исходя из определения его индивидуальности.

Специфичность допроса несовершеннолетних, обусловленная их процес-

суальным положением и возрастными особенностями, предъявляет особые требования к технологии проведения подобного следственного действия. Поскольку, в отличие от УПК РСФСР, действующий УПК РФ не устанавливает стадии процессуального общения (ст. 189), полагаем, что традиционное дробление процедуры допроса на этапы его проведения именно с несовершеннолетними субъектами уголовного процесса не всегда оправдывает себя. Так, фиксация результатов допроса лишь на заключительном этапе его проведения может повлечь за собой подмену высказываний несовершеннолетнего, а следовательно, нарушить требования ч. 2 ст. 190 УПК РФ. Высказывания несовершеннолетних (в особенности малолетних потерпевших) в ходе допроса может отличать отрывочность или расплывчатость, они могут даваться не всегда в плане поставленных вопросов и с использованием сленговых выражений, которые юрист не всегда способен удерживать в памяти до заключительного этапа — фиксации показаний.

Кроме того, при замене высказываний несовершеннолетнего можно упустить выражения, придающие всем показаниям особую окраску [9], а истинный смысл его показаний в определенных случаях может открыться лишь после тщательного их анализа следователем [3], например, к моменту следующего допроса, независимо от его процессуальной формы. Очевидно, что дословная, без искажений фиксация высказываний несовершеннолетнего в протоколе допроса необходима и с точки зрения дальнейшей интерпретации показаний допрашиваемого судебно-следственными органами. Таким образом, фиксировать

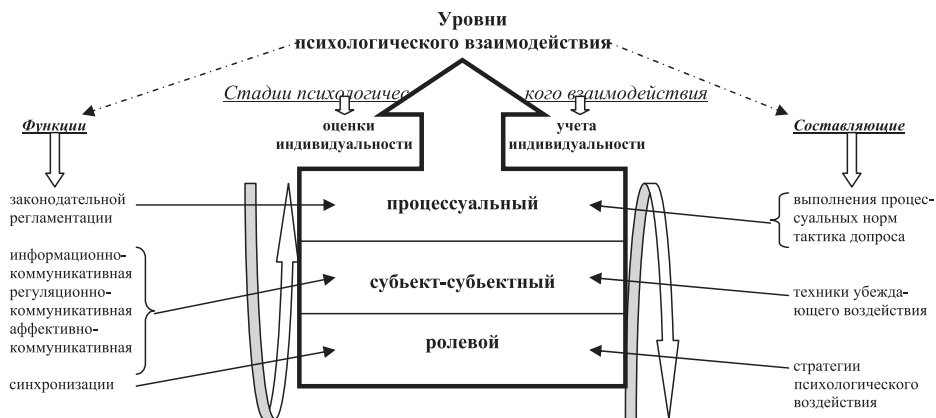

Рис. 1. Структура психологического взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетним при допросе

характерные обороты речи и наиболее информационно-значимые высказывания несовершеннолетнего следователю необходимо по ходу всего допроса, а не только на его заключительном этапе.

Участие в допросе несовершеннолетнего защитника и (или) его законного представителя в определенных случаях может существенно осложнить процесс взаимодействия следователя с подростком. Так, поведение недобросовестного защитника (законного представителя), направленное на противодействие следствию в части установления истины по уголовному делу, может выражаться в вербальной и невербальной подкачке ответов несовершеннолетнему, требовании немедленных консультаций с подзащитным, постановке ему провокационных вопросов, попытках дезорганизовать деятельность следователя некорректными репликами в адрес допрашиваемого и т. д. В таких случаях отвод вопросов, несущих в себе внушающее воздействие на психику несовершенно-

летнего, и пресечение дезорганизующих коммуникативный процесс действий защитника, в соответствии с ч. 2 ст. 53 УПК РФ, требует обязательной их фиксации в протоколе допроса также непосредственно после предъявления.

Поскольку процесс взаимодействия с несовершеннолетним начинается с периода первоначальных коммуникаций, нередко выражающихся в нежелании подростка вступать в продуктивный контакт, полагаем, что этапы свободного рассказа, постановки вопросов, устранения противоречий и т. д. могут неоднократно чередоваться, сменяя друг друга, в зависимости от особенностей конкретной ситуации, связанной с индивидуальными характеристиками допрашиваемого и избранной им позицией на допросе. В связи с тем что к периоду проведения первого допроса несовершеннолетнего его индивидуальность окончательно не определена следователем, психологическое взаимодействие с подростком как системно-структурированный, ме-

тодически оснащенный и процессуально организованный коммуникативный процесс необходимо осуществлять последовательно на двух стадиях.

Взаимодействие с несовершеннолетним на стадии *оценки индивидуальности* преследует следующие цели: 1) определение индивидуальности несовершеннолетнего через выявление психологической мотивации его поведения при сопоставлении высказываний и поведенческих проявлений подростка с предположительным портретом его личности, составленным по материалам уголовного дела в ходе подготовки следователя к допросу; 2) прогнозирование осуществления процесса убеждения, исходя из оценки индивидуальности несовершеннолетнего, избранной им позиции и поведения других участников данного следственного действия; 3) установление психологического контакта с несовершеннолетним допрашиваемым.

На основании того что установление психологического контакта не тождественно получению правдивых показаний, стадия *учета индивидуальности* следует после умышленного слома юристом ситуации «здесь и теперь», независимо от ее результативности, посредством осуществления перерыва в допросе.

Основной целью этой стадии является осуществление действенного процесса убеждения, направленного на получение полных и правдивых показаний от несовершеннолетнего через формирование у него установки содействия следствию. Промежуточные же цели обусловлены процессуальным положением несовершеннолетнего, а их реализация зависит от индивидуальности подростка и конкретной коммуникативной ситуации допроса.

Литература

1. *Аврамцев В.В.* Психология профессионального общения юриста: учеб. пособие. — Н. Новгород, 2000.
2. *Васкз Е.В.* Стратегии психологического воздействия в ходе проведения допроса: теоретический и прикладной аспекты // Приволж. науч. журн. — 2010. — № 1 (13). — С. 256–263.
3. *Коченов М.М., Осипова Н.Р.* Психология допроса малолетних свидетелей: метод. пособие. — М., 1984.
4. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984.
5. *Образцов В.А.* Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. — М., 1997.
6. *Романов В.В.* Юридическая психология: учебник. — М., 2003.
7. *Сафуанов Ф.С.* Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1.
8. *Столяренко А.М.* Психологические приемы в работе юриста: практ. пособие. — М., 2000.
9. *Шавер Б.М.* Методика расследования преступлений несовершеннолетних. — Саратов, 1935.

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ

А. В. Сухарев, А. П. Чулисова

Аннотация: в настоящей статье приведены результаты исследования этнофункциональных особенностей образной сферы личности преступников-рецидивистов, склонных к суицидальному поведению. Экспериментальное исследование показало, что у них имеются существенные нарушения этнофункционального развития образной сферы. Данные особенности свидетельствуют о преобладании у этих лиц ведущего депрессивного аффекта тоскливо-апатического спектра в сочетании с тревожным компонентом.

Ключевые слова: этнофункциональный подход, образная сфера личности, преступники-рецидивисты, суицидальное поведение, ведущий депрессивный аффект.

The summary: in this article the results of research of ethnofunctional specificity of image sphere of old offenders, declined to suicidal behavior are represented. The results of experimental research revealed that they have the deformation of ethnofunctional development of image sphere. This specificity is also the indicator of leading melancholic and apathetic emotions including the anxiety component.

Keywords: ethnofunctional approach, image sphere of personality, suicidal behavior, old offenders, leading depressive emotion.

По мнению исследователей, суицидальное поведение можно определить как проявление аутоагрессии, вызван-

ной невыносимой душевной болью, возникновение которой обусловлено кризисной ситуацией столкновения личности с субъективно непреодолимыми проблемами [1, 5, 11 и др.]. Для современного российского общества проблема профилактики совершения личностью самоубийства является достаточно актуальной в связи с ростом количества завершённых суицидов: за последние 10 лет эта цифра возросла с 6 до 30 тыс. случаев в год [5].

В качестве характерных черт личности суицидента исследователи выделяют инфантильность, неустойчивость эмоциональной сферы, импульсивность, частые перепады настроения, склонность к депрессивным расстройствам, которые характеризуются чувством тревоги, страха, тоски или апатии, уныния, состоянием подавленности и безнадежности, потерей смысла жизни и др. [7, 8, 11]. По данным статистики, от общего количества лиц, совершивших самоубийство, 60 % приходится на больных депрессией. Кроме того, самоубийство выступает причиной смерти у 20 % депрессивных больных [5].

В отечественной школе аффективной патологии выделяют следующие типы ведущего аффекта при депрессивном расстройстве личности: тревожный, тоскливый и апатический. Для *тревожной депрессии* характерны чрезмерная активность, беспокойное поведение; для *тоскливой депрессии* — переживания духовной опустошенности и отгоро-

женности от окружающего; для *апатической депрессии* — пассивное, созерцательное поведение, такие больные равнодушно наблюдают за окружающими, в контакт с ними не вступают. Также при тоскливой и апатической депрессии наблюдается снижение влечений (пищевого, сексуального и др.), в то время как при тревожной возможно повышение влечений. Следует отметить, что тоскливая депрессия характеризуется сниженным, по сравнению с тревожной, энергетическим потенциалом («напряженностью» мотивационно-потребностной сферы). Вместе с тем при апатической депрессии энергетический потенциал еще более снижен, чем при тоскливой [6].

Как показывает ряд исследований с позиций этнофункционального подхода [9] в психологии, проведенных в клинике аффективных расстройств, для каждого типа ведущего аффекта (тревоги, тоски или апатии) характерны определенные этнофункциональные онтогенетические особенности личности. Для тревожного типа аффекта характерны — появление в онтогенезе личности до 5 лет образов экзотической природы, авторских сказок (вместо образов родной природы и русских народных сказок), а также религиозно-этических представлений; для тоскливого типа — появление образов первых воспоминаний (в том числе образов природы, сказок, религиозно-этических представлений) после 5 лет; для апатии — появление данных образов в онтогенезе после 8 лет [9].

Для личности с суицидальным поведением свойственен сниженный энергетический потенциал, как при тоске или апатии. В то же время для совершения самоубийства необходим определенный уровень напряженности мотивационно-

потребностной сферы, появление которого может быть обусловлено тревогой, сформированной в более позднем онтогенезе.

Один из важных социально-психологических факторов суицидального поведения — это вынужденная изоляция, связанная, в частности, с тюремным заключением или отбыванием наказания в исправительных учреждениях. Нередко личность, совершившая противоправный поступок, оказавшись в заключении, испытывает депрессивное состояние, что может привести к совершению самоубийства. Как показывает анализ литературы, причины возникновения данного состояния у преступника недостаточно изучены в пенитенциарной психологии, что представляет существенное затруднение в проведении профилактики суицидального поведения в исправительных учреждениях [2, 4].

В связи с этим *цель настоящего исследования* состояла в выявлении этнофункциональных особенностей личности преступника с суицидальным поведением для определения присущего ей типа ведущего аффекта. Мы предполагали, что для личности преступника с суицидальным поведением характерен тоскливый или апатический тип ведущего аффекта, сформированный в раннем онтогенезе, тогда как для позднего онтогенеза характерно появление тревоги.

В качестве *теоретико-методологической основы* нашего исследования мы использовали этнофункциональную парадигму в психологии, разработанную А.В. Сухаревым, которая опирается на ряд методологических принципов: этнофункционального единства микро- и макрокосма, этнофункционального развития, этнофунк-

ционального детерминизма и др. [9].

Базовым понятием этнофункциональной парадигмы является понятие этносреды, включающее в себя внутреннее (антропо-биологические, психологические), внешние (природно-климатические, социокультурные), а также трансцендентные (Бог, духи природных стихий) этнические признаки. В психике человека этносреда представлена в виде совокупности вторичных образов, то есть образной сферы (понятие А.А. Гостева [3]).

Каждый элемент образной сферы личности наделен этнической функцией, которая может принимать два значения: этноинтегрирующее, объединяющее личность с родной этносредой, или этнодифференцирующее, разобщающее с ней. Кроме того, образная сфера содержит онтогенетическую и «пространственную» составляющие. Особенности пространственной составляющей образной сферы личности определяют этнической функцией предпочитаемых на момент обследования образов этносреды.

В онтогенетическом аспекте, согласно методологическому принципу этнофункционального единства микро- и макрокосма, в развитии личности выделяются природная, сказочно-мифологическая, религиозно-этическая и иные стадии. Для возникновения образов природы оптимальным возрастным периодом является период до 5 лет, для сказочных — от 2 до 5 лет, для представлений о Боге, справедливости, грехе — от 6 до 8 лет.

Методы исследования. В данном исследовании применялись следующие эмпирические методы: 1) метод структурированного этнофункционального

интервью [9], позволяющий определить этнофункциональные онтогенетические и пространственные составляющие образной сферы личности испытуемых, а также тип ее ведущего аффекта (по этнофункциональным особенностям раннего онтогенеза личности); 2) тест Роршаха, позволяющий определить особенности эмоциональной и когнитивной сфер личности [12].

На основании теоретических и экспериментально-психологических этнофункциональных исследований был разработан эталон «этнофункциональной нормы», представляющий собой условный предел, к которому стремится этнофункциональный онтогенез личности, максимально приближенный к идеальному прообразу развития — этнофункциональной *архегении* личности [9]. Указанный эталон определяется по избранным нами в каждом конкретном исследовании показателям отсутствия нарушения этнофункционального развития образной сферы личности. Иными словами, этот эталон на основании результатов исследований позволяет отделить более высокую степень психической, нравственной, социальной и других видов адаптированности личности от более низкой. В нашем исследовании показатели отсутствия нарушения этнофункционального развития образной сферы личности таковы:

1. Появление первых, хотя бы фрагментарных образов в психике испытуемого в возрасте до 5 лет (в «норме» всегда имеются).

2. Возникновение эмоционально позитивных образов родной природы до 5 лет (в «норме» всегда имеются).

3. Отсутствие этнодифференцирующих образов природы в возрасте до 8

Таблица 1

**Количество этнофункциональных онтогенетических показателей
у личности преступников с суицидальным поведением по сравнению
с этнофункциональной нормой, %**

№ п/п	Показатели	Количество показателей в группе испытуемых (n = 23)
1	Появление образов первых воспоминаний после 5 лет	43,5
2	Появление образов первых воспоминаний с травмирующим содержанием до 5 лет	30,8
3	Появление образов природы с 5 до 8 лет	43,5
4	Появление образов природы после 8 лет	26,1
5	Появление позитивно воспринимаемых этноинтегрирующих образов природы до 5 лет	4,3
6	Появление сказочных образов с 5 до 8 лет	39,1
7	Отсутствие сказочных образов до 8 лет	43,6
8	Появление образов из русских народных сказок до 5 лет	0
9	Появление образов авторских сказок с 5 до 8 лет	44,4
10	Появление переживаний, связанных с представлением о Боге после 8 лет	82,6
11	Появление переживаний, связанных с представлением о грехе после 8 лет	54,5
12	Отсутствие переживаний, связанных с представлением о грехе в любом возрасте	36,4
13	Появление переживаний, связанных с представлением о справедливости после 8 лет	45,5

Примечание: здесь и далее указанные в таблицах показатели достоверно отличаются от этнофункциональной нормы на уровне $0,01 < p < 0,05$.

лет (в «норме» всегда отсутствуют).

4. Появление образов русских народных сказок до 5 лет (в «норме» всегда имеются).

5. Отсутствие образов авторских сказок в возрасте до 7 лет (в «норме» всегда отсутствуют).

6. Возникновение переживаний, связанных с религиозными или этическими представлениями в возрасте с 6 до 8 лет (в «норме» всегда имеются).

В качестве этнофункционального эталона этнофункциональных предпочтений на момент обследования мы ис-

пользовали следующие показатели:

1) предпочтение этноинтегрирующих образов природы и климата (в «норме» всегда имеется);

2) предпочтение этноинтегрирующих продуктов питания (в «норме» всегда имеется).

Математико-статистическая обработка эмпирических данных проводилась с помощью χ^2 -критерия Пирсона.

Кроме того, в исследовании использовалось идиографическое описание полученных результатов у каждого испытуемого.

В исследовании приняли участие 23 заключенных следственного изолятора (ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по г. Москве) — мужчин в возрасте от 21 года до 37 лет. На момент проведения исследования испытуемые привлекались, обвинялись или уже были осуждены за различные преступления: убийство, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, кража, грабеж, разбой, сбыт, приобретение или хранение наркотических веществ и др. Все заключенные ранее были судимы. В анамнезе данных испытуемых были попытки самоубийства (пытались повеситься, отравиться медикаментозными препаратами, наносили себе порезы в область шеи, запястий).

Все обследуемые родились и прожили первые 5 лет в средней полосе России и считают себя русскими по самоопределению.

Как показывают результаты проведенного исследования (табл. 1), образы первых воспоминаний испытуемых чаще относятся к возрасту после 5 лет. Образы первых воспоминаний, которые относят-

ся заключенными к возрасту до 5 лет, чаще имеют травмирующее содержание (например, первым воспоминанием одного из испытуемых является то, как он упал в траншею и сильно ушибся). Вместе с тем образы природы в онтогенезе испытуемых появляются либо в 5–8 лет, либо после 8 лет. Также у испытуемых крайне редко (в 1 случае из 23) первые образы природы, относящиеся к возрасту до 5 лет, являются этноинтегрирующими с положительным к ним отношением. Сказочные образы у заключенных либо появляются после 5 лет, либо вовсе отсутствуют в онтогенезе. Вместе с тем до 5 лет у них отсутствуют образы из русских народных сказок. В то же время сказочные образы, появившиеся в возрасте после 5 лет, часто относятся к образам из авторских сказок. Переживания, связанные с представлением о Боге и справедливости, часто появляются у испытуемых после 8 лет, а связанные с представлением о грехе — либо также после 8 лет, либо вовсе отсутствуют.

Показатели таблицы 2 свидетельствуют о том, что испытуемые чаще

Таблица 2

Количество этнофункциональных предпочтений у преступников с суицидальным поведением по сравнению с этнофункциональной нормой на момент обследования, %

№ п/п	Показатели	Количество показателей в группе испытуемых (n = 13)
1	Предпочтение экзотического климата	53,8
2	Отрицательное отношение к образам зимней природы	66,7
3	Предпочтение в качестве постоянного места жительства экзотическую этносреду	58,3
4	Предпочтение образов животных и среднерусского и экзотического ландшафтов	55,6
5	Предпочтение и традиционных, и экзотических продуктов питания	58,4

предпочитают экзотический климат и отрицательно относятся к образам зимней природы. Вместе с тем они часто предпочитают образы животных как среднерусского, так и экзотического ландшафтов, а также в качестве постоянного места жительства экзотическую этносреду. Кроме того, заключенные чаще предпочитают экзотические продукты питания (бананы, киви и др.).

Из таблицы 3 следует, что у испытуемых ярко выражено эмоциональное торможение когнитивных процессов. В то же время для них характерна неконтролируемая и недостаточно контролируемая эмоциональность. У 36,4 % обследованных вообще отсутствуют признаки эмоциональности по тесту Роршаха, что является признаком эмоциональной незрелости и наличия неконтролируемого агрессивного поведения. Отсутствие признаков эмоциональности свидетельствует о низком уровне напряженности потребностей и мотивов, что соответствует результатам этнофункционального исследования (отсутствие в психике образов природы до 5 лет) [9]. Также отсутствие в Роршах-тесте признаков эмоциональности (различное сочетание

цветовых ответов) является признаком эндогенной депрессии [12].

Вместе с тем испытуемые достоверно чаще (в 39,1 % случаев) употребляют (или пробовали) такие наркотики, как первитин, кокаин, гашиш и др., то есть стимуляторы, и реже «седативные» наркотики, например, героин (в 8,7 % случаев).

Приведенные результаты эмпирического исследования подтверщаются идиографическим описанием этнофункциональных особенностей образной сферы личности испытуемых, а также особенностей их эмоциональной и когнитивной сфер.

Пример 1. Испытуемый М., 24 года, родился и проживает в Москве, считает себя русским. На момент обследования привлекался к уголовной ответственности за нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть пострадавшего (ст. 111 ч. 4, вину в совершении преступления признает), ранее уже был дважды судим за грабеж, угрозу убийством и нанесение телесных повреждений средней степени тяжести. В 16–19 лет М. нюхал клей (состоял на учете у нарколога с диагнозом «токси-

Таблица 3

**Количество показателей теста Роршаха
у преступников с суицидальным поведением, %**

№ п/п	Показатели	Выраженность показателей в группе испытуемых (n = 11)
1	Количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов	75,5
2	Количество показателей выраженного эмоционального торможения когнитивных процессов	15,5
3	Количество показателей неконтролируемой и недостаточно контролируемой эмоциональности	8,8
4	Количество испытуемых, у которых отсутствуют признаки эмоциональности	36,4

комания»), с 18 лет курит табак (по 2–3 пачки сигарет в день), периодически употребляет марихуану. Заключенный неоднократно пытался покончить жизнь самоубийством — вскрывал себе вены на запястьях, шее, пытался отравиться медикаментозными препаратами («из-за ссор со своей девушкой»), в связи с чем находился на лечении в психиатрической больнице. М. часто совершал членовредительство (наносил себе незначительные порезы в области предплечий) по причине того, что ему «нравится вид крови, он успокаивает».

Как показывают результаты этнофункционального структурированного интервью, испытуемый помнит себя с 10 лет (образы его первых воспоминаний — «городской двор, знакомые»). В свою очередь, образы неантропогенной природы в онтогенезе образной сферы М. отсутствуют (на вопрос «Помните ли Вы какую-либо природу в своем детстве или в более старшем возрасте?» испытуемый ответил: «Улица — она и есть улица»). Также отсутствуют в его онтогенезе сказочные образы (никаких сказок М. не помнит) и вместе с ними переживания, связанные с представлением о Боге и грехе. Что касается первых переживаний, связанных с представлением о справедливости, то они появились у М. «после первого срока, из-за предательства бывшего друга». Следует отметить, что испытуемый не придерживается никакой веры («ни во что не верю: ни в Бога, ни в дьявола»).

Вместе с тем М. предпочитает образ деревенской природы («чтобы были рядом с деревней лес и озеро»), однако отрицательно относится к образам зимней природы («не люблю снег и метель»). Помимо образов растений и животных

среднерусского ландшафта («дуб, береза, сосна, ястреб»), заключенный предпочитает и образы экзотических животных: «тигр, лев, аллигатор, леопард». Также, наряду с традиционными продуктами питания («капуста, чеснок, вишня»), М. предпочитает и экзотические: «бананы, мандарины».

Как показывают результаты Роршах-психодиагностики, у М. значительно выражено эмоциональное торможение когнитивных процессов. Однако Роршах-протоколе у испытуемого отсутствуют признаки эмоциональности, что является признаком неразвитости эмоциональной сферы и наличия неконтролируемого агрессивного поведения.

Описанные особенности онтогенетической составляющей образной сферы личности этого испытуемого свидетельствуют о том, что для него характерен апатический тип ведущего аффекта (признак апатии — появление у М. первых воспоминаний лишь с 10 лет). По нашим данным, наличие ведущего апатического аффекта обуславливает отсутствие у личности «энергетических» ресурсов, необходимых для решения значимых жизненных проблем, из-за чего у нее может возникнуть суицидальное поведение (как «наиболее легкий» выход из сложившейся ситуации). Употребление заключенным М. наркотиков-стимуляторов (марихуаны, клея) может быть обусловлено тем, что они дают «мнимые ресурсы» апатической личности, которые отнюдь не решают проблемы, а все более разрушают личность.

В то же время особенности странственной составляющей образной сферы личности М. (предпочтение на момент обследования этнодифференцирующих климато-географических,

а также антропо-биологических образов этносреды) указывают на наличие тревоги, которая, однако, сформировалась в онтогенезе позже апатии. Купирование тревожного аффекта осуществляется табакокурением [9].

Следует отметить, что отсутствие природных, сказочных образов и представлений о Боге и грехе в онтогенезе личности испытуемого, а также появление представлений о справедливости гораздо позже оптимального возрастного периода обуславливает, согласно принципу этнофункционального детерминизма, существенное недоразвитие эмоционального контроля. В свою очередь, это может вызывать «неадекватные» проявления тревоги, например, в форме неконтролируемого агрессивного поведения, о возможном появлении которого также свидетельствуют результаты теста Роршаха.

Пример 2. Испытуемый Е., 23 года, родился и проживает в Москве, считает себя русским. На момент обследования привлекался к уголовной ответственности за приобретение наркотических веществ (ст. 228 ч. 1), ранее был судим 6 раз за кражи и разбои. Совершение этих преступлений заключенным связано с употреблением им наркотиков (употребляет героин с 9 лет). Е. неоднократно пытался бросить употребление героина, в частности, с помощью православия (жил некоторое время в православной организации — «хотел разобраться в себе»); с 8 лет курит табак (по 10 сигарет в день). Несколько раз заключенный пытался покончить жизнь самоубийством: пытался повеситься, вскрывал себе вены на левой руке (в связи с «нервными срывами из-за семейных проблем»). Е. воспитывался в неполной

семье в основном родной сестрой, мать злоупотребляла алкоголем, отец отбывал наказание.

Как показывают результаты проведения этнофункционального структурированного интервью, образы первых воспоминаний испытуемый относит к 3–4 годам (он вспоминает образы «матушки», «сестры», «как купили пистолетик»). Образы природы в онтогенезе Е. появляются с 5 лет. В этом возрасте он помнит «березовую рощу в городском парке возле Москвы-реки». Эти воспоминания являются для Е. приятными, однако, как он замечает, «были в жизни воспоминания и получше». Сказочные образы в онтогенезе испытуемого отсутствуют («не помню никаких сказок»). При этом представления о Боге появляются у него с 7 лет (связано с «семейными проблемами»), представления о грехе — с 6–7 лет («когда наказание понес»), представления о справедливости — с 8 лет («очень дорогие мне люди несправедливо обвинили меня в краже»), то есть в оптимальный период. Следует отметить, что Е. придерживается православной веры (был крещен в раннем детстве), однако молитв не знает, со слов испытуемого — о Боге вспоминает, «когда возникает серьезная проблема».

Кроме того, у испытуемого отсутствует предпочитаемый образ природы («природу не люблю»), вместе с тем он отрицательно относится к образам зимней природы («не нравится зима — холодно, мороз щеки щиплет»), предпочитает южный климат («там, где тепло, нет зимы»), экзотическую этносреду в качестве постоянного места жительства («хотел бы жить в Испании»), а также образы экзотических животных и рас-

тений («вараны, кактус, монстера»). При этом Е. отмечает, что он предпочитает в основном комнатные растения, а «к деревьям безразличен». Помимо традиционных продуктов питания («груши, фасоль, картошка, огурцы»), заключенный предпочитает и экзотические: «бананы, апельсины».

Испытуемый увлекается рисованием (рисует «голубей, розы, храмы, мечети», «несколько раз срисовывал с иконы Иисуса»), пишет стихи («о смысле жизни думать люблю»).

По результатам Роршах-психодиагностики видно, что для испытуемого характерно как эмоциональное торможение когнитивных процессов, так и эффективный контроль эмоциональности, в частности, тревоги.

Описанные особенности онтогенетической составляющей образной сферы личности испытуемого указывают на то, что ведущим является тоскливо-тревожный аффект. Подобный вывод следует из того, что в раннем онтогенезе Е. (в 3–4 года) несвоевременно возникает образ «пистолетика», который, согласно принципу этнофункционального развития, в идеале должен относиться к более поздней стадии развития образной сферы личности (стадии просвещения). В связи с этим образ «пистолетика» обуславливает возникновение в раннем онтогенезе тревоги у испытуемого. В то же время образы природы появляются у заключенного с 5 лет, что указывает на признак формирования ведущего тоскливого аффекта [9, 10]. Первый образ природы недостаточно эмоционально насыщен («были в жизни воспоминания и получше»), что также может способствовать формированию тоскливого аффекта.

Результаты исследования «пространственной» составляющей образной сферы личности Е. (предпочтение на момент обследования этнодифференцирующих климато-географических и антропо-биологических образов этносреды) подтверждают наличие у него тревоги. Вместе с тем отсутствие предпочитаемого образа природы, в частности, безразличное отношение к образам деревьев, может свидетельствовать, как мы предполагаем, о наличии у испытуемого тоски.

Приведенные результаты указывают также на гораздо более раннее формирование тревоги в онтогенезе Е., по сравнению с онтогенезом испытуемого М. (см. *пример 1*). Данное различие между испытуемыми подтверждается еще и тем, что испытуемый Е. начал курить не с 18 лет (как испытуемый М.), а гораздо раньше — с 8 лет (как уже отмечалось в *примере 1*, табакокурение — признак наличия тревоги). В случае с заключенным Е. тревога также купируется употреблением «седативных» наркотиков (героина).

Наличие ведущего тоскливо-тревожного аффекта у Е. обуславливает, на наш взгляд, снижение «энергетических» ресурсов личности, что, в свою очередь, может способствовать затруднению в разрешении значимых проблем и возникновению в итоге суицидального поведения.

Наличие эффективного контроля эмоциональности, например, тревоги (по показателям Роршах-теста), противоречит выявленным этнофункциональным особенностям образной сферы личности данного испытуемого, а также наличию у него криминального и суицидального поведения. Тем более что

отсутствие сказочных образов в онтогенезе заключенного свидетельствует, согласно принципу этнофункционального детерминизма, о недостаточно развитом у него эмоциональном контроле. Это противоречие может объясняться тем, что заключенный неосознанно «гармонизирует» взаимодействие эмоциональной и когнитивной сфер с помощью своих творческих увлечений рисованием и стихами, то есть занимается «самотерапией» Это приносит ему «катартическое освобождение», способствующее эффективному контролю эмоциональности, однако только на определенное время.

Своевременное (в 6–8 лет) появление религиозных представлений при возникновении образов природы после 5 лет, отсутствие сказочных образов в онтогенезе, как в случае с испытуемым Е., не обуславливает органичного формирования нравственности у личности, но может способствовать лишь «беспочвенному морализаторству» [9].

В заключение отметим, что для личности преступников-рецидивистов, находящихся под следствием по обвинению в насильственных и корыстных преступлениях и склонных к суицидальному поведению, характерно: 1) наличие первых воспоминаний в раннем онтогенезе в возрасте не ранее 5 лет; 2) возникновение в психике образов родной природы в возрасте после 5 лет; 3) отсутствие сказочных образов в возрасте до 5 лет; 4) возникновение в образной сфере образов авторских сказок в возрасте с 5 до 8 лет; 5) возникновение религиозных и этических представлений в возрасте после 8 лет.

Кроме того, на момент обследования испытуемые предпочитали этнодиффе-

ренцирующие образы природы, климата и продуктов питания.

Следует заметить, что, согласно принципу этнофункционального единства микро- и макрокосма, оптимальным возрастным периодом для возникновения у личности образов авторских сказок является возраст не ранее 8 лет. Авторские сказки в российском этногенезе возникли в конце XVIII — начале XIX в., то есть существенно позже этапов фетишизма, анимизма, христианского и после завершения этапа просвещения в историческом развитии российской ментальности. Появление авторских сказочных образов до 8 лет под этим углом зрения выступает дезадаптирующим фактором, так как данные образы возникают до или в самом начале стадии просвещения в развитии личности, аналогичной этапу просвещения в российском этногенезе.

Указанные этнофункциональные особенности образной сферы личности свидетельствуют о преобладании у преступников ведущих аффектов тоскливо-апатического спектра при наличии ситуативного или личностного тревожного компонента. Преобладание тоскливого и апатического аффектов указывают на сниженный уровень напряженности мотивационно-потребностной сферы (сниженный энергетический потенциал личности).

Литература

1. Большая психологическая словарь. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.
2. Борисова С.Е. Психология личности преступника. — Орел: Орлов. юрид. ин-т МВД России, 2008.
3. Гостев А.А. Психология вторичного образа. — М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
4. Кузнецова Л.А. Опыт психокоррекционной работы с осужденными, требующими повышенного контроля // Актуальные проблемы деятельности

воспитательных колоний ФСИН России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М.: НИИ ФСИН России, 2008. — Ч. 2. — С. 73–78.

5. *Логинова О.И.* Психология и человек [Электронный ресурс]. — URL: <http://narod.ru/Suizid.htm> [дата обращения 2011 г.].

6. Психопатологические критерии диагностики депрессий: метод. рек. / О.П. Вертоградова, В.Ф. Войцех, В.М. Волошин [и др.]. — М.: Минздрав СССР, 1980.

7. *Ромек В.Г., Контарович В.А., Крукович Е.И.* Психологическая помощь в кризисных ситуациях. — СПб.: Речь, 2004.

8. *Старшенбаум Г.В.* Суицидология и кризисная психотерапия. — М.: Когито-Центр, 2005.

9. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. — М.: Ин-т психологии РАН, 2008. — С. 83–93, 177–192.

10. *Сухарев А.В., Степанов И.Л.* Этнофункциональный аспект особенностей развития депрессивных расстройств // Журн. прикладной психологии. — 2006. — № 3. — С. 102–113.

11. *Шнейдман Э.С.* Душа самоубийцы. — М.: Смысл, 2001.

12. *Bohm E.* Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik. — Bern: Hans Huber, 1972.

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

Ю. В. Славинская, Б. Г. Бовин

Ты хочешь излечить дурные нравы?

Не тщишь — лекарства нет от сей отравы.

Аль Маарри

Аннотация: материалы статьи посвящены изучению субъективного восприятия категории времени осужденными, отбывающими пожизненное лишение свободы. Одним из наиболее отличительных признаков пожизненного лишения свободы как вида уголовного наказания, можно считать его неопределенность во времени и отсутствие какой-либо жизненной перспективы у осужденных изучаемой категории.

В настоящей работе впервые в отечественной пенитенциарной психологии рассматриваются возможности применения опросников ZTPI и TFTPI (Ф. Зимбардо, Дж. Бойд,) для диагностики временной перспективы осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

Материалы статьи убедительно доказывают, что реструктуризация своего прошлого, настоящего и будущего может

оказать значительное влияние на осознание осужденными собственной вины и возможности позитивных личностных изменений.

Ключевые слова: осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы; условно-досрочное освобождение; количество исправительных колоний, численность, движение и состав осужденных; динамика численности осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы; помилование Указом Президента РФ; Филипп Зимбардо и Джон Бойд; виды временных перспектив: негативное прошлое (ВП НП), позитивное прошлое (ВП ПП), фаталистическое настоящее (ВП ФН), гедонистическое настоящее (ВП ГН), будущее (ВП Б) и трансцендентное будущее (ВП ТБ); опросник ZTPI; опросников TFTPI; усредненный профиль временной перспективы.

The summary: *the material of the paper devoted to the study of subjective perception of the category of time convicts serving life sentences. One of the most distinctive features of life imprisonment as a form of criminal punishment, it can be considered uncertainties in time and the absence of any prospects of life convicts studied category. In this paper, the nation's first penitentiary psychology considers the possibility of using questionnaires and ZTPI TFTPI (Zimbardo, John Boyd, a) for the diagnosis of temporal perspective convicts serving life sentences.*

Materials of this article strongly suggest that the restructuring of its past, present and future can have a significant impact on awareness of prisoners of their own guilt and the possibility of positive personal change.

Keywords: *prisoners serving life sentences, parole, the number of correctional facilities, the size, composition and movement of prisoners, the dynamics of the number of convicts serving life sentences, pardons presidential decree, Philip Zimbardo and John Boyd, types of time perspectives: negative past (VP NP), a positive history (MP PP), are fatalistic (EP FN), hedonistic present (VP HR), Future (LP B) and the transcendent future (EP-TB), a questionnaire ZTPI; questionnaires TFTPI; averaged temporal profile perspective.*

Осужденные к пожизненному лишению свободы — это особая категория осужденных, не подлежащая ни амнистиям, ни помилованию, ни освобождению по причине тяжелой болезни или любой другой причине.

Надежду дает только ст. 79 Уголовного кодекса РФ, в которой закреплено право осужденных данной категории

на условно-досрочное освобождение (УДО) через 25 лет лишения свободы, если судом будет признано, что лицо не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания при отсутствии у него злостных нарушений порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет.

Интересно, что анализ показателей отчетов по форме 8-ИУ о количестве исправительных колоний, численности, движении и составе осужденных на период с 1 января 2000 г. по 1 января 2011 г. относительно численности осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы на территории Российской Федерации, свидетельствует о ее постоянном росте, однако следует отметить выраженную неравномерность этого процесса.

В 2000 г. количество осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, составляло 298 человек (включая локальные участки). Затем отмечается резкое увеличение численности этой категории осужденных: в 2001 г. их численность почти утраивается и к 2003 г. достигает 1318 человек, то есть за три года численность возрастает в 4,5 раза.

В период до 2003 г. интенсивная скорость роста численности осужденных к пожизненному лишению свободы (от 200 до 500 осуждений в год) может объясняться, на наш взгляд, рядом причин: во-первых, сложной социально-экономической ситуацией страны в предшествующее десятилетие; во-вторых, фактом отмены смертной казни и подписанием Президентом РФ указов о помиловании; в-третьих, увеличением интенсивности в конце 1990-х годов оперативно-розыскной деятельности по

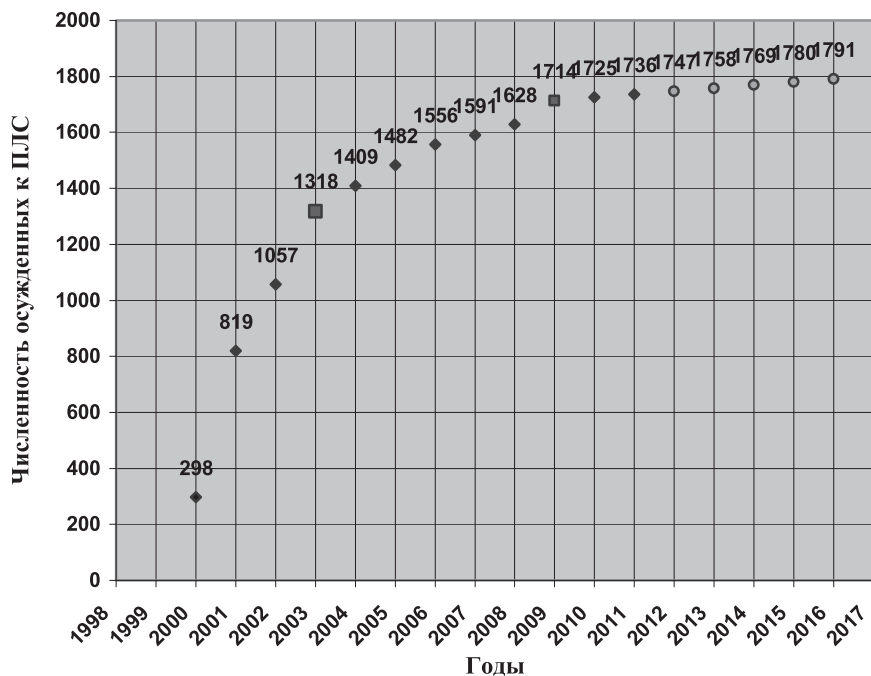

Рис. 1. Динамика численности осужденных к пожизненному лишению свободы (согласно Отчету о количестве исправительных колоний, численности, движении и составе осужденных)

преступлениям, связанным с убийствами, совершаемым с особой жестокостью, и усилением судебных санкций в отношении деяний подобного рода.

Позитивные изменения социально-экономической ситуации в стране способствовали резкому снижению количества случаев осуждения к данному виду уголовного наказания с ежегодного приращения в 240 осужденных к пожизненному лишению свободы в 2003 г. до 11 случаев — в 2009 г.

Одним из наиболее отличительных признаков пожизненного лишения свободы как вида уголовного наказания можно считать его неопределенность во времени и отсутствие какой-либо жизненной перспективы у осужденных

этой категории. Субъективная оценка и пересмотр своего прошлого, настоящего и будущего могут оказать существенное влияние на осознание вины и возможности позитивных личностных изменений.

Учитывая абстрактность понятия «субъективное время», мы в поисках диагностического инструмента, позволяющего количественно измерить эту категорию, остановились на концепции временной перспективы Ф. Зимбардо и Дж. Бойда [1]. Они дают следующее определение временной перспективы (далее — ВП): «Это зачастую неосознанное отношение личности ко времени и это процесс, при помощи которого длительный поток существования объеди-

няется во временные категории, что помогает упорядочить нашу жизнь, структурировать ее и придать ей смысл».

В 1997 г. одним из авторов был опубликован Опросник временной перспективы Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI)), а в 1999 г. — Опросник временной перспективы трансцендентного будущего (Transcendental — future Time Perspective Inventory (TFTPI)).

Временная перспектива, по мнению авторов, отражает установки, убеждения и ценности, связанные со временем. Ими были определены следующие шесть временных перспектив: *негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее и трансцендентное будущее*.

ZTPI включает в себя 56 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной шкале: от «совершенно не верно» — 1 балл до «совершенно верно» — 5 баллов; оценки 2, 3, 4 — промежуточные. Количество утверждений для каждой временной перспективы различ-

ное и изменяется от 9 до 15 пунктов.

Второй из ранее упомянутых опросников (TFTPI) включает в себя единственную шкалу и содержит 10 утверждений, оцениваемых также по 5-балльной шкале.

Экспериментальную выборку настоящего исследования составили 80 осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы в колонии особого режима (участок ПЛС) в Республике Мордовия, за преступления (как правило, умышленные убийства), которые были совершены ими в период с 1988 по 2000 год, в возрасте от 18 до 54 лет. Срок отбытого ими наказания в особых условиях тюремного режима составляет от 10 до 22 лет.

Возраст опрошенных осужденных — от 28 до 64 лет. Значительное число осужденных, составивших нашу выборку, прежде имели судимости (до 70 %), причем около 40 % были судимы за совершение тяжких преступлений.

Предварительно в текст опросника ZTPI были внесены некоторые коррективы, позволяющие, сохранив смысловую

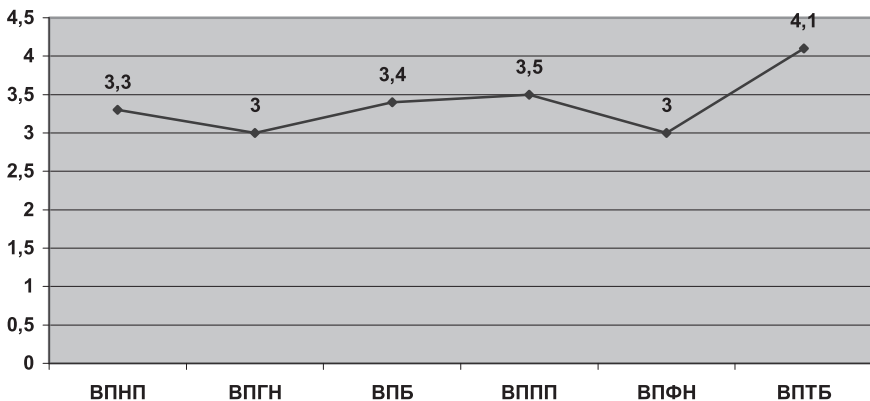

Рис. 2. Усредненный профиль временной перспективы осужденных к пожизненному лишению свободы

нагрузку утверждений, приблизить их содержание к специфическим условиям пожизненного лишения свободы.

На графике усредненного профиля временной перспективы лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, по вертикали мы видим показатели по каждой из шкал в сырых баллах; по горизонтали — аббревиатуры названий этих шкал (типов временных перспектив по Ф. Зимбардо), а именно:

ВПНП — временная перспектива негативного прошлого;

ВПГН — временная перспектива гедонистического настоящего;

ВПБ — временная перспектива будущего;

ВППП — временная перспектива позитивного прошлого;

ВПФН — временная перспектива фаталистического настоящего;

ВПТБ — временная перспектива трансцендентного будущего.

Рассмотрим временную перспективу лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, отраженную в профиле временной перспективы (ВП) 80 осужденных, представленном на рис. 2. Результаты даны в сырых баллах, усредненных по каждой шкале; статистиче-

ские характеристики представлены в табл. 1.

Однако в связи с тем что усредненный профиль дает представление лишь о целостной картине распределения показателей, причем в самых общих чертах, порой нивелируя и даже искажая внутренние тенденции, перейдем к непосредственному анализу распределений каждой из приведенных шкал временных перспектив.

Рассмотрим гистограмму распределения результатов по первой шкале «временная перспектива негативного прошлого» (ВПНП). Если принять за среднее значение 5-балльной шкалы интервал модальных значений (3,0–3,5), то 27 % осужденных имеют низкие оценки по шкале временная перспектива негативного прошлого (ВПНП). Это означает, что они не относятся негативно к своей прошлой жизни. По мнению Ф. Зимбардо, воспоминания о прошлом не являются объективной «калькой» прошлого, они изменяются и реконструируются. Можно помнить то, чего на самом деле не было и забыть события, которые действительно происходили. Отношение к событиям прошлого имеет большее значение, чем события сами по себе. Невозможно из-

Таблица 1
Статистические характеристики шкал опросника ВП (в сырых баллах), полученные по результатам обследования 80 осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы

Шкалы ВП	Min	Max	Среднее значение	Стандартное отклонение	Мода
ВПНП	1,8	4,6	3,3	0,57	3,25
ВПГН	1,8	4,2	3,0	0,45	3,25
ВПБ	2,2	4,5	3,4	0,38	3,25
ВППП	1,7	4,6	3,5	0,58	3,25
ВПФН	1,7	4,3	3,0	0,66	3,25
ВПТБ	1,3	5,0	4,1	0,78	4,25

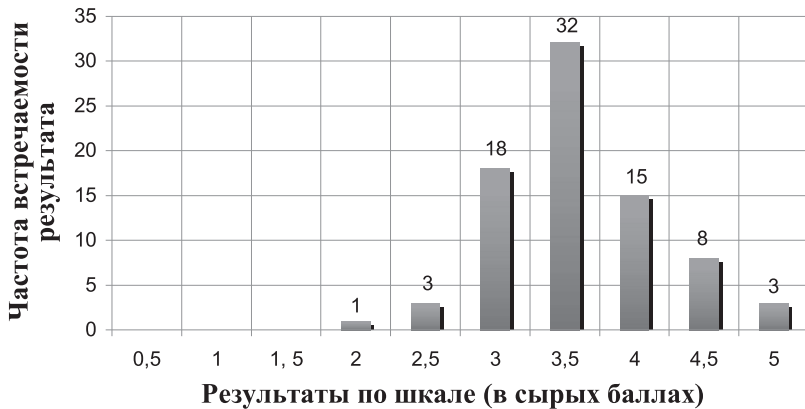

Рис. 3. Гистограмма распределения результатов шкалы «временная перспектива негативного прошлого» (ВПНП)

менить то, что случилось в прошлом, но возможно изменить свое отношение к нему.

Люди, пережившие ужасы концентрационных лагерей смерти, смогли пережить эту трагедию с пользой для себя. Для них события были настолько трагическими, что воспоминание о прошлом приводит их в ужас, но в тоже время побуждает реконструировать и реинтегрировать свое прошлое [1].

Вероятно, у осужденных к пожизненному лишению свободы, имеющих низкие оценки по шкале ВПНП, произошло это переосмысление и реконструкция прошлого. В связи с этим для них и не характерно негативное отношение к своему прошлому. Можно предположить, что они отказались от негативного отношения к жертвам преступления, которое присутствовало в их воспоминаниях, и эта реинтеграция могла быть сочувственной и уважительной.

Подобная интерпретация прошлого позволяет контролировать его, а не наоборот, прошлому контролировать человека. Реинтеграция способствует разви-

тию, хотя это и не означает, что прошлое забыто, но позволяет быть в большем согласии с самим собой. Однако 32,5% осужденных к пожизненному лишению свободы имеют высокие оценки по шкале негативное прошлое. В результатах исследований, которые приводит Ф. Зимбардо, лица, набравшие высокие баллы по шкале ВПНП, более агрессивны, более беспокойны, менее добросовестны, не прогнозируют последствий своих действий, нестабильны, недружелюбны, лживы, раздражительны, слабо контролируют себя, их воспоминания о прошлом носят негативный характер, отсутствуют сопереживание, сострадание к жертве, раскаяние в содеянном и положительная реконструкция прошлого затруднена.

Анализ ответов, смещенных в сторону «верно» и «совершенно верно» [4–5 баллов] показывает, что происходит определенная фиксация на негативном прошлом и болезненные переживания продолжают занимать мысли осужденных: отверженность, осознание допущенных ошибок, которые уже

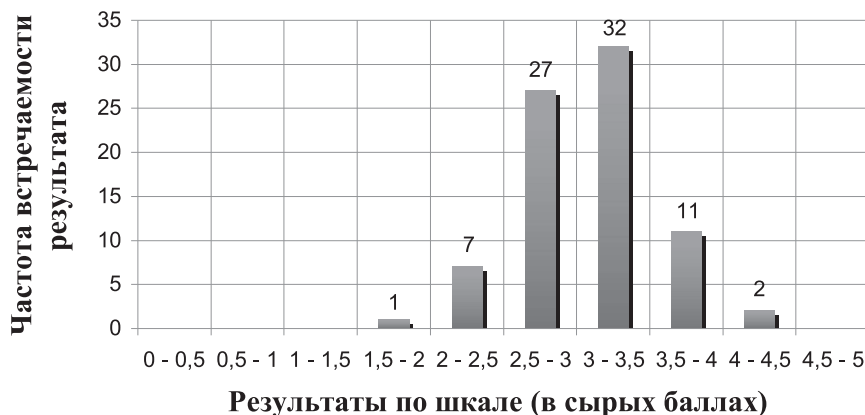

Рис. 4. Гистограмма распределения результатов шкалы «временная перспектива гедонистического настоящего» (ВПГН)

не исправить, неприятные образы из прошлой жизни, усугубляющие тяжесть настоящего.

Рассмотрим гистограмму распределения шкалы «временная перспектива гедонистического настоящего» (ВПГН), представленную на рис. 4.

43,7% осужденных к пожизненно-му лишению свободы имеют низкие показатели шкалы ВПГН, и это понятно: режимные требования и особые условия исправительного учреждения для осужденных к пожизненному лишению свободы исключают гедонистическую ориентацию на настоящее.

Как отмечает Ф. Зимбардо, человек, ориентированный исключительно на настоящее, ищет удовольствий, организует свою жизнь вокруг деятельности и отношений, которые доставляют наслаждение, являются новыми, волнующими, будоражат, стимулируют. Они сосредоточены на непосредственном удовлетворении своих желаний, краткосрочных выигрышах, избегают всего, что требует длительных усилий или соблюдения установленных правил. Люди, ориенти-

рованные на настоящее, обладают слабым Эго-контролем, слабо контролируют свои импульсы, эмоционально нестабильны и ненадежны.

Для преступников на свободе были характерны многие из перечисленных характеристик, поскольку ориентация на настоящее является характерной чертой их временной перспективы. В местах лишения свободы временная перспектива осужденных резко изменяется, подчиняясь новой реальности: прошлое — недостижимо, будущее — призрачно, настоящее — невыносимо. Это подтверждается низкими значениями шкалы «гедонистическое настоящее». К реальному настоящему необходимо адаптироваться, чтобы сохранить свое «Я». «Здесь и теперь» — основной тезис принятия настоящего, которое далеко от гедонистического наслаждения и требует трансформации и переосмысления.

И все же 16,3% осужденных к пожизненному лишению свободы имеют по шкале «гедонистическое настоящее» оценку выше средних значений. Можно предположить, что эти лица лучше

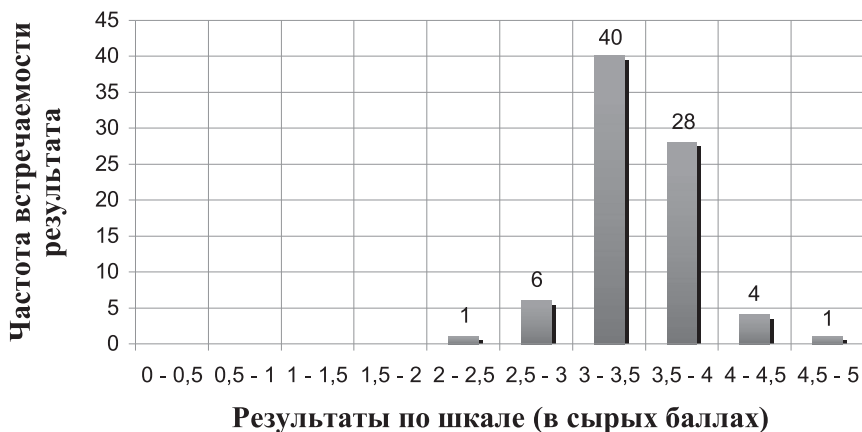

Рис. 5. Гистограмма распределения результатов по шкале «временная перспектива будущего» (ВПБ)

других адаптировались к условиям изоляции. Фокусирование на настоящем и игнорирование будущего в этих условиях может иметь спасительный смысл. Когда обстоятельства строго определены, а будущее призрачно, индивид полностью ориентируется на настоящем и одновременно полностью дискредитирует будущее. Эти лица сосредоточены на непосредственном удовлетворении своих желаний и краткосрочных выгодах. Они могут обладать высоким уровнем энергии, более активны, реже учитывают последствия своих поступков, менее добросовестны, склонны к поиску новых ощущений, обладают слабым Эго-контролем, слабо контролируют свои импульсы и эмоционально нестабильны.

Рассмотрим распределение оценок по шкале «временная перспектива будущего» (ВПБ), представленное на рис. 5. Только 8,7% осужденных имеют низкие оценки при ориентации на будущее, которое в их оценке не играет какой-либо роли. Во всяком случае, оно не является реалистичным и в значительной сте-

пени обесценено. Они не строят планов на будущее, которое является для них полностью неопределенным, пассивно ожидаемым или даже пугающим в связи с потерей всех социальных связей. Однако таких осужденных явное меньшинство.

41% осужденных к пожизненному лишению свободы имеют высокие оценки временной перспективы будущего. Они могут рассматривать прошлое как хранилище ошибок, которые можно исправить, но где мало полезного для настоящего, если руководствоваться мимолетными импульсами и желаниями. Перспектива будущего позволяет трансформировать тяжелое настоящее, сделать его терпимым и приемлемым. Условно-досрочное освобождение, возможное для этой категории осужденных только после 25-летнего срока заключения, является для значительного числа осужденных надеждой и основанием высоких значений по шкале временной перспективы будущего.

В исследовательских целях у 241 осужденного нашей выборки было проанализировано соотношение возраста осуждения, то есть начала срока отбывания наказания (1988–1999 гг.) и времени окончания 25-летнего периода отбывания пожизненного лишения свободы (2013–2024 гг.), когда осужденные по Уголовному кодексу РФ будут иметь право на условно-досрочное освобождение. Результаты сопряжения, приведенные в табл. 2, показывают, что 31 % осужденных к пожизненному лишению свободы могут выйти на свободу по УДО в возрасте 45–50 лет; 22 % – 51–55 лет; 23 % – 56–60 лет; 10 % – 61–65 лет; 8 % – 66–70 лет; 7 % – 71–85 лет.

Если проанализировать данные таблицы по столбцам, то мы видим, что в период 2013–2015 гг. по условно-досрочному освобождению могут выйти на свободу 28 % обследованных осужденных разных возрастов от 45 до 80 лет.

В период с 2016 по 2018 год возможность условно-досрочного освобождения может быть реализована еще для 41 % осужденных этой категории. В 2019–2024 г. еще у 31 %. Следовательно, в период до 2024 г. имеют право выйти на свободу по условно-досрочному освобождению все 100 % обследованных лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы в период с 1988 по 1999 год, возраст которых к моменту их возможного выхода на свободу составит от 45 до 80 лет.

Следует отметить, что в настоящее время 96,5 % осужденных к пожизненному лишению свободы работоспособны и только 3,5 % – инвалиды. За последние 5 лет ежегодная смертность была в пределах 0,4–0,6 % и не превышала показателей смертности по всем остальным исправительным учреждениям (0,5–0,6%), но оказалась почти в три раза меньше, чем смертность населения в Российской Федерации в целом

Таблица 2

Сопряжение возраста начала срока и выхода по условно-досрочному освобождению осужденных к пожизненному лишению свободы

Начало срока	1988–1990	1991–1993	1994–1996	1997–1999	Сумма по строкам	Возраст возможного выхода по УДО
Право на УДО (гг.)	2013–2015	2016–2018	2019–2021	2022–2024		
Возраст совершения преступления						
20–25 л.	17	33	14	10	74 г	45–50 л
26–30	18	25	1	8	52 г	51–55 л
31–35	16	23	5	11	55 г	56–60 л
36–40	9	9	2	5	25 г	61–65 л
41–45	4	4	5	6	19 г	66–70 л
46–50	1	4	–	4	9 г	71–75 л
51–55	3	–	1	2	6 г	76–8 л
56–60	–	–	1	–	1 г	81–85 л
Сумма по столбцам	68 г	98 г	29 г	46 г	241 г	–

Рис. 6. Гистограмма распределения результатов по шкале «временная перспектива позитивного прошлого» (ВППП)

(1,5%). Следовательно, распространенное мнение о беспросветности и безнадёжности существования лиц, отбывающих пожизненному лишению свободы, не находит экспериментального подтверждения. Осужденные, ориентированные на будущее, не ищут новизны, эмоционально стабильны и предсказуемы в условиях лишения свободы. Они не склонны к депрессии, поскольку мало размышляют о совершенном преступлении. Они больше сосредоточены на завтрашнем дне, а не на вчерашнем.

Рассмотрим, как распределились оценки осужденных по шкале временной перспективы позитивного прошлого (рис. 6).

Почти 48% осужденных имеют высокие оценки и 12% — низкие по шкале позитивного прошлого. Реконструктивная природа прошлого у осужденных, совершивших тяжкое преступление, позволяет преобразовать негативный опыт в позитивный. То, что в действительности произошло в их прошлой жизни, имеет значение, но важнее оказывается интер-

претация этих событий осужденными. Кроме того, негативные воспоминания могут быть подавленными, а актуализированными оказываются более благополучные и позитивные события прошлого, связанные, в частности, с лучшим физическим самочувствием. «Застревание» в негативном прошлом может оказывать негативное влияние на настоящее и блокировать временную перспективу будущего, способствовать развитию идей отщепености, насилия и препятствовать примирению со своим прошлым.

Самое низкое среднее значение в профиле временной перспективы осужденных имеет шкала фаталистического настоящего.

Распределение оценок по этой шкале представлено на рис. 7.

Четверть осужденных к пожизненному лишению свободы (24%) имеют высокие значения шкалы «временной перспективы фаталистическое настоящее». Основная мысль, характерная для этих лиц: «мою жизнь контролируют силы, повлиять на которые я не могу». На форми-

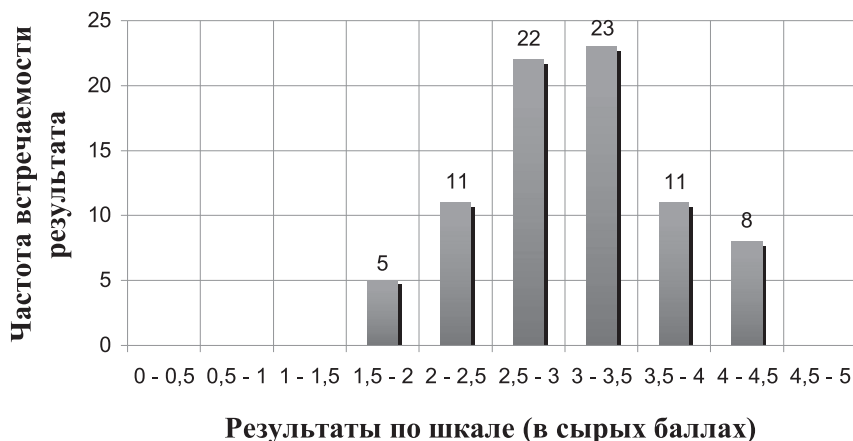

Рис. 7. Гистограмма распределения оценок по шкале «временная перспектива фаталистического настоящего» (ВПФН)

рование фаталистической временной перспективы могут влиять религиозные убеждения, способствующие представлениям о предопределении жизни божественным предназначением: «Чтобы не случилось, это должно было случиться, вне зависимости от действий человека». Чем сильнее фаталистическая составляющая, тем более агрессивными, тревожными и депрессивными проявлениями отличаются склонные к ней индивиды. Они обладают слабым Эго-контролем, не энергичны, имеют низкую самооценку и эмоционально нестабильны. Они живут так, как будто нет выбора — все предопределено [1]. Однако большинство осужденных к пожизненному лишению свободы имеют низкие показатели временной перспективы фаталистического настоящего (47%).

Следует заметить, что и гедонистическое настоящее (рассмотренное нами ранее) имеет столь же низкие оценки (44%), то есть значительное число осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, не являются ни гедо-

нистами, ни фаталистами относительно временной перспективы настоящего.

Как уже отмечалось, значительное число обследуемых осужденных имеют высокие оценки (41%) временной перспективы будущего и эта ориентация имеет свои реальные основания — право на условно-досрочное освобождение по отбытии 25-летнего срока лишения свободы. Вместе с тем 25-летнее ожидание в условиях камерной изоляции при пожизненном лишении свободы само по себе тяжелое испытание. Нужна еще психологическая опора, позволяющая «защититься» от «неподвижного» времени и его опасностей для психического и физического здоровья, связанных к тому же с режимными условиями.

Рассмотрим последнюю шкалу временной перспективы — шкалу трансцендентного будущего. Распределение результатов исследования временной перспективы по этой шкале представлено на рис. 8.

В отличие от ранее рассмотренных распределений модальное значение

Рис. 8. Гистограмма распределения оценок по шкале «временная перспектива трансцендентного будущего» (ВПТБ)

шкалы сместилось с интервала 3,5–4,0 баллов, который рассматривался как средний, в сторону максимальных значений шкалы трансцендентного будущего. 71 % обследованных осужденных имеют высокие значения по этой шкале и лишь 12 % низкие.

По мнению Ф. Зимбардо [1, с. 314], для многих людей периоды до и после смерти — это две различные части их психологического будущего. Традиционное, земное будущее начинается в настоящем и тянется вплоть до точки воображаемой смерти. Внутри этого промежутка существуют жизненные цели различной направленности. Это и есть будущее, которое обычно изучается психологами, социологами и другими специалистами. Временная перспектива трансцендентного будущего простирается от смерти физического тела и до бесконечности. Этот психологический конструкт позволяет осужденным пренебречь планированием своего будущего, совершать серьезные ошибки в настоящем, но не считать их таковыми.

Временная перспектива трансцендентного будущего связана с религиозностью и верой в жизнь после смер-

ти. По данным Ф. Зимбардо и Дж. Бойда, христиане и мусульмане набирают по этой шкале оценки выше среднего, а иудеи, буддисты и атеисты — ниже среднего. Самые низкие значения характерны для атеистов. Так, действия террористов-смертников — это не действия сумасшедших, фанатически пропитанные ненавистью и отчаянием. Скорее, это действия, совершенные религиозными людьми, потерявшими надежду на счастливое будущее в этой жизни, но верящими в свое трансцендентное будущее [1, с. 317].

Осужденные к пожизненному лишению свободы вряд ли с самого начала его отбывания пришли к построению этого достаточно сложного психологического конструкта, связанного с воображением и размышлениями о смысле человеческой жизни. Возможно, решающую роль сыграло религиозное просвещение, открытие молельных комнат в корпусах пожизненно осужденных, а также психологические механизмы защиты, обеспечивающие важную охранительную роль, избавляя личность от катастрофических последствий амбивалентности, способствуя снижению уровня тревоги и

позволяя существовать в условиях внутреннего и межличностного конфликта, вызванного различными неблагоприятными условиями изоляции.

Формирование веры в трансцендентное будущее играет ту же охранительную функцию, что и психологическая защита. Для «обездоленных» в настоящем трансцендентное будущее обещает награду, превосходящую все, что не достижимо в этой жизни. Упорная вера в трансцендентное будущее может сделать переживания несправедливости настоящего менее болезненными, а сопротивление им менее необходимым [1, с. 317].

Если оценить усредненный профиль временной перспективы осужденных к пожизненному лишению свободы, то самыми низкими оценками будут шкалы гедонистического и фаталистического настоящего. Как правило, лица, совершающие преступления, являются пленниками временной перспективы настоящего, и часто не принимают во внимание негативные последствия. Как отмечалось в прежних исследованиях Я-концепции осужденных-рецидивистов, у них отсутствует адекватная оценка реальных угроз в ситуации опасности, беспокоество, тревога и опасение за собственное будущее. Подобное поведение связано со значительным недоразвитием Я-функции тревоги. Объективная опасность полностью игнорируется и не воспринимается как реальность, при этом дефицит переживания тревоги-страха обнаруживает себя в выраженном стремлении к поиску возбуждающих ситуаций, позволяющих ощутить реальную жизнь настоящего с ее эмоциональной наполненностью. Их поведение характеризуется склонностью к рискованным поступкам и игнорирова-

нием последствий ближайшего и отдаленного будущего.

В условиях пожизненного лишения свободы временная перспектива гедонистического настоящего у осужденных, характерная для жизни на свободе, претерпевает радикальные изменения, что и отражается в профиле временной перспективы низким значением шкалы гедонистического настоящего. Фаталистическое настоящее также не характерно для осужденных к пожизненному лишению свободы, и распределение оценок является копией распределения шкалы гедонизма. Следовательно, для временной перспективы осужденных не характерен ни гедонизм, ни фатализм. Они чаще всего ориентированы на позитивную оценку своего прошлого и выраженную перспективу будущего, связанного с возможностью условно-досрочного освобождения, что и отражается в более высоких значениях профиля временной перспективы по этим шкалам. Позитивное отношение к прошлому и временная перспектива будущего выступают своего рода психологической защитой от настоящей реальности, связанной с серьезными режимными ограничениями.

Проведенные ранее исследования механизмов психологических защит осужденных, совершивших рецидив преступлений (а значительное число обследованных осужденных к пожизненному лишению свободы имели от 2 до 7 судимостей), показывают, что эти осужденные используют такие сверхнормативные неосознаваемые механизмы защиты, как регрессия, проекция и замещение. Регрессивные формы реагирования представляют собой возврат к более простым ранним формам мышле-

ния, отношений, действий и поведения. Механизм регрессии является «последним рубежом защиты». Его функционирование может выражаться в утрате интересов, резком повышении внушаемости, возникновении склонности к мистике, суевериям, инфантилизме.

Защитный механизм проекции заключается в том, что осужденные собственные негативные черты, неодобряемые обществом, значимыми лицами или ими самими, приписывают окружению, среде, близким людям, тем самым защищая себя от осознания собственной вины и ответственности. Свое криминальное поведение они проецируют на потерпевшего («он сам во всем виноват»). Негативное отношение к окружению в результате переноса собственной ответственности способствует возникновению агрессивного и враждебного поведения. Однако в условиях жесткого социального принуждения подобные реакции неизбежно пресекаются администрацией исправительного учреждения. В этом случае развивается сверхнормативное функционирование такого механизма защиты, как замещение. Во избежание санкций индивид избавляется от эмоционального напряжения путем обращения своего гнева или агрессии на более слабый одушевленный или неодушевленный объект. Внешне это может проявляться в раздражительности, грубости, вспыльчивости или увлечении силовыми упражнениями, детективной литературой, угрозами и действиями по отношению к слабым.

Стратегия регрессии и проекции способствует тому, что временная перспектива будущего оказывается не столь безнадежной. Редукция к простым формам мышления и поведения избавляет

этих осужденных от остроты осознания случившегося с ними и наступивших последствий преступления, а проекция ответственности на окружающую действительность и потерпевших оставляет надежду на социальную реабилитацию и признание его ограниченной виновности при рассмотрении обращения по поводу условно-досрочного освобождения в судебных инстанциях.

Вера в трансцендентность существования связана с еще одним источником надежды на будущее осужденных к пожизненному лишению свободы. Временная перспектива трансцендентного будущего дает возможность осужденным выйти за пределы, ограниченные смертью, и эти иррациональные представления можно рассматривать как попытку получить вознаграждение или избежать наказания в трансцендентном будущем. Выраженность этой шкалы значительно превышает шкалу временной перспективы реального будущего. Возможно, это связано еще и с тем, что значительное число осужденных в силу возраста, болезней или невозможности самостоятельного существования на свободе, особенно склонны к сильной вере в трансцендентное продолжение жизни. Возникновение подобной веры делает настоящее менее болезненным, а сопротивление менее необходимым. В ситуации безысходности люди способны покоряться и отказываться от враждебности, смягчая психологический дискомфорт и боль верой в новое существование.

Литература

1. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. — СПб.: Речь, 2010. — 352 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ ТЯЖКОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ СВОИХ ДЕТЕЙ

А. В. Молоствов

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) — проект № 10-06-53401 А/Ц

Аннотация: в статье рассматриваются особенности семейной социализации женщин, совершивших тяжкое насилие над своими детьми, изучаются модели межпоколенной передачи насилия в родительских семьях женщин, совершивших близкородственное насилие. Анализируются особенности общения и самоотношения женщин, совершивших тяжкое насилие в отношении своих детей, и роль этих особенностей в совершении преступления.

Ключевые слова: физическое насилие в отношении детей, воспитание в родительских семьях, дефицит личного пространства, особенности близкородственного насилия.

Keywords: *physical violence in respect of детей, education in parental family, deficit personal space, particularities of the violence in respect of relative.*

The summary: *in article are considered particularities to household socialization of the womans made heavy violence on their own детьми, are studied models of the issue of the violence in parental family, womans made violence in respect of relative. They Are Analysed particularities of the contact and самоотношения womans made heavy violence in respect of their own детей and role of these particularities in completion of the crime.*

Особенности взаимоотношений между членами семьи для исследователей представляют собой относительно закрытое явление. Неприкосновенность и независимость семей ценят во всех обществах, право на невмешательство в частную и семейную жизнь, гарантируется документами по правам человека. Между тем факты, касающиеся преднамеренного оставления детей без внимания и насилия в отношении детей, совершаемого родителями и другими близкими членами семьи, с огромной частотой попадают на страницы научной и новостной печати. С самого рождения и до совершеннолетия дети уязвимы в отношении различных форм насилия в их семьях. Если учесть, что внутрисемейное насилие характеризуется значительной латентностью, то становится очевидной актуальность исследования проблем внутрисемейного насилия в отношении детей и его профилактики.

В большинстве случаев физическое насилие в отношении детей в семьях не носит смертельного характера и не влечет за собой нанесения постоянных или серьезных видимых телесных повреждений. Вместе с тем в некоторых случаях насилие в отношении детей в семье становится причиной их гибели, хотя нередко родственники не планировали таких последствий.

Рис. 1

В рамках проводимых нами исследований проблем психологии внутри-семейного насилия показана высокая частотность совершения насилия над близкими родственниками со стороны женщин. Ранее были рассмотрены некоторые социально-психологические особенности личности женщин, совершивших насилие над близкими родственниками [1], такие как особенности воспитания этих женщин в родительских семьях, характеристики их общения и самоотношения.

Настоящая статья посвящена особенностям личности женщин, совершивших тяжкое насилие в отношении своих детей.

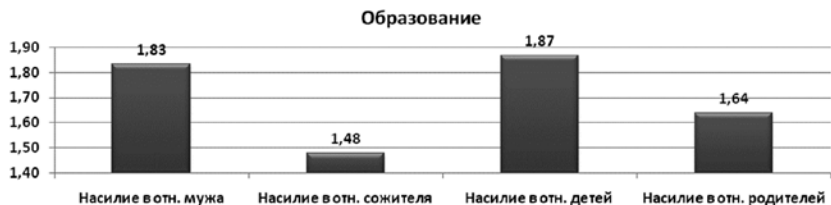
Материалом для анализа послужили данные анкетирования и тестирования 30 женщин, осужденных за тяжкое насилие в отношении своих детей (ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ). В качестве срав-

нительных групп в исследовании рассматривались женщины, совершившие тяжкое насилие в отношении своих родителей, мужей и сожителей.

Рассматривая социально-демографические характеристики осужденных женщин, мы видим, что преступления в отношении детей совершаются женщинами в более раннем возрасте, чем преступления в отношении мужей и сожителей, но несколько позже, чем в отношении родителей (рис. 1).

В свою очередь, уровень образования (рис. 2) несколько выше, чем у опрошенных из других групп.

Одним из диагностически ценных вопросов при исследовании социально-психологических особенностей личности осужденных является вопрос об испытываемых в детстве дефицитах. Особенности дефицитов позволяют составить представление о ценностях и подсозна-

Рис. 2

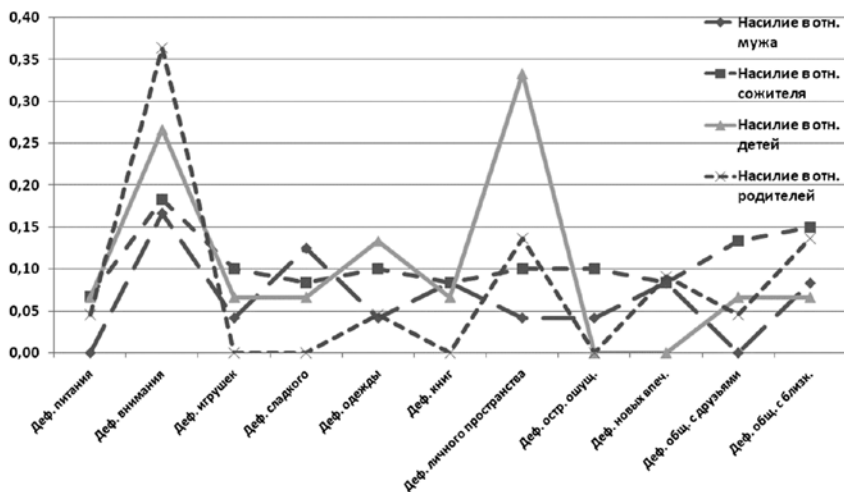

Рис. 3. Структура дефицитов, которые испытуемые испытывали в детстве

тельных побудительных механизмах актуального поведения испытуемых.

Анализ дефицитов, которые испытывали наши респонденты в детстве, показывает, что выборка женщин, осужденных за насилие над своими детьми, характеризуется значительным пиком по шкале «дефицит личного пространства» (рис. 3). В профиле дефицитов испытуемых также выражен дефицит внимания.

Те же респонденты указывают, что в детстве проживали в одном жилье совместно с другими родственниками (рис. 4).

Итак, факт скученного проживания в детстве и субъективного дефицита личного пространства, переживаемого женщиной, вероятнее всего приводит ее к подсознательному гипертрофированному стремлению оберегать свое личностное пространство. Ребенок же по определению долгое время значительно вторгается в личное пространство матери, серьезно ограничивая эту потребность, что может приводить к ее хроническому перераздражению и подсознательному стремлению удалить ребенка.

На гипотезу о значимости фрустрации личного пространства в генезе на-

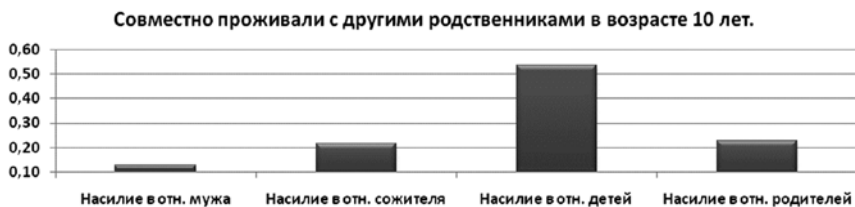

Рис. 4

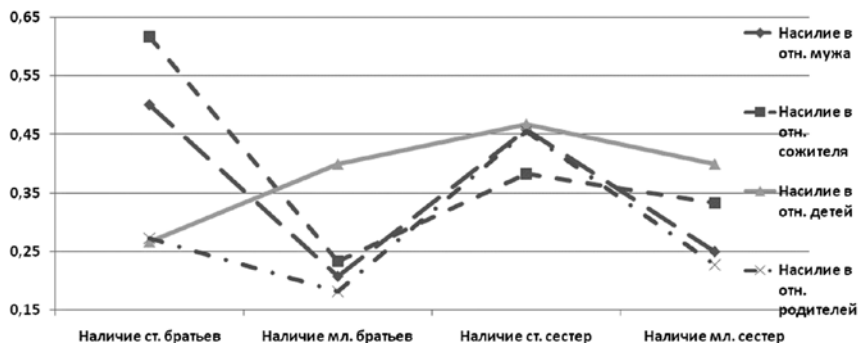

Рис. 5. Наличие братьев или сестер у испытуемых

сильственного поведения в отношении собственных детей указывает также и тот факт, что данные испытуемые чаще испытуемых из других групп имели младших братьев или сестер и старших сестер (рис. 5). Иными словами, уже в детстве вопреки собственному желанию они были вынуждены постоянно делить свое личное пространство с другим человеком и конкурировать с ним за внимание близких, дефицит которого также характерен для этих испытуемых (рис. 3).

Интересным является тот факт, что женщины, совершившие насилие в отношении детей, чаще имели старших сестер, а совершившие насилие в отношении мужей и сожителей — старших братьев. Можно предположить, что старшие братья демонстрировали модель насильственного поведения, которая способствовала формированию у женщин ответного агрессивного поведения, что впоследствии выразилось в повышенном уровне насилия в отношении своих близких мужчин. Старшие же сестры в семьях, как правило, осуществляли опеку младших детей и в меньшей мере демонстрировали физическое насилие, скорее это была гиперопека, которая часто связана с вторжением в

личное пространство опекаемых сестер. В выборке нашего исследования были опрошены несколько испытуемых, совершивших тяжкое насилие в отношении братьев, но мы не рассматриваем данную группу в качестве сравнительной из-за незначительного размера. В выборку исследования не попали испытуемые, осужденные за насилие в отношении сестер, что может говорить о незначительном количестве подобных преступлений в структуре близкородственного насилия в целом. Таким образом, в перспективных исследованиях весьма интересно определить особенности сиблингового насилия мальчиков и девочек в дезадаптивных семьях.

Идея о межпоколенной передаче насилия довольно распространена в психологии и социологии дезадаптивной семьи. Рассмотрим особенности наказания испытуемых в их родительских семьях и особенности конфликтного, насильственного поведения.

Можно отметить, что функцию нормативной социализации в семьях испытуемых осуществляют в основном матери, они систематически по сравнению с отцами прибегают к наказаниям (рис. 6). Из рисунка видно, что испытуе-

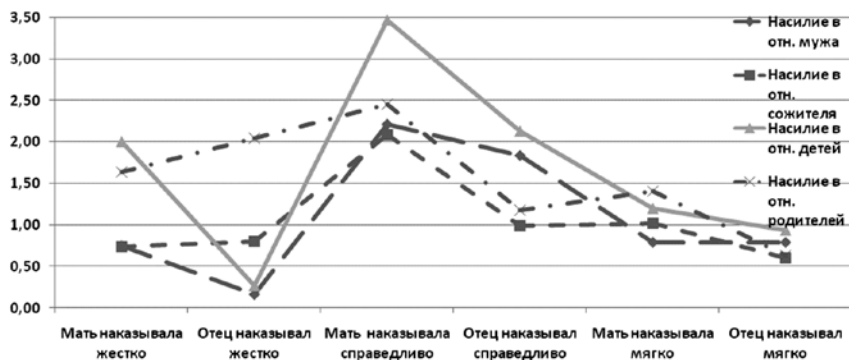

Рис. 6. Субъективное восприятие особенностей наказания родителями

мых, осужденных за насилие в отношении детей, от других групп испытуемых отличает высокий уровень субъективного переживания частоты наказаний со стороны родителей, особенно матери. Мы видим, что в семьях этих испытуемых модель приемлемости наказания в отношении своих детей наиболее выражена по сравнению с семьями других испытуемых.

Однако собственно физическое насилие в отношении респондентов приписывается ими в большей степени отцу (рис. 7).

Мы видим, что отец чаще, чем мать, бил кулаком, душил, бил предметами и швырял на пол. На рисунке показано, что уровень насилия в родительских семьях над респондентами, которые осуждены за насильственные преступления в отношении своих детей, значительно ниже, чем в семьях респондентов, убивших своих родителей. Видимо, при некоем «запредельном уровне» насилия в семьях со стороны родителей у детей формируется оборонительная модель, направленная против агрессивных родителей. При некоем систематическом

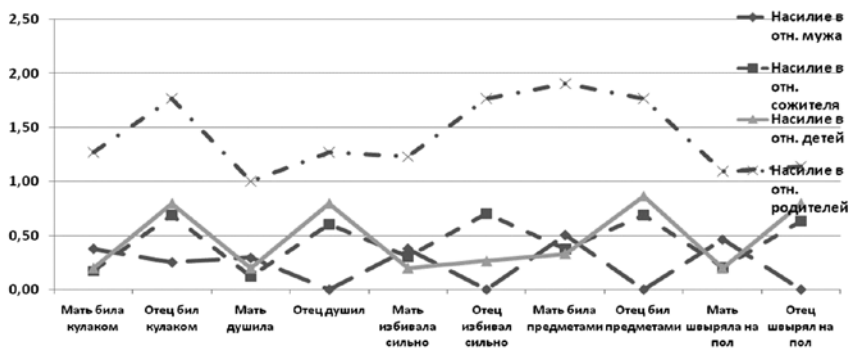

Рис. 7. Субъективное восприятие особенностей насилия со стороны родителей

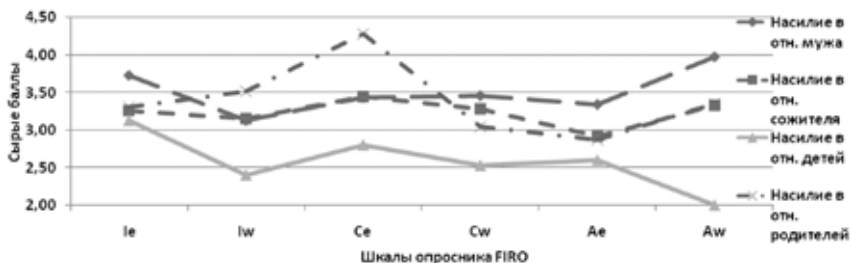

Рис. 8. Особенности общения испытуемых (по методике FIRO)

«умеренном» насилии со стороны родителей и братьев модель насилия транслируется в собственные семьи повзрослевших девочек.

Интересным в контексте изучения особенностей близкородственного насилия является также факт явных различий в особенностях насилия со стороны родителей в отношении женщин, осужденных за насилие в отношении собственных мужей и сожителей (рис. 7). Так, женщин, убивших сожителей, чаще и сильнее били отцы, а женщин, убивших мужей, чаще и сильнее били матери. Данные факты могут говорить о различном механизме совершения насилия в отношении мужей и сожителей. Вероятно, можно предполагать, что если девочку часто бьет отец, то она скорее не выходит потом замуж и живет с сожителем, реализуя в отношении него модель собственного противостояния агрессивному близкому мужчине. Если же женщину чаще чем отец бьет мать, то у нее меньше сдерживающих факторов в отношении замужества и она в своей семье реализует модель женской агрессивности родительской семьи.

Указанные особенности взаимоотношений в родительских семьях испытуемых специфическим образом транслируют особенности их отношений

с другими людьми в общении и самоотношения.

Так, общению испытуемых, совершивших насилие в отношении детей, свойственна чрезвычайная бедность, прежде всего эмоциональная (рис. 8). На рисунке 8 видно, что профиль шкал методики FIRO данных испытуемых значительно ниже профилей общения остальных групп испытуемых. Основным фактором, характеризующий общение испытуемых — это их желание включаться в общение, при этом эмоционально не реагируя и не беря на себя ответственность за контроль результатов общения. Ожидания же от партнера по общению минимальны, что может свидетельствовать о некотором обесценивании роли других людей в общении. Таким образом, мы видим, что урегулирование конфликтных взаимоотношений с детьми у таких испытуемых может быть затруднено из-за их неспособности сопереживать детям и систематически формировать их поведение. Данные испытуемые более чем представители других групп обследованных транслируют в своих семьях модель эмоционально безучастного и попустительского отношения к своим детям, которая была характерна для их родительской семьи. Между тем ученые отмечают, что оставление детей

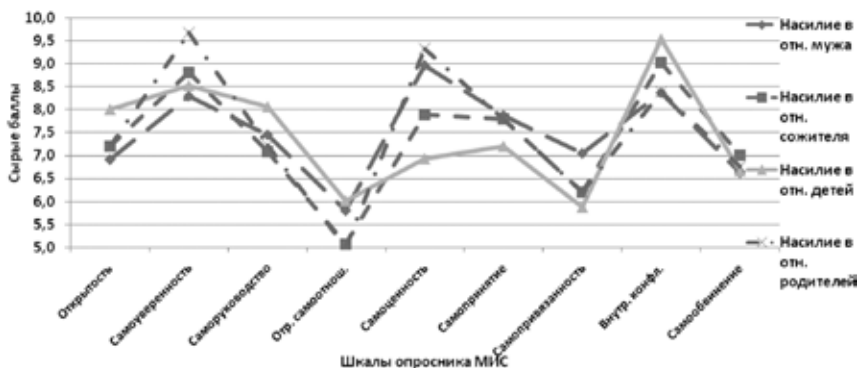

Рис. 9. Особенности самооношения испытуемых (по методике МИС)

без надзора, в том числе отказ от удовлетворения физических и эмоциональных потребностей детей, оставление их в опасности или неоказание медицинской помощи являются причиной смертности и заболеваемости среди детей.

Самоотношение испытуемых, совершивших насилие над своими детьми, характеризуется тремя особенностями (рис. 9). Прежде всего самой высокой среди других групп выраженностью внутренней конфликтности. Это говорит о наличии внутренних конфликтов, сомнений, несогласия с собой, склонности к самокопанию и рефлексии, протекающих на общем негативном эмоциональном фоне отношения к себе.

Тенденцию к рефлексии поддерживает также и высокий уровень саморуководства. Испытуемый с высокими баллами по данной шкале стремится держать судьбу в своих собственных руках, управлять и справляться с эмоциями и переживаниями по поводу самого себя.

Стремление к саморуководству сочетается у этих испытуемых с самообесцениванием. Низкие баллы по шкале самооценности говорят о сомнении в ценности собственной личности, недооценке свое-

го «Я», отстраненности и безразличии к своему «Я», потере интереса к своему внутреннему миру. Таким образом, мы можем видеть, что динамика самооношения испытуемых женщин, осужденных за насилие над собственными детьми, заключается в действии полярных сил — стремления к самоуправлению и собственной активности при постоянном обесценивании собственного «Я» на фоне остро выраженной внутренней конфликтности. И действительно, при наличии столь ярких внутренних противоречий и всецелой поглощенности этой внутренней борьбой женщине весьма затруднительно находить силы на эмоциональное общение, поддержку и воспитание собственных детей. Дети в этой модели выступают провоцирующим, мешающим фактором. Факт тяжкого насилия в отношении детей и последующего осуждения, вероятно, еще более обостряет это внутреннее противоречие.

Итак, проведенный анализ социально-психологических особенностей личности осужденных женщин, совершивших тяжкое насилие в отношении своих детей, позволяет сформулировать некоторые выводы:

1. Факт субъективного дефицита личностного пространства, переживаемый женщиной, вероятнее всего приводит ее к подсознательному гипертрофированному стремлению оберегать свое личностное пространство и подсознательному стремлению избавиться от ребенка.

2. Данные испытуемые чаще испытуемых из других групп имели младших братьев или сестер и старших сестер и были вынуждены постоянно делить свое личное пространство с другим человеком, конкурировать с ним за внимание близких, дефицит которого также характерен для этих испытуемых.

3. Функцию нормативной социализации в семьях испытуемых осуществляют в основном матери.

4. Общение испытуемых, совершивших насилие в отношении детей, характеризуется чрезвычайной бедностью, прежде всего эмоциональной, они го-

товы включаться в общение, при этом эмоционально не реагируя и не беря на себя ответственность за контроль результатов общения.

5. Динамика самоотношения испытуемых женщин, осужденных за насилие над собственными детьми, заключается в действии полярных сил — стремления к самоуправлению и собственной активности при постоянном обесценивании собственного «Я» на фоне остро выраженной внутренней конфликтности.

Литература

1. Молоствов А.В., Канчурина А.А. Особенности семейного воспитания и межличностного общения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении близких родственников // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 91–100.

2. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: МПСИ; 2006.

3. Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. — СПб.: Питер, 2008.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ ПРАВОМ БЕСКОНВОЙНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

А. Н. Михайлов

Аннотация: в статье приводятся данные выбора стратегий совладающего поведения осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения. Прослеживается трансформация стратегий совладающего поведения осужденных, находящихся разное время в условиях бесконвойного передвижения.

Ключевые слова: молодежный возраст, бесконвойное передвижение, копинг-

стратегии, совладающее поведение.

The summary: the article provides representative sample of coping strategies by prisoners having the right of non-convoy movement. Coping strategies can be traced the transformation of prisoners held at different times of non-convoy movement.

Keywords: young ages, non-convoy movement, coping-strategy, strategy of experiencing crisis.

Согласно ст. 96 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), право бесконвойного передвижения может быть предоставлено положительно характеризующимся осужденным, отбывающим наказание в исправительных и воспитательных колониях, а также осужденным, оставленным для ведения работ по хозяйственному обслуживанию в следственных изоляторах и тюрьмах, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы [6]. При этом ведомственная статистика свидетельствует, что администрация исправительных учреждений (ИУ) предоставляет подобное право преимущественно осужденным молодежного возраста. Однако в последние годы количество нарушений установленного порядка отбывания наказания среди этой категории осужденных остается достаточно высоким и наблюдается у 10–15 % [4]. Кроме того, при нахождении в условиях бесконвойного передвижения у осужденных нередко возникают деструктивные личностные трансформации, в том числе под сохраняющимся воздействием негативных социально-психологических явлений, характерных для пенитенциарной среды. В связи с этим осужденные, пользующиеся правом бесконвойного передвижения за пределами исправительного учреждения, продолжают оставаться одной из групп повышенного внимания как в целом, так и в вопросах профилактики готовящихся побегов из мест лишения свободы.

В научных публикациях юристов (Г.А. Аванесов, 1968; А.И. Васильев, 1981; Н.А. Стручков, П.А. Папуашвили, 1985; А.В. Бриллиантов, 1995; Б.З. Маликов, Ю.В. Пленкин, 2005; А.И. Дроздов, 2010 и др.), изучавших

узкие места практики применения института бесконвойного передвижения, обоснованы правовые и организационные требования, влияющие на эффективность функционирования данного пенитенциарного института. Однако в контексте международных правовых актов и имеющегося передового опыта деятельности исправительных учреждений европейских стран можно констатировать, что в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (УИС России) предоставление осужденным права бесконвойного передвижения не всегда является ключевым этапом их ресоциализации, а также не всегда выступает связующим звеном между нахождением в условиях «закрытой зоны» и колонией-поселением.

Одна из причин этого заключается в том, что осужденные, получившие право бесконвойного передвижения, в течение длительного времени ощущают себя «людьми на перепутье» [5], так как сохраняется постоянная тесная взаимосвязь осужденных-бесконвойников с другими лицами, отбывающими наказания (в том числе с криминальными «авторитетами»), оказывающими на них определенное воздействие), а новая внешняя просоциальная активность строго регламентируется и контролируется администрацией учреждения. Подобная двойственность в самоидентификации у осужденных-бесконвойников часто приводит к психической напряженности и неадекватным поведенческим проявлениям.

С целью изучения стратегий совладающего поведения осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения, на различных сроках нахождения в указанных условиях и по-

строения классификации осужденных молодежного возраста, пользующихся правом бесконвойного передвижения, была использована методика SACS С. Хобфолла. [6]

Согласно результатам анализа практической деятельности исправительных учреждений, осужденные находятся на бесконвойном передвижении в среднем от полугода до двух лет. По мнению ряда авторов (З. Фрейд, К.Г. Юнг, М.Ш. Магомед-Эминов и др.), целесообразно выделять три стадии в исследовании трансформации личности: 1) стадия различения; 2) латентная стадия; 3) стадия связывания [2].

В связи с этим целесообразно рассмотреть особенности трансформации стратегий совладающего поведения осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения, на различных сроках нахождения в данных условиях. В дальнейшем в нашем исследовании осужденных с различными периодами нахождения на бесконвойном передвижении будем обозначать следующим образом:

- группа № 1 – осужденные, находящиеся на бесконвойном передвижении до 6 месяцев (48 респондентов);
- группа № 2 – осужденные, находящиеся на бесконвойном передвижении от 6 до 18 месяцев (42 респондента);
- группа № 3 – осужденные, находящиеся на бесконвойном более 18 месяцев (34 респондента).

Обратимся к анализу результатов по методике С. Хобфолла, позволяющей оценить стратегии преодолеляющего поведения (рис. 1).

Из рисунка 1 видно, что у испытуемых группы № 1 имеются пики «асертивной» и «осторожной» стратегии совладающего поведения. В группе № 3 возрастают показатели по шкалам «манипулятивность», «асоциальное поведение» и «агрессия». На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что длительное пребывание в условиях бесконвойного передвижения ведет к негативным трансформациям личности, проявляясь в изменении стратегий совладающего поведения и возможном

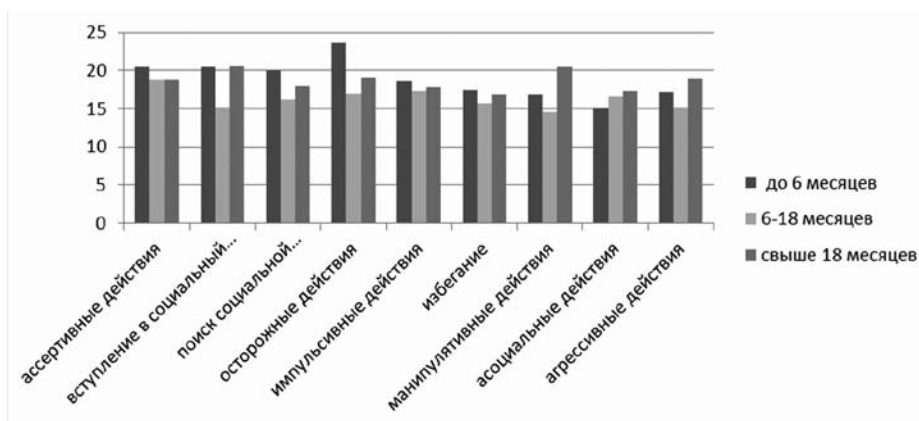

Рис. 1. Средние показатели по методике С. Хобфолла в группах осужденных с разным сроком нахождения в условиях бесконвойного передвижения

блокировании у этих осужденных, в том числе за счет трансформации личности в асоциальном направлении.

Рассмотренный факт указывает на то, что позитивные трансформации личности происходят в первые шесть месяцев пребывания осужденного в условиях бесконвойного передвижения, далее следует кризис, который может стать основой личностного роста и ресоциализации, а длительное пребывание в условиях бесконвойного передвижения ведет к деструктивным трансформациям личности в области стратегий преодолеляющего поведения. Результаты нашего исследования подтверждаются также теоретическими данными о трехфазной трансформации личности.

Для построения классификации осужденных с правом передвижения без конвоя обратимся к многомерному анализу результатов показателей теста С. Хобфолла. Факторный анализ результатов по общей матрице психодиагностических методик всех трех групп осужденных показал три существенных латентных переменных, которые составляют интрапсихическую структуру преодолеляющего поведения личности осужденного в условиях бесконвойного передвижения.

Первый фактор, представленный шкалами «поиск социальной поддерж-

ки», «манипулятивность», «агрессивность», может быть условно назван «манипулятивно-агрессивный», так как характеризует, с одной стороны, поиск поддержки в тех случаях, когда осужденный сам не может защитить свои интересы, а с другой — агрессивность, когда он чувствует себя достаточно сильным. Довольно высокой является и нагрузка шкалы «поиск социальной поддержки», что при учете общей картины тоже, видимо, носит манипулятивный характер.

Второй фактор включает в себя шкалы «ассертивность», «поиск контакта», «осторожность» и «асоциальность». Этот фактор можно было бы условно назвать фактором «ассертивности», однако мы сочли необходимым подчеркнуть, что ассертивность осужденного носит специфический, асоциально окрашенный характер, следовательно, получается «ассертивно-асоциальный фактор».

Третий фактор состоит из шкал «импульсивность» и «избегание», поэтому был назван фактором «импульсивности-избегания». В ИУ осужденные с таким типом поведения, как свидетельствуют наблюдения, быстро вспыхивают по разным поводам, но тут же пугаются последствий и избегают всякого продолжения конфликтной ситуации.

Используя метод кластеризации факторных оценок можно построить

Таблица 1

Процентное распределение ассертивного и манипулятивного типа в разных группах осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения

	Ассертивная группа	Манипулятивная группа	Значимость различий
Группа № 1	45 %	55 %	–
Группа № 2	72 %	28 %	0,0014
Группа № 3	59 %	41 %	–

обобщенную бинарную классификацию осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения: 1) «ассертивный» и 2) «манипулятивный».

Обратимся теперь к вопросу о том, как соотносится построенная нами методами многомерного анализа данных классификация осужденных с правом бесконвойного передвижения со временем их пребывания в этих условиях отбывания наказания (табл. 1).

Из таблицы 1 можно видеть, что условия бесконвойного передвижения существенно способствуют росту ассертивного поведения, которому предшествует преобладание манипулятивного поведения в тот период, когда осужденный только выведен в данные условия. Снижение ассертивного поведения происходит под воздействием новых стрессогенных факторов, таких, например, как перспектива скорого освобождения, неудовлетворенные материальные потребности при длительных трудовых нагрузках, порождающих усталость; монотонность условий труда и необходимость постоянно выполнять все новые требования администрации учреждения; нахождение «на грани между свободой и несвободой»; соблазн нарушения установленных правил отбывания наказания (употребление алкогольных напитков, наркотических средств, пронос в исправительные учреждения запрещенных предметов и т. д.).

В то же время можно говорить и о том, что закономерно происходит и снижение манипулятивного поведения в процессе пребывания в условиях бесконвойного передвижения. Конечно, не следует рассматривать классификацию ассертивности и манипулятивности осужденных как систему сообщающихся сосудов. Может происходить и одновременное повышение или понижение в группе процента обоих типов поведения. С этой точки зрения следует рассмотреть распределение самих типов в разных группах по всей выборке осужденных в условиях бесконвойного передвижения.

Из таблицы 2 следует, что ассертивный тип преобладает на первых этапах нахождения осужденного в условиях бесконвойного передвижения, а манипулятивный — когда осужденный закрепился на этих условиях отбывания наказания. Эту трансформацию можно описать следующим образом: в процессе пребывания в условиях бесконвойного передвижения в течение первых шести месяцев происходит резкая смена ассертивного типа на манипулятивный.

Профилактика и коррекция настоящих негативных явлений возможна с учетом дифференцированного подхода к полученным классификационным группам осужденных в условиях бесконвойного передвижения.

Психокоррекция манипулятивного поведения должна происходить в эмо-

Таблица 2

Процентные показатели представленности в разных группах осужденных, пользующихся правом бесконвойного передвижения, типов совладающего поведения, полученных методом кластерного анализа

	Группа № 1	Группа № 2	Группа № 3
Манипулятивный	29 %	44 %	27 %
Ассертивный	50 %	24 %	26 %

циональной сфере и быть направлена на повышение открытости, затрагивания глубинных пластов переживаний, подведения клиента к осознанию тщательно подавляемых как мешающих манипуляции чувств и эмоций.

В свою очередь, основным моментом асертивности осужденного выступает взаимосвязь с асоциальными проявлениями, вследствие чего необходима работа с жизненным планом и духовно-нравственной сферой личности осужденного.

Таким образом, пребывание в условиях бесконвойного передвижения сопряжено с рядом стресс-факторов, характерных как для мест лишения свободы в целом, так и для бесконвойного передвижения в частности. Пребывание в подобных условиях приводит к трансформации стратегий совладающего поведения. В связи с этим при изучении особенностей данной трансформации личности осужденных можно отметить, что только первые периоды отбывания наказания в таких условиях оказывают положительное влияние на личность осужденного, а в дальнейшем начинают развиваться негативные процессы. Психологическое сопровождение личности осужденного прежде всего должно быть основано на четком понимании пробле-

мы трансформации совладающего поведения осужденных, находящихся на бесконвойном передвижении, которое устраивает личность на первых порах, но далее дает ее потерю (личности). В связи с этим возникает необходимость в двух взаимодополняющих направлениях психокоррекционной работы: демпфирование манипулятивного поведения (через психотехники гештальт-терапии, в первую очередь направленные на снижение агрессивности) [3] и работу с жизненными планами (посредством структурирования жизненных планов и перспектив психотехниками логотерапии) [1].

Литература

1. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. — 3-е изд. — М.: Генезис, 2009. — 128 с.
2. Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2009. — 679 с.
3. Наранхо К. Гештальт-терапия: Отношения и практика. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 304 с.
4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. — Тверь: ФБУ НИИИИПТ ФСИН России, 2009–2011.
5. Смирнов С.А. Проблема культурного развития человека. Философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2004. — 44 с.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. — № 2. — Ст. 198.

ЧУВСТВО ВИНЫ И СТИЛИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЗАКЛЮЧЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

О. М. Манхаева, Р. В. Кадыров

Аннотация: *представлен анализ результатов проведенной работы по исследованию соотношения переживания чувства вины со стилями межличностного поведения у заключенных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.*

Ключевые слова: *социальные или коммуникативные эмоции, чувство вины, вина-черта, самообвинение, стили межличностного поведения.*

The summary: *an analysis of the results of operations to explore the relations experience feelings of guilt with the styles of interpersonal behavior among prisoners serving sentences in correctional institutions.*

Keywords: *social communication, or emotions, guilt, fault-line, self-incrimination, the styles of interpersonal behavior.*

Рост интереса к изучению чувства вины связан как с множеством белых пятен в концептуальном поле данного феномена, так и с потребностью прикладных исследований. Несмотря на то, что многие исследователи упоминают в своих научных работах чувство вины, можно с уверенностью сказать, что данный феномен в зарубежной и отечественной психологии недостаточно разработан. Практически отсутствуют работы, специально посвященные теоретико-эмпирическому изучению чувства вины [4]. Поэтому становится очевидным, что

вопросы о происхождении этого феномена, влиянии его на развитие личности человека, его природе, характеристиках и функциях, требуют дальнейшего исследования.

В современной психологии чувство вины относят к группе эмоций, направленных, в основном, на себя, но имеющих отношение к взаимоотношениям с другими людьми и с соответствием поведения нормам морали, то есть социальным контролем, и называемых в англоязычной литературе «self-conscious emotions», или «эмоции самосознания». В данную группу включают эмоциональные явления, неотъемлемо связанные с представлением о себе и о своих действиях, а также с «Я-концепцией» в социальных взаимоотношениях. В русском языке это не слишком удачное обозначение, поэтому в своей работе, мы, ссылаясь на современных российских психологов, будем относить чувство вины к социальным или коммуникативным эмоциям, что подразумевает представленность других людей (очной или заочной форме) в содержании этих эмоциональных явлений, предметом которых является скорее сам человек, но в связи с другими [Г. Бреслав, 2007; Е. Ильин, 2009] [2, 3].

До настоящего времени практически отсутствуют эмпирические исследования, подтверждающие социальную

природу такого эмоционального явления, как чувство вины. В связи с этим и с разработкой, внедрением новой системы отбывания наказания, особенно актуальным является изучение особенностей переживания чувства вины в связи со стилями межличностного поведения у заключенных, отбывающие наказания в исправительных учреждениях.

Испытуемые и методики исследования. С целью изучения соотношения между сложившимся стилем межличностного поведения и особенностями переживания чувства вины, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие две группы испытуемых:

1. Экспериментальная группа (177 человек) — заключенные, отбывающие наказания в исправительных учреждениях Приморского края, мужчины, возрастная категория от 20 до 50 лет.

2. Контрольная группа (87 человек) — законопослушные граждане, мужчины. Контрольная группа сформирована по тем же возрастным критериям, что и экспериментальная.

Методы исследования:

1. Метод диагностики межличностных отношений (ДМО) Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек (адаптация Л. Собчик), позволяет выявить степень выраженности того или иного стиля межличностного поведения. В зависимости от интенсивности эмоциональной окраски интерперсонального взаимодействия индивида с окружающими его людьми, выделяют следующие типы межличностных отношений: «властный-лидирующий»; «независимый — доминирующий»; «недоверчивый — скептический»; «покорно — застенчивый»; «зависимый — послушный»; «сотрудничающий — конвенциальный»;

«ответственно — великодушный» [7].

2. «Опросник вины» (GuiltInventory) К. Куглер, У. Джонс (1991) [3]. Данный метод позволяет наиболее полно измерить конструкт вины, т.к. объединяет три ее составляющие:

— Вину-состояние, как временное (текущее) эмоциональное состояние, переживаемое в данный момент времени за совершаемый или недавно совершенный проступок.

— Вину-черту, как устойчивую личностную характеристику, которая связана с наличием сожаления, желания исправить свои ошибки, ненависти к себе.

— Моральные нормы — данная личностная характеристика скорее отражает приверженность к ценностям и нормам, нежели вину как эмоцию.

Основной акцент в исследовании необходимо сделать на шкале «вина-черта», так как это наиболее устойчивая личностная характеристика, и она наиболее показательно отражает чувство вины как эмоцию.

3. Опросник самооотношения В. Столина, С. Пантилеева [5]. Данная методика представляет собой многомерный психодиагностический инструмент, основанный на принципе стандартизированного самоотчета (В. Столин 1985) и позволяет выявить эмоционально-ценностное отношение человека к себе. С помощью методики выявляются следующие показатели: глобальное самоотношение; самоуважение; аутосимпатия; самоинтерес; ожидаемое отношение других людей; самоуверенность; самопринятие; саморуководство; самообвинение; самопонимание. Для нашего исследования данная методика интересна тем, что авторами был выделен фактор

самообвинения в пространстве, изучаемого ими самоотношения.

4. Опросник агрессивности Басса-Дарки (А. Басс, А. Дарки) [1]. С помощью данного опросника выявляются проявления агрессии и враждебности. При этом могут быть выделены следующие виды реакций испытуемого: физическая агрессия; вербальная агрессия; косвенная агрессия; негативизм; раздражение; подозрительность; обида и, представляющая в данном исследовании для нас наибольший интерес, аутоагрессия или чувство вины.

Для выявления статистически значимых различий в уровне исследуемого признака использовался критерий Манна-Уитни для независимых выборок. При исследовании взаимосвязей параметров использовался корреляционный анализ (корреляция Кендалла) [5].

Результаты и их обсуждение. В результате проведенного нами математического анализа по всем методикам были выявлены достоверные различия в показателях, отражающих переживание чувства вины (таблица 1).

Оказалось, что заключенные, в отличие от законопослушных граждан, имеют наиболее высокие показатели по шкалам, отражающим переживание чувства вины. Можно предположить, что это связано с тем, что некоторые заключенные, не признающие свою вину изначально, после приговора суда все же задумываются о своих деяниях, анализируют совершенные ими поступки. В отличие от испытуемых контрольной группы (законопослушных граждан), у заключенных есть больше времени, чтобы обдумывать свои ошибки, заниматься самоанализом. У законопослушных граждан повседневная жизнь более насыщена и разнообразна и поэтому есть возможность с негативных переживаний переключиться на что-то другое, более свободно контактировать с людьми, перед которыми они испытывают чувство вины и тем самым пытаться урегулировать существующие межличностные конфликты или недопонимания.

При анализе взаимосвязей между переживанием чувства вины и стилями межличностного поведения в опросни-

Таблица 1

Оценка степени однородности переживания чувства вины в контрольной и экспериментальной группах

«Опросник вины» К. Куглер, У. Джонс				
№ п/п	Шкала	U	Z	p
1.	Вина-черта	3054,500	7,96855	0,000*
Опросник самоотношения В. Столина, С. Пантлеева				
№ п/п	Шкала	U	Z	p
1.	Самообвинение	5111,000	4,51295	0,000*
Личностный опросник Баса-Дарки				
№ п/п	Шкала	U	Z	p
1.	Чувство вины	4072,000	6,29222	0,000*

Примечание: U – Значение критерия Манна-Уитни; Z – Значение критического числа; p – уровень отвержения гипотезы на однородность; * – различия статистически значимые при $p < 0,001$.

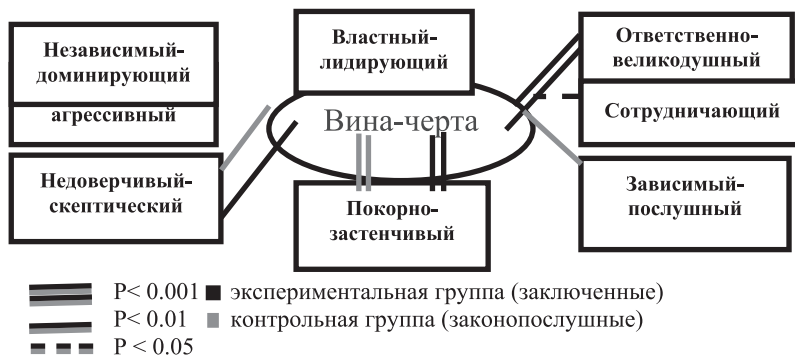

Рис. 1. Психологические корреляты «вины-черты» по К. Куглер, У. Джонс контрольной и экспериментальной группы

ке вины К. Куглер, У. Джонс основной упор сделан на исследование корреляционных связей шкалы «вина-черта», так как шкала «вина-состояние» отражает всего лишь временное (текущее) эмоциональное состояние, переживаемое в данный момент времени за совершаемый или недавно совершенный проступок. А «вина — черта» — это устойчивая личностная характеристика, связанная с наличием сожаления, желания исправить свои ошибки, ненависти к себе [3]. Корреляционный анализ (рис. 1) показал, что у испытуемых как экспериментальной (заключенные), так и контрольной группы (законпослушные граждане) «вина-черта» из опросника вины К. Куглер, У. Джонс положительно связана со следующими шкалами методики ДМО Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек: «Недоверчивый-скептический» ($\tau=0,11$, $p<0,01$; $\tau=0,17$; $p<0,01$, соответственно); «Покорно-застенчивый» ($\tau=0,16$, $p<0,001$; $\tau=0,22$; $p<0,001$, соответственно);

Помимо этого в экспериментальной группе были выявлены положительные связи со шкалами «Сотрудничающий-

конвенциональный» ($\tau=0,09$; $p<0,05$) и «Ответственно-великодушный» ($\tau=0,15$; $p<0,001$). В контрольной группе (законпослушные граждане) «вина-черта» из той же методики еще положительно коррелирует с таким стилем межличностного поведения, как «Зависимый-послушный» ($\tau=0,18$; $p<0,01$).

Следовательно, можно сделать вывод, что испытуемые как экспериментальной, так и контрольной группы, имеющие высокие показатели по шкале «вина-черта», склонны к покорно — застенчивому и недоверчиво — скептическому стилям взаимоотношения с окружающими. Автор опросника вины профессор У. Джонс определяет вину как дисфорическое чувство, которое возникает у людей, когда они нарушают свои личные моральные принципы или социальные нормы [3]. Следовательно, люди, склонные испытывать это дисфорическое чувство, чаще всего полностью покорны, обладают повышенным чувством самоуничижения, крайне обидчивы, недоверчивы, подозрительны и недовольны другими, с выраженной склонностью к критицизму.

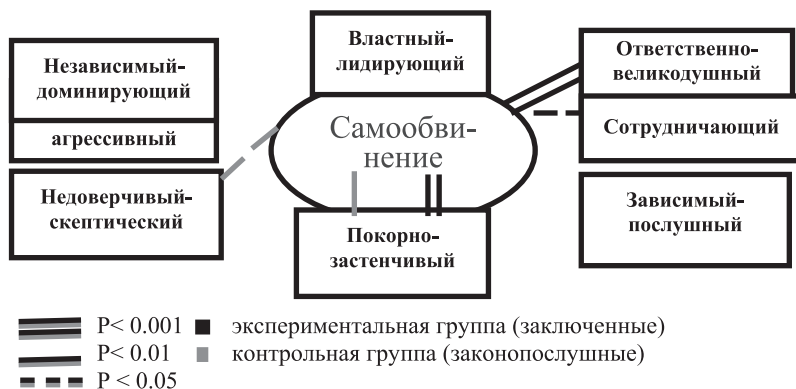

Рис.2. Психологические корреляты самообвинения по В. Столину, С. Пантилееву контрольной и экспериментальной группы

Кроме того в группе заключенных с высокими показателями по шкале «вина-черта» прослеживается склонность к сотрудничающе — конвенциональному и ответственно — великодушному варианту межличностного поведения, которые проявляются в компромиссном поведении, несдержанности в излишних своего дружелюбия по отношению к окружающим, стремлении подчеркнуть свою причастность к интересам большинства, мягкосердечности, сверхобязательности, гиперсоциальности установок и подчеркнутом альтруизме.

В группе законопослушных мужчин у большинства испытуемых с зависимо — послушным стилем межличностного поведения, который проявляется в сверхконформности, полной зависимости от мнения окружающих, выявлены высокие показатели по шкале «вина-черта».

Анализ корреляционных связей (рис.2) в экспериментальной (заключенные) и контрольной (законопослушные граждане) группах, выявил положительную связь шкалы «самообвинения» опросника самоотноше-

ния В. Столина, С. Пантилеева со шкалой «Покорно-застенчивый» ($\tau=0,16$, $p<0,001$; $\tau=0,18$, $p<0,01$, соответственно) методики ДМО Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек. Помимо этого в группе заключенных были выявлены положительные связи со шкалами «Сотрудничающий-конвенциональный» ($\tau=0,09$; $p<0,05$) и «Ответственно-великодушный» ($\tau=0,15$; $p<0,001$), а в группе законопослушных граждан шкала «самообвинения» еще положительно коррелирует с такой шкалой методики ДМО, как «Недоверчивый-скептический» ($\tau=0,15$; $p<0,05$).

Авторы опросника самоотношения В. Столин и С. Пантилеев выделили фактор «самообвинения» в пространстве изучаемого им самосознания и дали следующее определение данному понятию. Самообвинение — это готовность человека поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки [6]. Таким образом, можно сделать вывод, что испытуемые как экспериментальной, так и контрольной группы склонны признавать свои ошибки и недостатки, чаще всего, полностью покорны, обла-

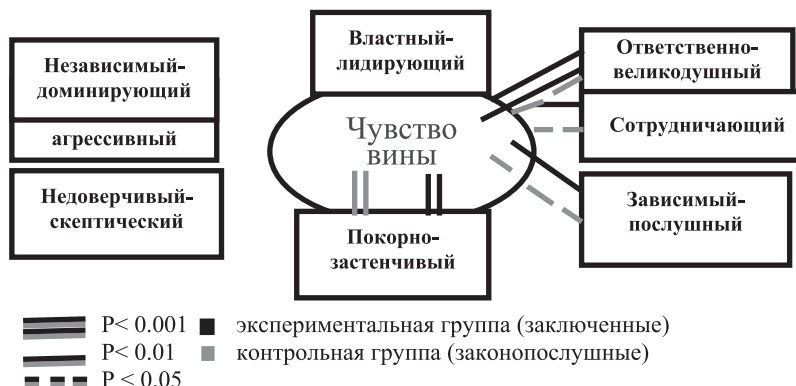

Рис. 3. Психологические корреляты чувства вины по А. Басс и А. Дарки контрольной и экспериментальной группы

дают повышенным чувством самоуничижения.

Кроме того, было установлено, что заключенные имеющие высокие показатели по шкале «самообвинение», так же как и в случае с показателями по шкале «вина-черта» склонных к компромиссному поведению, несдержанности в излияниях своего дружелюбия по отношению к окружающим, стремятся подчеркнуть свою причастность к интересам большинства, альтруистичны, мягкосердечны, сверхобязательны, обладают гиперсоциальными установками.

Высокие показатели по шкале «самообвинение» были выявлены у испытуемых контрольной группы с преобладанием недоверчиво — скептического стиля межличностного поведения, который проявляется крайней обидчивостью, выраженной склонностью к критицизму, недоверчивостью, подозрительностью и недовольством другими.

Помимо этого, как в группе заключенных, так и в группе законопослушных мужчин были выявлены положительные корреляционные связи (рис.

3) шкалы «чувство вины» личностного опросника агрессивности Басса-Дарки со следующими шкалами методики ДМО Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек: «Покорно-застенчивый» ($\tau=0,17$, $p<0,001$; $\tau=0,31$; $p<0,001$, соответственно); «Зависимый-послушный» ($\tau=0,12$, $p<0,01$; $\tau=0,15$, $p<0,05$, соответственно); «Сотрудничающий-конвенциональный» ($\tau=0,16$, $p<0,001$; $\tau=0,13$, $p<0,05$, соответственно) и «Ответственно-великодушный» ($\tau=0,23$, $p<0,001$; $\tau=0,14$, $p<0,05$, соответственно).

А. Басс и А. Дарки считают, что чувство вины — выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, что поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести [1]. Таким образом, было установлено, что испытуемые обеих групп, имеющие такого рода убеждения и соответственно высокие показатели по шкале «чувство вины» полностью покорны, обладают повышенным чувством самоуничижения, сверхконформны, полностью зависят от мнения окружающих, склон-

ны к компромиссному поведению, несдержанности в излияниях своего дружелюбия по отношению к окружающим, стремятся подчеркнуть свою причастность к интересам большинства, альтруистичны, мягкосердечны, сверхобязательны, обладают гиперсоциальными установками.

Подводя итоги проведенной работы по исследованию взаимоотношений переживания чувства вины со стилями межличностного поведения, необходимо подчеркнуть, что существуют некоторые несоответствия в корреляционных связях в разных группах и по разным шкалам методик, изучающих такое эмоциональное состояние, как чувство вины. Можно предположить, что это связано с тем, что до сих пор не существует единого подхода к определению понятия «чувство вины». Поэтому, каждый автор, создавая методику, вкладывает свой смысл в определение данного понятия, кроме того, даже по-разному обозначает это эмоциональное явление. Помимо этого можно предположить, что некоторые стили межличностного поведения намеренно или подсознательно скрываются или вытесняются испытуемыми в определенных жизненных условиях. Лишение свободы и заключение в исправительное учреждение как раз таки и могут являться этими особыми условиями.

Итак, анализируя полученные в ходе исследования данные, можно с достоверной вероятностью заключить, что существуют общие для всех, независимо от жизненных условий сформировавшиеся характеристики межличностного поведения, при которых люди чаще всего склонны наиболее глубоко и интенсивно переживать чувство вины. Это, прежде всего, модус отношения с окружающими

ми «покорно — застенчивый», который проявляется в полной покорности и самоунижении, характерен для людей с высоким уровнем переживания чувства вины. Это подтвердилось по всем трем методикам в показателях шкал, отражающих склонность к переживанию чувства вины, как в группе заключенных, так и в группе законопослушных мужчин.

Так же с полной достоверностью можно заключить, что как законопослушные граждане, так и заключенные, склонные испытывать дисфорическое чувство, которое возникает у людей, когда они нарушают свои личные моральные принципы или социальные нормы крайне обидчивы, склонны к критицизму, подозрительны, недовольны другими. Кроме того, с большой долей вероятности можно заявить, что все испытуемые, вне зависимости от того в каких жизненных условиях они находятся, в заключении или на свободе, которые считают себя плохими людьми, испытывают угрызения совести и осознают, что поступают зло, чаще всего проявляют следующие характеристики межличностного поведения: сверхконформность; склонность к компромиссному поведению; несдержанность в излиянии своего дружелюбия по отношению к окружающим; стремление подчеркнуть свою причастность к интересам большинства; альтруистичность; мягкосердечность; сверхобязательность.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что чувство вины является социальной эмоцией, так как имеет отношение к взаимоотношениям с другими людьми. В зависимости от того, как человек взаимодействует с окружающими, какой стиль межличностного поведения у него преоблада-

ет, мы можем предполагать, насколько высок его уровень переживания чувства вины. И, наоборот, если мы знаем, что человек склонен глубоко и интенсивно переживать чувство вины, то для него характерны определённые модусы взаимоотношения с окружающими.

Литература

1. *Батаршев А.В.* Темперамент и характер: Психологическая диагностика. — М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001.

2. *Бреслав Г.М.* Психология эмоций / Г.М. Бреслав. — 3-е изд., стер. — М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2007.

3. *Ильин Е.П.* Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009.

4. *Манхаева О.М.* Теоретико-эмпирическое обоснование феномена «чувство вины» с точки зрения развития личности / О.М. Манхаева // Образование и саморазвитие. — 2010. — №6(22) — С. 221-227

5. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. 3-е изд., стереотип. — СПб.: Речь, 2008.

6. *Романова Е.С.* Психодиагностика: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2006.

7. *Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. — М.: ИПП-ИСП, 2000.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМИ ФОРМАМИ ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ

Г. П. Иванов, Н. А. Чикалов

Аннотация: проведенные по данной тематике исследования позволяют все больше укрепиться в понимании роли образования и ее влияния на развитие личности подростков. В данной работе осуществлена попытка уточнения роли образования в генезисе формирования личности с девиантными формами поведения.

Авторы удачно подобрали выборки подростков, обучающихся в профессионально-технических лицеях, воспитательной колонии и общеобразовательной школе.

Анализ средних ранговых значений переменных по методике «ценностные ориентации» позволил отметить низкое значение по шкале «образованность» для воспитанников колонии, что можно считать косвенным подтверждением отрицания значимости образования, тенденции прекращения и игнорирования обучения, что проявляется в факторе *B* теста 16 PF и ряде других показателей по этому тесту.

Ключевые слова: социальное развитие, личностное развитие, девиантное поведение.

The summary: the research made by the authors shows the importance of the education and its influence on the development of the adolescent personality.

The authors tried to precise the role of the education in the development of the personality with the deviant behaviour. The authors chose the adolescents from the

colleges, the reformatory, the schools.

The data showed the low level of the education among the adolescents from the reformatory. This fact proves that they ignore the necessity of the education, that is shown in the factor *B* of the test 16 PF and in some others data in the test.

Keywords: social development, personal development, deviant behavior.

Под отклоняющимся поведением принято понимать некоторую последовательность действий или актов общения, которые по формальным признакам противоречат принятым в обществе правовым и нравственным нормам [4, с. 257]. (Специального рассмотрения требует девиантное поведение олигофренов).

Список девиантных форм поведения, противоречащих правовым нормам, дан в правовых актах государства, характеризующих их как правонарушения и преступления (УК РФ и КоАП РФ).

Списка форм поведения, противоречащего нравственным нормам, не существует. Однако могут существовать этические кодексы и концепции, на основании которых возможно производить нравственную оценку поведения (например, Кодекс профессиональной этики психиатра [5, с. 180–186], заповеди Ветхого завета [1, с. 207–208]). Элементы этического кодекса могут присутствовать в уставах и правилах жизнедеятельности определенных коллективов (в частности в Уставе школы).

Основанием для оценки противоправного поведения являются нормативные документы: если имеет место внешне регистрируемая активность гражданина, приведшая к особому рода результатам, то по факту их наличия данный вид поведения фиксируется. В среде несовершеннолетних доминирует (по степени частоты) следующая градация форм противоправного поведения: нарушения общественного порядка (часто встречаемая форма), кражи, кражи с применением насилия, крайние степени насилия [3]. Особую группу составляют лица, периодически находящиеся в измененных состояниях сознания под воздействием наркотических веществ (предполагается, что измененные состояния сознания могут способствовать совершению противоправных действий).

Основанием для нравственной оценки проступков являются международные и отечественные правозащитные документы (Декларация прав человека, Конституция РФ и др.), правила организации деятельности, а нередко можно наблюдать абсолютное отсутствие каких-либо зафиксированных правил для оценки предполагаемого проступка. В последнем случае экспертам следует руководствоваться общечеловеческими ценностями и этическими принципами, характерными для духовной жизни народа.

Сущность проступка связана с проблемой нарушения прав человека, группы лиц, общества: нарушение прав человека связано с умалением (искажением, игнорированием, извращением, отрицанием) бытия человека.

Умаление человеческого бытия может выражаться в различной степени:

1. Отрицание бытия человека (убийство одного человека другим (другими), особого рода воспитательное воздействие, лишающее человека ума и способности заниматься деятельностью, электрошоковая терапия, действия, приводящие к глубокой психической или физической инвалидности, временной или постоянной парализации, полное лишение человека всех прав и свобод).

2. Ограничение бытия человека (введение неоправданных запретов, блокирование условий, способствующих развитию личности, сенсорная депривация, пленение, порабощение, угнетение).

3. Искажение человеческого бытия (клевета, неправильная организация деятельности и общения, сексуальные извращения).

4. Нанесение временного эмоционального, морального, физического вреда человеку (телесные повреждения, оскорбления, унижения).

5. Нанесение имущественного вреда человеку (тайное или насильственное завладение имуществом, повреждение или уничтожение имущества, другого индивида и т. д.).

Тоталитарное государство могло наиболее тяжело умалять бытие человека. Поскольку государство обладает не меньшей (а может и большей), чем его отдельные граждане, возможностью совершать наиболее тяжкие проступки против человеческого бытия, оно и его постановления не могут являться критериями нравственной оценки проступков. Нравственность и государственное право могут вступать в неразрешимое противоречие. Общество как нравственная самоорганизация должно следовать требованиям нравственности, а не права. Указанное противоречие становится

более сильным в случае оценивания проступка, совершенного несовершеннолетним: к несовершеннолетнему вследствие его психической и социально-правовой незрелости не могут применяться в полной мере правовые оценки (ст. 10 УК РФ, ст. 13 КоАП РФ).

Моральное несовершенство несовершеннолетних, выражающееся в девиантном поведении, «является не врожденным, а приобретенным. Оно возникает не из биологических факторов, формирующих организм и его поведение, а из социальных, направляющих и приспособляющих это поведение к условиям существования в той среде, в которой ребенку приходится жить» [2, с. 261].

Дети в своем поведении демонстрируют все черты, свойственные поведению взрослых, они как бы имитируют деятельность окружающих их людей. Девиантное поведение взрослых является предметом копирования его основных черт несовершеннолетними. В отличие от девиации взрослых, имеющей часто внутреннее содержание порчи, отклоняющееся поведение детей в основном является переносом внешних форм девиационной активности. Установлено, что в определенном возрасте дети играют в ролевые игры, с помощью которых они осваивают культурную деятельность взрослых, пытаются понять ее внутреннее содержание. Поскольку девиантное поведение взрослых принципиально непонятно детскому сознанию, одна из причин девиантного поведения детей — попытка понять значимых для них взрослых [4, с. 127–128].

Таким образом, отклоняющееся поведение несовершеннолетних не может адекватно оцениваться на основании правовых актов государства, оно тре-

бует в качестве необходимой составляющей нравственной оценки — оценку места проступка в жизни несовершеннолетнего.

В целях выявления особенностей формирования личности подростков в условиях общего и профессионального образования, влияния на формирование личности девиантных форм поведения мы предприняли попытку экспериментального исследования типичных личностных черт и ценностных ориентации подростков. В качестве группы, связанной наиболее очевидно с девиантным поведением, была выбрана группа подростков, обучающихся в воспитательной колонии. Они совершили различного рода правонарушения, что послужило причиной их помещения в воспитательную колонию. Эта группа была принята нами за основную экспериментальную группу. Другими группами для исследования были выбраны группы учащихся 11 классов общеобразовательных школ и студенты профлицей.

Одной из рабочих гипотез нашего исследования является предположение о значимости социально-педагогических условий и условий образования для развития личности подростков. Как, одной из возможной причин девиантного поведения может служить дезадаптация подростков, связанная с отрицанием значимости образования, тенденциями прекращения и игнорированием обучения, ухода из образовательных учреждений.

Анализ полученных результатов показывает, что при оценке значимости терминальных ценностей принципиальные отличия отсутствуют.

Для всех выборок характерно значение ценности «здоровье» (1, 1, 1), «на-

**Средние ранговые значения переменных по методике
«Ценностные ориентации» (терминальные ценности)**

№ п/п	Лицей	Колония	Школа	Переменные
1	6	13	8–9	Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)
2	13	9	4	Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые с жизненным опытом)
3	1	1	1	Здоровье (физическое и психологическое).
4	3	8	11	Интересная работа
5	18	16	18	Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве)
6	4	2	3	Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)
7	5	4	12	Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)
8	2	3	2	Наличие хороших и верных друзей
9	14	10	13	Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)
10	7	12	12	Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное)
11	12	14	16	Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)
12	10–11	11	6	Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)
13	15	15	15	Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)
14	9	7	8–9	Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)
15	10–11	6	7	Счастливая семейная жизнь
16	16	17	14	Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества)
17	17	18	17	Творчество (возможность творческой деятельности)
18	8	5	5	Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)

личие хороших и верных друзей» [2, 3, 2], «любовь» [4, 2, 3].

Исследование ценностных ориентаций подростков, обучающихся в воспитательной колонии, студентов профлицея и училища, 11 классов показало, что на

типичном уровне оказались значимыми различия в предпочтениях в следующих ценностях. Так, наиболее значимые (уровень значимости $p < 0,02$) различия наблюдались по предпочтению ценностей «Образованность (широта знаний, высо-

кая общая культура)» и «Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)», что указывает на определенное снижение ценности образования, общей культуры, ценностей познания и знаний у воспитанников колонии.

Также существуют значимые (уровень значимости $p < 0,05$) различия в предпочтении ценностей. «Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)», «Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов». Причем степень предпочтения у воспитанников колонии первой ценности ниже, а второй — выше. Активная деятельная жизнь, вероятно, не является привлекательной для воспитанников, как и менее значимые ценности интересной работы, эффективности в делах, трудолюбия, связанные с деятельностью-трудоустройством. Кроме того, криминальная социальная среда и условия принудительного содержания воспитанников, видимо, могут препятствовать личностной трудовой и деятельностной реализации. Большая значимость для воспитанников колонии инструментальной ценности «Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» также может быть связана влиянием социальной среды, требующей от каждого проявления самоутверждения, личностного утверждения в группе, поддержания определенного статуса. Возможно, что значимость этой ценности связана с личностными и характерологическими особенностями (например, с эгоцентризмом) индивидуальности воспитанников.

Важна ценность «аккуратность» (чистоплотность и т. д.) 3 и 1-е место соот-

ветственно, для школьников она стоит на 10–11 месте. Для них она является не определяющей статус в коллективе и более того одобряема среди сверстников, то для воспитанников колонии — она «жизненно» важна, она определяет место в иерархии осужденных. То же можно сказать о ценности «воля» 8,5, 10–11 места соответственно. Более мягкие обстоятельства жизни, защищенность и прежде всего родительская забота делает для учащихся школы эту ценность не...первостепенной. Однако ценность «самоконтроль» и «чувство долга» у учащихся школ в чести (4 место), тогда как у учащихся лица она стоит на 12 месте, а у воспитанников колонии на 10. Важна для школьников и ценность «честность» — 2 место, у лицестов — 7 место, у осужденных — 11 место. Есть и совпадающие показатели по ценностям «высокие запросы» (17, 18, 17), «широта взглядов» (14, 15, 16), «непримиримость к недостаткам в себе и других» (18, 17, 18).

Девиантные формы поведения могут влиять на формирование определенных личностных черт у подростков. Так, нами были зафиксированы в их различной выраженности у воспитанников колонии и подростков, обучающихся в школах и профлицее. Наиболее значимые ($p < 0,001$) различия были зафиксированы по личным чертам «С» (сильный контроль эмоций, эмоциональная устойчивость — эмоциональная неустойчивость) и «Q2» (зависимость от группы — самостоятельность). Эти различия указывают, с одной стороны, на специфичность черт формирующихся у обучающихся и необходимых для обеспечения определенного уровня социальной адаптации, с другой — на большую эмоциональную неустойчи-

**Средние ранговые значения переменных по методике
«Ценностные ориентации» (инструментальные ценности)**

№ п/п	Лицей	Колония	Школа	Переменные
1	3	1	10–11	Аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке вещи, порядок в делах)
2	2	2	5	Воспитанность (хорошие меры)
3	17	18	17	Высокие запросы (высокие требования к жизни)
4	4	6	9	Жизнерадостность (чувство юмора)
5	11	12	15	Исполнительность (дисциплинированность)
6	5	3	7	Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)
7	18	17	18	Непримиримость к недостаткам в себе и других
8	1	7	1	Образованность (широта знаний, высокая общая культура)
9	6	9	3	Ответственность (чувство долга, умение держать слово)
10	15	8	12	Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)
11	12	10	4	Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)
12	13	4	6	Смелость в отстаивании своего мнения, взглядов
13	8	5	10–11	Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)
14	9–10	13	8	Терпимость (к взглядам других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)
15	14	15	16	Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)
16	7	11	2	Честность (правдивость, искренность)
17	9–10	16	14	Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)
18	16	14	13	Чуткость (заботливость)

вость и самостоятельность воспитанников колонии.

Другими значимыми ($p < 0,05$) являются различия по личностным факторам «Q4», «N», «B», «O». Воспитанники колонии отличаются от обучающихся в школах и профлицее как более фрустрированные, расчетливые, менее интеллектуально развитые, с большим чувством вины и неуверенностью. Эти различия указывают как на меньшую развитость

лично-интеллектуальных компонентов, так и на определенную социальную искренность.

Обучающиеся в профлицее отличаются от воспитанников колонии по факторам «C», «N», «Q2», «Q4», что не противоречит общим данным.

Обучающиеся в школах отличаются от воспитанников колонии по факторам «A», «C», «H», «Q2»3 «Q4». Внимания заслуживают факторы «A» и «H», показы-

**Средние значения по тесту 16 PF (пер. № 2–18 даны в стенах)
и интеллектуального теста Равена**

№ п/п	Лицей	Школа	Колония	Переменные 16 PF
1	6,1	5,6	5,4	MD, «Мотивационное искажение», желание выглядеть лучше.
2	3,6	3,0	4,4	FB, «Выглядеть плохо», желание выглядеть хуже.
3	5,8	7,3	6,3	A, Доброта, сердечность +, обособленность, отчужденность –
4	6,1	6,0	5,2	V, Интеллект +
5	6,7	7,2	5,1	C, Эмоциональная устойчивость +, Эмоц. Неустойчивость –
6	5,5	5,3	5,4	E, Доминантность +, Конформность –
7	5,5	6,5	5,8	F, Беспечность +, Озабоченность –
8	6,4	6,0	6,3	G, Добросовестный +, Недобросовестный –
9	6,4	7,0	6,2	H, Социальная смелость +, Робость –
10	5,0	5,2	5,2	I, Мягкосердечность +, Жесткость –
11	5,2	5,4	5,4	L, Подозрительность +, Доверчивость –
12	3,7	4,9	4,1	M, Мечтательность +, Практичность –
13	5,7	6,3	7,0	N, Расчетливость +, Наивность –
14	5,3	5,3	6,4	O, Чувство вины +, Уверенность –
15	5,9	5,4	5,4	Q1, Гибкость +, Консерватизм –
16	3,8	3,7	5,2	Q2, Самостоятельность +, Зависимость от группы –
17	6,5	5,8	5,7	Q3, Контроль желаний +, Импульсивность –
18	5,2	4,5	6,2	Q4, Напряженность +, Расслабленность –
19	11,6	11,35	9,87	Тест Равена, Set A
20	10,4	11,23	8,87	Тест Равена, Set B
21	8,6	10,3	5,96	Тест Равена, Set C
22	9,6	10,21	7,75	Тест Равена, Set D
23	5,9	7,00	3,09	Тест Равена, Set E
24	45,00	49,88	35,37	Тест Равена, Set Сумма

вающие, что учащиеся школ являются более добросердечными и социально смелыми.

Анализируя средний показатель по методике Равена, следует отметить, что интеллектуальное развитие обследуемых из колонии значительно ниже чем у учащихся общеобразовательной школы и профлицея.

Таким образом одной из возможных причин дивиантного (противоправного) поведения может служить дезадаптация подростков, связанная с отрицанием значимости образования, тенденция прекращения и игнорирования обучения.

Литература

1. Библия. — М.: Рос. библ. общ-во, 1994.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991.
3. Карлухин Ю.П., Зинчук Е.Г. Корыстные преступления несовершеннолетних // Соц. исследования. — 1994. — № 8–9.

4. Психология. Словарь. — М.: Политиздат, 1990.

5. Этика практической психиатрии: руководство для врачей. — М.: Право и Закон, 1996.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ УИС В ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. С. Тронь

Аннотация: в статье рассматривается проблема психологических особенностей личности руководителя УИС. Представлены результаты приоритетности ценностных ориентаций руководителей уголовно-исполнительной системы, в том числе в зависимости от стажа работы в должности. Представленный материал, несомненно, будет интересен широкой аудитории: самим руководителям, специалистам, осуществляющим переподготовку кадров.

Ключевые слова: личность руководителя, ценностные ориентации, стратегический анализ, уровень задач, уровень средств.

The summary: the problem of psychological peculiarities of the personality of the leader of CCS is considered in the article. The results of the prioritization of valuable orientations of heads of criminal-ly-corrective system are presented, including the results depending on the work experience in a post. The presented material, undoubtedly, will be interesting to wide audience: to the heads, to the experts who are carrying out retraining of personnel.

Keywords: the person of the head, valuable orientations, the strategic analysis, level of problems, level of means.

Важнейшей характеристикой любого профессионала и неотъемлемой частью структуры профессиональной деятельности является система профессионально значимых качеств. В настоящее время практика требует исследования реального руководителя, особенностей его функционирования в процессе деятельности.

Остро стоит и вопрос аттестации руководящих кадров. Появляется потребность регулярно проводить аттестацию руководителей (особенно государственных служащих), а критерии аттестации — личностные качества руководителей — не разработаны и мало используются на практике. Все это еще раз подчеркивает необходимость изучения личности руководителя и его качеств на современном этапе.

Анализ современной литературы по данной проблеме показывает, что у зарубежных и отечественных авторов при-

существуют различия в подходах к определению личности руководителя. Анализ зарубежных концепций позволил сделать следующие выводы. Особенность зарубежных теорий заключается в том, что они явились первыми шагами в изучении личности руководителя, давшими возможность для дальнейшего развития науки в этом направлении. Однако подобные подходы не отражают в полной мере всех особенностей и закономерностей деятельности руководителя, которые необходимо учитывать при построении модели личности профессионала. Общая проблема классических теорий лидерства — недостаточный учет факторов, влияющих на личность руководителя в реальной ситуации [19, с. 25–31].

Теоретический анализ современной отечественной научной литературы позволил установить, что личность руководителя рассматривается в рамках коллекционного, конкурентного, парциального, инженерно-психологического, рефлексивно-ценностного, социально-психологического, ситуативно-комплексного, факторного, функционального, имиджевого, экономико-психологического, интегративного и акмеологического подходов. Каждый из подходов имеет свой предмет исследования. Отличия представленных теорий определяются взглядами авторов на структуру личности руководителя. Наметилась тенденция к поиску ядра структуры личности руководителя (рефлексивно-ценностный, интегративный и акмеологический подходы). В настоящее время как в отечественной, так и в зарубежной психологической науке, преобладает тенденция к объединению различных концепций в одну для более полного и всестороннего изучения лич-

ности руководителя [20, с. 124–131].

Теоретический анализ указывает на то, что личность руководителя должна изучаться с позиций интегративного подхода. Конкретная деятельность предъявляет, естественно, разные требования к свойствам личности руководителя. При этом преобладающее развитие получают те его качества, которые наиболее значимы в профессиональном отношении.

Ценностные ориентации, как известно, занимают значимую позицию в структуре личности руководителя. Целью нашего исследования являлось изучение профессиональных качеств и умений как психологических особенностей личности руководителя в его функциональной деятельности, а значит, и изучение его ценностных ориентаций.

Методы исследования: методика тест «Ценностные ориентации руководителя», методы математической статистики.

В исследовании приняли участие 150 респондентов (сотрудники уголовно-исполнительной системы).

Количественный состав выборки представлен следующим образом. Самой большой по численности группой (62,5 %) была группа, в которую вошли обследуемые в возрасте от 26 до 35 лет. Треть всей обследуемой выборки составили сотрудники в возрасте от 36 до 45 лет. Самой малой по численности стала группа сотрудников, возраст которых попадает в интервал от 46 до 55 лет. Сотрудников в возрасте старше 55 лет, занимающих руководящие посты, в нашей выборке не присутствовало.

Качественный анализ полученных результатов исследования показал следующее. Из трех блоков (стратегический

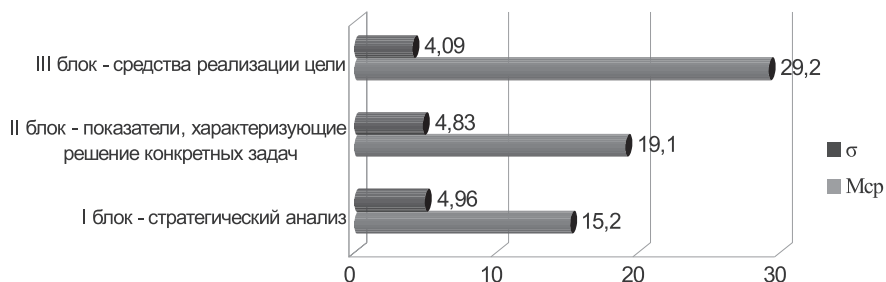

Рис. 1. Значения $M_{ср}$, σ , полученные при оценке ценностных ориентаций руководителей УИС

анализ, показатели, характеризующие решение конкретных задач, средства реализации цели), анализируемых в данной методике, для руководителей УИС в большей мере приоритетными являются второй и третий блоки, что свидетельствует об ориентации руководителей на достижение цели посредством постановки и решения многоплановых задач, а также об их преимущественной ориентации на используемые для достижения цели средства с применением широкого репертуара способов взаимодействия с исполнителями (рис. 1). Разброс показателей между первым, вторым и третьим блоками составляет более 3 баллов, что указывает на то, что для руководителей менее приоритетным оказался первый блок. Это может указывать о снижении направленности руководителей к аналитической деятельности в управлении.

Кроме того, из рисунка 1 видно, что наименьший разброс присутствует в распределении значений измеряемого признака, описываемого в третьем блоке (средства реализации цели), наибольший — в первом блоке (стратегический анализ). При этом обследуемые более единодушны в определении «значимости» именно третьего блока, а не первого. Расчет мер различия указывает на наличие статистически значимых различий в оценке приоритетности рассматриваемых блоков (табл. 1).

Таким образом, для руководителей УИС приоритетной является ориентация: в первую очередь — на формирование широкого репертуара способов взаимодействия с исполнителями, во вторую — на достижение цели, решение многоплановых задач и в последнюю — на аналитическую составляющую в управлении.

Таблица 1

Значения Т-критерия Стьюдента, полученные при расчете различий блоков ценностных ориентаций руководителей УИС

Сравниваемые блоки	Значение Т-критерия Стьюдента	Уровень значимости, %
Блок I – блок II	2,43	5
Блок II – блок III	6,78	0,1
Блок I – блок III	9,22	0,1

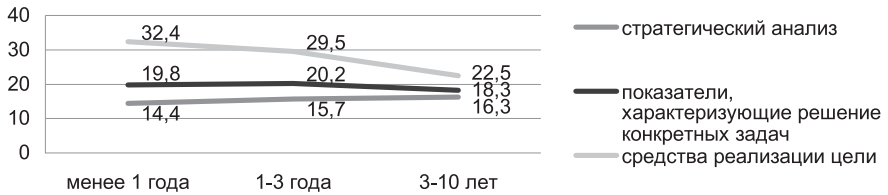

Рис. 2. Значения Mcr блоков ценностных ориентаций руководителями УИС в зависимости от стажа работы в должности

Анализ приоритетов ценностей у руководителей в зависимости от стажа работы в должности показал следующее (рис. 2).

Сразу отметим, что значимые различия выявлены при анализе средних значений третьего блока (средства реализации цели) у руководителей со стажем работы в должности до года и со стажем работы от 3 до 10 лет. Это свидетельствует о том, что ориентацию на формирование широкого репертуара способов взаимодействия с исполнителями более приоритетной считают чаще молодые руководители, чем руководители со стажем работы в должности от 3 до 10 лет.

Другие выявленные различия значимы на уровне статистической тенден-

ции. Однако использование первичной описательной статистики позволяет сделать ряд выводов. Ориентация на стратегический анализ в большей мере выражена у руководителей со стажем работы от 3 до 10 лет. Самые высокие показатели, характеризующие решение конкретных задач, присутствуют у руководителей со стажем работы от 1 до 3 лет. На средства реализации цели в большей мере ориентированы молодые руководители со стажем работы до года.

Мера выраженности каждого блока у респондентов конкретной стажной группы может свидетельствовать о приоритетности того или иного блока для опрошенных данной группы. Расчет мер различия рассматриваемых блоков ста-

Таблица 2
Значения Т-критерия Стьюдента, полученные при расчете различий блоков ценностных ориентаций руководителей УИС в зависимости от стажа работы в должности

	Стаж до 1 года		Стаж от 1 до 3 лет		Стаж от 3 до 10 лет	
	Значение Т-критерия Стьюдента	Уровень значимости	Значение Т-критерия Стьюдента	Уровень значимости	Значение Т-критерия Стьюдента	Уровень значимости
Блок I – блок II	2,44	5 %	1,71	–	0,47	–
Блок II – блок III	6,14	1 %	4,71	1 %	0,79	–
Блок I – блок III	9,52	1 %	5,59	1 %	1,19	–

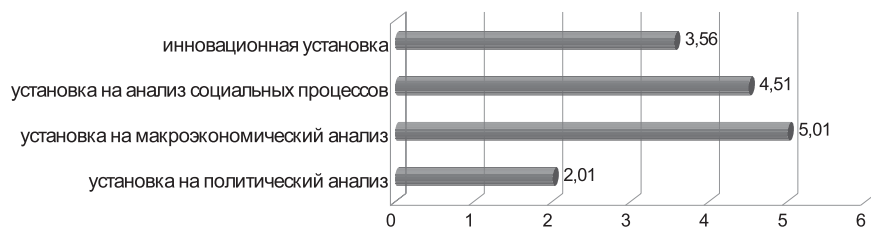

Рис. 3. Значения Мср составляющих первого блока ценностных ориентаций руководителей УИС

тистически доказывает это утверждение (табл. 2).

Вполне очевидно, что степень выраженности каждого блока ценностных ориентаций у руководителей со стажем работы до 1 года численно отличаются друг от друга. Для молодых руководителей приоритетной является ориентация: в первую очередь — на формирование широкого репертуара способов взаимодействия с исполнителями, во вторую — на достижение цели, решение многоплановых задач, в последнюю — ориентация на аналитическую составляющую в управлении. Данная тенденция характерна, как мы уже отмечали, в целом для всей выборки. Напротив, у руководителей со стажем работы от 3 до 10 лет различий в выраженности блоков не обнаружено. Это может означать, что все блоки ценностных ориентаций можно рассматривать, как приоритетные у руководителей указанной стажной группы. Для руководителей со стажем работы от 1 года до 3 лет приоритетной является ориентация: в первую очередь — на достижение цели, решение многоплановых задач, во вторую — на формирование широкого репертуара способов взаимодействия с исполнителями и на аналитическую составляющую в управлении.

Обратимся к содержательному анализу блоков ценностных ориентаций руководителей УИС. Первый блок состоит из следующих составляющих: установка на политический анализ, установка на макроэкономический анализ, установка на анализ социальных процессов, инновационная установка. Средние значения составляющих первого блока представлены на рисунке 3. Все полученные значения находятся в интервале от 2 до 5, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что рассматриваемые установки принимают либо слабо выраженные, либо очень слабо выраженные оценки.

У испытуемых всех стажных групп в меньшей мере относительно других установок выражена установка на политический анализ. Очень слабо выражена данная установка у руководителей со стажем работы от 3 до 10 лет и у молодых руководителей со стажем работы в должности до 1 года. Инновационные установки руководителей УИС всех стажных групп сформированы слабо.

Установка на анализ социальных процессов хотя и выражена у руководителей слабо, однако несколько превышает уровень сформированности инновационных установок. Наибольшую выраженность среди всех составляющих первого блока имеет установка на

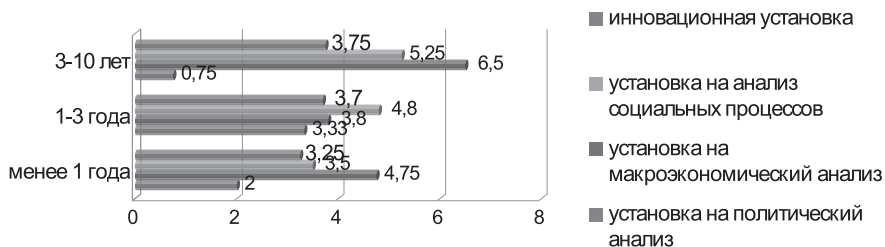

Рис. 4. Значения Мср составляющих первого блока ценностных ориентаций руководителей УИС в группах с разным стажем работы в должности

макроэкономический анализ. В большей мере эта установка выражена у руководителей со стажем работы в должности от 3 до 10 лет (средний уровень).

Второй блок, характеризующий направленность на решение задач, включает в себя следующие составляющие: установка на креативность, установка на оперативность, установка на эффективность в управленческом взаимодействии, установка на инструментальные отношения к правовым нормам. Представленный ниже рисунок демонстрирует интервал, в который вошли полученные значения от 1,56 до 7,68. Таким образом, можно говорить о значительной дифференциации рангового ряда (рис. 5).

Среди ценностных ориентаций второго блока наиболее приоритетными являются установка на эффективность в управленческом взаимодействии (сред-

ний уровень) и установка на креативность (слабый уровень выраженности).

Анализ составляющих второго блока ценностных ориентаций в зависимости от стажа работы в должности представлен на рисунке 6.

В большей мере установка на эффективность в управленческом взаимодействии выражена у руководителей со стажем работы в должности от 1 года до 3 лет (рис. 6). Наиболее приоритетной для руководителей со стажем работы до 1 года является установка на креативность. С увеличением стажа работы в должности эта установка на оперативность становится более приоритетной. Ценностное отношение к деятельности, осуществляемой в рамках существующих норм и нормативов, также становится более приоритетным с увеличением стажа работы в должности. В блоке ценностных ориентаций руководителей,

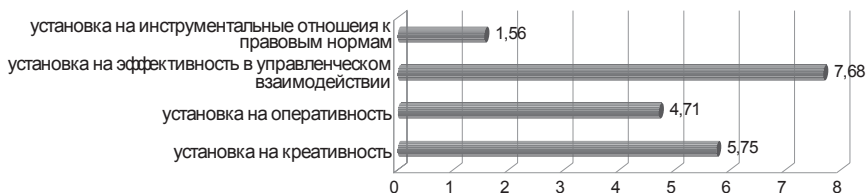

Рис. 5. Значения Мср составляющих второго блока ценностных ориентаций руководителей УИС

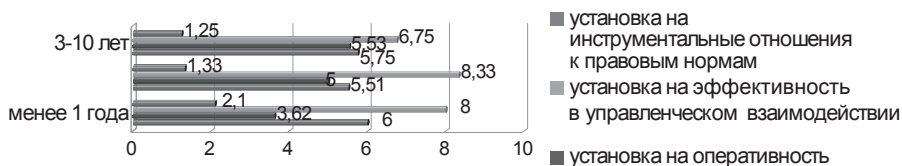

Рис. 6. Значения Мср составляющих второго блока ценностных ориентаций руководителей УИС в группах с разным стажем работы в должности

описывающем направленность на средства реализации цели и содержащем в себе: установку на административно-распорядительные методы, установку на правовые нормы, установку на социально-психологические методы, установку на методы неформальной организации, наиболее приоритетной является установка на социально-психологические методы (высокие и средние значения).

Второй по степени приоритетности стала установка на правовые нормы (средняя выраженность). Установка на административно-распорядительные методы занимает следующее место. Последнее место занимает установка на методы неформальной организации.

В большей мере ориентированы на социально-психологические методы руководители со стажем работы в должности от 3 до 10 лет (рис. 7). С увеличением стажа работы в должности установка на правовые нормы становится более приоритетной для руководителей. Направленность на использование административно-распорядительных методов приоритетна в первую очередь для молодых руководителей. Установка на методы неформальной организации также в большей мере характерна для молодых руководителей. С увеличением стажа

работы в должности показатели выраженности этой установки снижаются.

В целом наиболее выраженными установками для руководителей УИС являются установка на социально-психологические методы (III блок), установка на правовые нормы (III блок), установка на эффективность в управленческом взаимодействии (II блок), установка на методы неформальной организации (III блок), установка на административно-распорядительные методы (III блок). *Следовательно, можно говорить о попадании на одно приоритетное место шкал, относящихся к различным блокам, что подтверждает предположение о возможности системной реализации этих установок в управленческой практике, а именно что у руководителей со стажем работы в должности от 3 до 10 лет присутствует системная реализация установок в управленческой деятельности. У руководителей двух других стажных групп приоритетные шкалы относятся к двум блокам.*

Проведенное ранжирование позволило выявить и ряд других моментов. Качественные характеристики некоторых установок меняются с увеличением стажа работы в должности, в частности, с увеличением стажа работы в должности инновационная установка и установка на анализ социальных процессов становятся более выраженными. Подобная

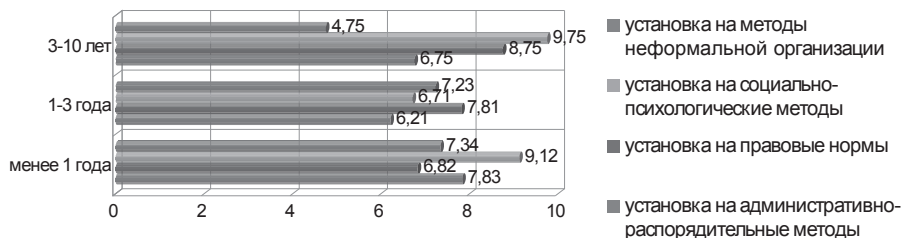

Рис. 7. Значения Мср составляющих третьего блока ценностных ориентаций руководителей УИС в группах с разным стажем работы в должности

ситуация складывается и установкой на инструментальные отношения к правовым нормам. Качественные изменения просматриваются в том, что с увеличением стажа работы в должности уменьшается выраженность этой установки. *Иными словами, с увеличением стажа работы в должности усиливается ценностное отношение к деятельности, осуществляемой в рамках существующих норм и нормативов.*

Количественный и качественный анализ результатов исследования позволил сделать следующие выводы.

С увеличением стажа работы в занимаемой должности приоритетность ценностных ориентаций несколько меняется. Для руководителей с большим стажем работы в должности все блоки ценностных ориентаций одинаково значимы, также увеличивается ценностное отношение к профессиональной деятельности.

Для руководителей УИС приоритетной является ориентация: в первую очередь — на формирование широкого репертуара способов взаимодействия с исполнителями, во вторую — на достижение цели, решение многоплановых задач и в последнюю — ориентация на аналитическую составляющую в управлении.

Полученные данные позволяют определить круг проблем, которые требуют разрешения, а также указывают направление работы по повышению управленческого уровня руководителей и могут быть использованы для разработки научно-практических рекомендаций и программ по оптимизации потенциала кадров управления УИС.

Литература

1. Агалов В.С. Я-концепция в структуре управленческой деятельности руководителя. — М., 1999. — 230 с.
2. Генов Ф. О законах психики // Психол. журн. — 1984. — Т. 5. — № 1. — С. 99–102.
3. Емельянов Ю.Н. Социально-психологическое исследование организаторского потенциала руководителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Л., 1975. — 19 с.
4. Ерина С.И., Кузьмин Е.С. Изучение руководителя на производстве: (Опыт исследования ролевого конфликта в деятельности руководителя первичного производственного коллектива). — Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1984. — 67 с.
5. Китов А.И. Опыт построения психологической теории управления // Психол. журн. — 1981. — № 4. — С. 21–32.
6. Китов А.И. Экономическая психология. — М.: Экономика, 1987. — 303 с.
7. Климов Е.А. Психология профессионала. — М.; Воронеж: Ин-т практ. психологии; МОДЭК, 1996. — 400 с.
8. Ковалев А.Г. Психология личности. — М.: Просвещение, 1970. — 391 с.
9. Кричевский Р.Л. Если Вы — руководитель... Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. — М.: Дело, 1996. — 381 с.

10. Кудряшова Л.Д. Системно-психологическая оценка кадров руководителей и управленческих систем. — Кишинев: Штиинца, 1983. — 159 с.

11. Ломов Б.Ф. Человек в системах управления. — М.: Знание, 1967. — 48 с.

12. Ломов Б.Ф., Журавлев А.Л. Психология и управление. — М.: Знание, 1978. — 64 с.

13. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. — М.: Наука, 1980. — 279 с.

14. Малиновский А.В. Социально-психологические условия и факторы оптимизации профессиональной деятельности лидера детского объединения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1992. — 34 с.

15. Маркова А.К. Психология профессионализма. — М., 1996. — 308 с.

16. Молл Е.Г. Психологические особенности оперативной управленческой деятельности: дис. ... канд. психол. наук. — Л., 1982. — 198 с.

17. Молл Е.Г. Психология управленческой карьеры: дис. ... д-ра психол. наук. — СПб., 1994. — 486 с.

18. Скворцов В.В. Влияние управленческой концепции руководителя на организацию исполнительской деятельности подчиненных: дис. ... канд. психол. наук. — М., 1987. — 171 с.

19. Тронь О.С. К проблеме личности руководителя в зарубежной психологии // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. — 2008. — № 81. — С. 25–31.

20. Тронь О.С. К проблеме личностных качеств руководителя в отечественных исследованиях // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. — 2008. — № 1. — С. 124–131.

ТИПЫ АДАПТИРОВАННОСТИ КУРСАНТОВ К УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМУ ПРОЦЕССУ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

П. Ю. Аксенова

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблемы адаптации курсантов вузов ФСИН России. В ней определены уровни адаптированности курсантов к учебно-воспитательному процессу вуза, приведена типология курсантов на основе выделенных уровней.

Ключевые слова: адаптационные возможности, адаптивные качества личности, адаптированность, типы адаптированности.

The summary: the article is devoted to the problem of adjustment of cadets of higher educational establishments of the Federal Penal Service of the Russian Federation. The article determines the levels of cadets' adjustment to the educational process, points out and describes the typology of cadets on the basis of the levels determined.

Keywords: abilities of adjustment, adaptive personal traits, adjustment, types of cadets' adjustment.

Для успешной профессиональной адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы, являющейся необходимым условием эффективного выполнения ими служебных обязанностей, важнейшее значение имеет формирование и развитие у них адаптивных качеств личности, приобретение успешного адаптационного опыта, в том числе на этапе вузовского обучения.

С целью определения уровней адаптированности курсантов к учебно-воспитательному процессу вуза и выделения типологии курсантов на основе этих уровней нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 272 курсанта вузов ФСИН России (Вологда, Псков, Рязань). Для достижения поставленной цели использовались следующие методики: авторская анкета, направленная на определение структурных компонентов адаптации курсантов вузов ФСИН

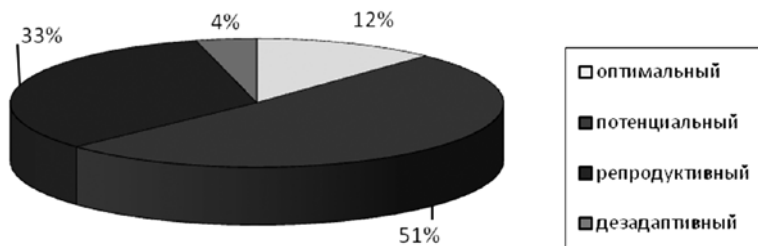

Рис. 1. Распределение типов (уровней адаптированности курсантов вузов ФСИН России к учебно-воспитательному процессу) во всей выборке испытуемых

России к учебно-воспитательному процессу; многофакторный опросник личности Р.Б. Кэттелла [4; с. 97–116]; методика «Самоактуализация личности» А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калинина [5; с. 426–433]; методика «Диагностика социальной эмпатии» [5; с. 21–23]; методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи», предложенная А.А. Реаном [5; с. 102–103]; методика «Потребность в достижении», разработанная Ю.М. Орловым [1; с. 414–415]; методика «Коммуникативные и организаторские склонности», разработанная Б.А. Федоршиным и В.Н. Синявским [2; с. 581–583]; многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным [3; с. 347–354].

Полученные данные были подвергнуты обработке методами математической статистики (критерий χ^2 Пирсона, Фридмана, Манна-Уитни, Вилкоксона, кластерный анализ). В результате были выделены 4 кластера, которые позволили определить уровни адаптированности курсантов ФСИН России к учебно-воспитательному процессу вуза и выделить типологию курсантов на основе этих уровней:

- 1) оптимальный тип (курсанты с высоким уровнем адаптированности);
- 2) потенциальный тип (курсанты со средним уровнем адаптированности);
- 3) репродуктивный тип (курсанты с низким уровнем адаптированности);
- 4) дезадаптивный тип (курсанты с отрицательным уровнем адаптированности).

В выборке выделенные типы распределились следующим образом (рис. 1):

Оптимальный тип — 12% от всей выборки. Курсанты оптимального типа проявляют положительное отношение к системе обучения в ведомственном вузе, уровень успеваемости высокий по всем дисциплинам («отлично» и «хорошо»). Для них характерно владение методами самостоятельной работы, ярко выраженная инициативность в обучении, активное участие в учебно-служебной и научно-исследовательской деятельности. Они более склонны к экспериментированию, высоко эрудированны и интеллектуально активны. У адаптантов, принадлежащих к оптимальному типу, наблюдается абстрактность и аналитичность мышления, быстрая обучаемость, высокий творческий потенциал и творческое воображение. Для них характер-

на хорошо осознаваемая позитивная «Я-концепция», служащая источником устойчивой адекватной самооценки, и реалистичная оценка своих адаптационных возможностей.

Курсанты этой группы характеризуются устойчивым состоянием эмоционального комфорта как в учебной деятельности, так и при выполнении служебных обязанностей; толерантностью к фрустрирующему воздействию адаптогенных факторов; настойчивостью в достижении цели и преодолении адаптационных трудностей. Такие курсанты имеют высокий уровень развития эмпатии и самоконтроля; осознанно соблюдают установленные нормы и правила поведения в новой для них среде адаптации.

Курсанты с высоким уровнем адаптированности к учебно-воспитательному процессу вуза ФСИН России обладают мотивацией на успех в учебно-служебной деятельности; большой настойчивостью в достижении цели; стремлением к самосовершенствованию, самопознанию и саморазвитию; учебному и служебно-профессиональному росту.

Для них присущ высокий уровень общественной активности; полная удовлетворенность сложившимися как личными (в коллективе курсантов), так и служебными взаимоотношениями (с командирами, курсовыми офицерами, преподавателями). В общении они искренны и энергичны; динамичны в установлении социально значимых контактов; уверены в себе и своих силах; адекватно воспринимают критику в свой адрес. Они быстро и легко адаптируются к новой для них социальной роли — «курсант», кругу и специфическому содержанию общения (в частности, взаимоотношения с

вышестоящими офицерами строятся на принципах субординации и единоначалия); гармонично усваивают традиции и нормы, сложившиеся в вузе. Адаптанты этой группы быстро ориентируются в трудных и незнакомых для них ситуациях; инициативны, предпочитают в сложной ситуации принимать самостоятельные решения, отстаивать свое мнение и добиваться, чтобы оно было принято окружающими.

Курсанты, относящиеся к оптимальному типу, легко и быстро адаптируются к новым условиям деятельности; способны совмещать учебную деятельность (лекционные и семинарские занятия, участие в конференциях, круглых столах, олимпиадах и др.) с выполнением служебных обязанностей (наряды, строевые и пр.), вырабатывая оптимальные стратегии поведения и корректируя их в зависимости от сложности и интенсивности воздействия на них адаптогенных факторов; при этом поведение адаптантов нацелено не на простое приспособление, а на гармоничное развитие собственной личности.

Потенциальный тип — 51 % от всей выборки. Курсанты потенциального типа в целом проявляют положительное отношение к системе обучения в специализированном вузе; достаточно высокий уровень успеваемости (в основном на «хорошо», возможны также оценки «отлично» и «удовлетворительно»); средний уровень сформированности умений учебно-познавательной деятельности; достаточно развитое владение методами самостоятельной работы. Они активно участвуют в учебно-служебной и научно-исследовательской деятельности, но преимущественно под внешним контролем со стороны курсовых офице-

ров, преподавателей и др. Для них характерен средний уровень эрудиции и обучаемости; уровень интеллектуальной активности нестабилен. Курсанты этого типа имеют средний уровень развития креативности. В проблемных ситуациях иногда склонны к недооценке или переоценке своих адаптационных возможностей или подмене своих представлений мнением социального окружения.

Адаптанты этой группы характеризуются достаточно устойчивым состоянием эмоционального комфорта как при выполнении учебных заданий, так и при исполнении служебных обязанностей. Они выдержаны и работоспособны, но при повышенных нагрузках им свойственно нервное утомление; при сильном воздействии адаптогенных факторов деструктивного характера начинают испытывать трудности; характеризуются преобладанием реалистического настроения в различных жизненных ситуациях; достаточно легко выполняют предъявляемые социальные требования, при этом иногда испытывают внутренние конфликты в связи с несогласием с ними или их неприятием. Курсанты, относящиеся к потенциальному типу, имеют средний уровень самоконтроля; достаточно настойчивы в достижении цели (если, по их мнению, конечный результат будет для них полезен, а сам процесс будет сопровождаться только позитивными эмоциями, и не будет требовать гиперусилий).

Они обладают средним уровнем эмпатийности и эмоциональной отзывчивости на переживания других. Такие адаптанты стараются оказать помощь и поддержку своим сокурсникам, когда, по их мнению, те действительно нуждаются в ней.

Мотивация курсантов со средним уровнем адаптированности к вузовскому обучению ближе к стремлению к успеху как в учебной, так и в служебной деятельности. Они имеют реалистический уровень притязаний и средний уровень потребности в достижении успеха; адекватно оценивают себя и своих способности; достаточно решительны в преодолении адаптационных трудностей, однако не всегда при этом инициативны; мотивация на саморазвитие и самосовершенствование у них не полностью сформирована.

Курсанты потенциального типа отличаются средним уровнем общественной активности в учебной и служебной деятельности; достаточно удовлетворены сложившимися в коллективе отношениями (при некоторых проблемах во взаимодействии с командирами, курсовыми офицерами, преподавателями). Адаптанты этого типа достаточно общительны; готовы к сотрудничеству, но при этом сами не всегда проявляют инициативу при установлении контактов; в конфликтных ситуациях иногда принимают позицию «выжидания». Они умеренно спокойны и уверены в себе и своих силах; адекватно воспринимают критику в свой адрес, однако могут впасть в депрессивное состояние в результате чрезмерной или, как им кажется, субъективной критики их личностных особенностей или деятельности; усваивают традиции и нормы, сложившиеся в вузе (иногда при этом внутренне их не вполне осознавая или принимая). Достаточно часто, играя роль организатора и активного участника деятельности, адаптант руководствуется не внутренними устремлениями, а получением возможной вы-

годы в результате осуществления этой функции.

Для адаптации к новым условиям деятельности курсантам этого типа необходимо прилагать достаточные усилия. При этом они испытывают некоторые трудности при функционировании в одном из видов деятельности (учебной или служебной) при легкости овладения другой. В целом они осознают необходимость адаптации к вузовскому обучению для своей дальнейшей эффективной саморегуляции.

Репродуктивный тип — **33 %** от всей выборки. Для курсантов, принадлежащих к репродуктивному типу, характерно неопределенное отношение к системе обучения в ведомственном вузе, зависящее от конкретных условий: учатся в основном на «удовлетворительно». Имеют низкий уровень сформированности умений учебно-познавательной деятельности; низкую активность в учебно-служебной и научно-исследовательской деятельности; освоение методов и приемов самостоятельной работы носит формальный характер и слабо выражено. Уровень эрудиции и вербальной культуры у таких курсантов ниже среднего; уровень интеллектуальной активности низкий, имеют неактуализированную потребность в познании; уровень обучаемости средний с тенденцией к его снижению (при отсутствии стимулирования со стороны преподавателей).

Курсанты с низким уровнем адаптированности к учебно-воспитательному процессу вуза с трудом воспринимают все новое; имеют достаточно низкую степень развития воображения. У таких курсантов слабо выражена рефлексивная позиция по отношению к себе, своим качествам, индивидуально-

психологическим особенностям, адаптационным возможностям и своей роли в коллективе.

Они характеризуются нестабильностью состояния эмоционального комфорта и в учебной и в служебной деятельности; недостаточно выдержаны и работоспособны. Уровень толерантности по отношению к фрустрирующему воздействию адаптогенных факторов ниже среднего, что приводит к достаточно частому возникновению у них депрессивных состояний. Учащиеся, относящиеся к этой группе, характеризуются преобладанием пессимистического настроя в различных жизненных ситуациях; достаточно низким уровнем развития эмпатии и эмоциональной отзывчивости; они недостаточно настойчивы в достижении цели и преодолении адаптационных трудностей, проявляют активность только при легкости достижения конечного результата деятельности и приложения минимума энергетических затрат; уровень самоконтроля ниже среднего.

Мотивация адаптантов этой группы ближе к избеганию неудач как в учебной, так и в служебной деятельности. У испытуемых репродуктивного типа присутствует понимание своих возможностей, но при этом часто отсутствует инициатива для достижения поставленных целей; стремление к познанию нового в учебной и служебной деятельности незначительно; мотивация на саморазвитие и самосовершенствование находится на низком уровне.

Курсанты, относящиеся к репродуктивному типу, отличаются низким уровнем общественной активности; удовлетворенность своим положением в группе носит непостоянный, слабо выраженный

характер. Они формально общительны; активность в установлении социально значимых контактов проявляют только по необходимости, в остальное время занимают пассивную позицию; в устранении конфликтов и решении проблемных ситуаций также пассивны. Учащиеся репродуктивного типа характеризуются недостаточной уверенностью в себе и своих силах; часто склонны принимать решения, следуя общественному мнению. Они характеризуются включенностью в деятельность группы чаще как исполнители, чем организаторы, при этом как исполнители разовых поручений.

Для адаптации к новым условиям деятельности (обучение в специализированном вузе) им необходимо прилагать значительные усилия. Такие курсанты испытывают трудности и в учебной деятельности, и при выполнении служебных обязанностей, но в одном случае они носят эпизодический характер, а в другом — систематический. В целом такие учащиеся осознают необходимость адаптации к вузовскому обучению, но при этом у них отсутствует инициатива в ее достижении.

Деадаптивный тип — 4 % от всей выборки. Курсанты деадаптивного типа характеризуются безразличным или негативным отношением к системе обучения в специализированном вузе; учатся на «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Они имеют самый низкий уровень сформированности умений учебно-познавательной деятельности; не владеют методами и приемами самостоятельной работы; активность в учебно-служебной и научно-исследовательской деятельности у них отсутствует. Адаптанты этого типа имеют низкую потребность в познании и

низкий уровень эрудиции и культуры; интеллектуально пассивны; склонны к конкретности и ригидности мышления. Они тяжело переживают любые нововведения и изменения в окружающей действительности; консервативны; не осуществляют рефлексии по отношению к себе, своим качествам, индивидуально-психологическим особенностям, адаптационным возможностям и своей роли в группе курсантов.

Курсанты с отрицательным уровнем адаптированности к учебно-воспитательному процессу вуза отличаются состоянием эмоционального дискомфорта при выполнении учебных заданий и исполнении служебных обязанностей; негативным эмоционально-психологическим отношением к специфическим особенностям учебно-служебной деятельности специализированного вуза. Они характеризуются низким уровнем толерантности по отношению к фрустрирующему воздействию адаптогенных факторов; повышенной утомляемостью даже при незначительных нагрузках; беспринципностью, неорганизованностью и безответственностью; гибкими установками по отношению к социальным нормам; низким уровнем развития эмпатии и эмоциональной отзывчивости; эмоциональные проявления в поступках социального окружения часто кажутся им непонятными и лишены смысла.

Для курсантов деадаптивного типа характерна мотивация на неудачу при выполнении любой деятельности. Реальным мотивом их учебной и служебно-профессиональной деятельности выступает стремление избежать личной ответственности и отрицательной оценки со стороны курсантов, офицеров, на-

чальства, родителей и др. Для них характерна недооценка собственных возможностей при достижении поставленных целей, отсутствие инициативы и находчивости при решении поставленных задач и преодолении адаптационных трудностей. Мотивация на саморазвитие и самосовершенствование у этих испытуемых практически не развита; отсутствует стремление к учебному и служебно-профессиональному росту.

Курсанты дезадаптивного типа характеризуются пассивностью в учебной и служебной деятельности; безразличием или крайней степенью неудовлетворенности своим положением в группе. Они устанавливают чисто формальные межличностные отношения, практически не имеют близких друзей; замкнуты; скептически настроены по отношению к окружающим; не проявляют активности в установлении социально значимых контактов, поскольку любят быть в одиночестве. Учащиеся, принадлежащие к этой группе, характеризуются тревожностью и неуверенностью в себе; при принятии решений следуют за общественным мнением и ориентируются на социальное одобрение; у них полностью отсутствует инициатива в принятии решений. Они отличаются безразличным или демонстративно негативным отношением к принятию традиций и норм, сложившихся в вузе; практически всегда уклоняются от выполнения служебных обязанностей.

Адаптанты с отрицательным уровнем адаптированности к вузовскому обучению имеют низкий уровень адаптационных возможностей; испытывают серьезные трудности в адаптации как к учебной, так и служебной деятельности, при этом подобные трудности носят постоянный характер. При решении проблемных ситуаций и преодолении трудностей адаптационного характера они выбирают стратегию «ухода от проблемы» или «отрицания», которые, в свою очередь, приводят к формированию лжеадаптации курсантов и регрессивным проявлениям в развитии личности. В целом такие курсанты полагают, что не надо прилагать никаких усилий для того, чтобы успешно адаптироваться к обучению в вузе; они считают, что «все произойдет само собой».

Литература

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2004. — 509 с.
2. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. — Самара: Бахрам-М, 2000. — 672 с.
3. Рабочая книга практического психолога: пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А.А. Бодалева, А.А. Деркача, Л.Г. Лаптева. — М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2003. — 640 с.
4. Сонин В.А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности (для студентов, школьных психологов, учителей-предметников, классных руководителей). — СПб.: Речь, 2004. — 408 с.
5. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2005. — 490 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ РЕЦИДИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Е. А. Дядченко

Аннотация: важным аспектом формирования несовершеннолетних осужденных без лишения свободы готовности к правомерному решению жизненных проблем будет являться разработка технологии психологического прогноза совершения ими повторных преступлений. В статье рассматривается комплекс личностных и ситуативных детерминант противоправного поведения несовершеннолетних осужденных без лишения свободы, выступающих как субъективная основа совершения повторного противоправного деяния. Представлена технология психологического прогноза рецидивных преступлений несовершеннолетними осужденными к альтернативным мерам наказания.

Ключевые слова: несовершеннолетние, противоправное поведение, психологический прогноз.

The summary: the important aspect in the formation of juvenile offenders in prison without the willingness to legitimate address the problems of life will be the development of psychological projection technology they commit repeated crimes. This article discusses the complex personal and situational determinants of wrongful conduct juvenile offenders without imprisonment, to serve as the basis of subjective re-commit a wrongful act. The technology of psychological prediction of recurrent crimes by juveniles sentenced to alternative punishments.

Keywords: minor and unlawful behavior, psychological outlook.

Современная уголовная политика нашего государства в отношении несовершеннолетних правонарушителей направлена на смягчение уголовной ответственности данной категории граждан за преступления небольшой и средней тяжести. Прежде всего это проявляется в расширении сферы применения к ним наказаний, не связанных с лишением свободы, и круга оснований их применения, а также совершенствовании регламентации исполнения.

Однако мера наказания, которая призвана уберечь осужденных, совершивших относительно не опасные для общества преступления, от влияния тюремной субкультуры и сохранить непосредственную связь с родственниками, социальными институтами, приводит к тому, что данные лица по-прежнему остаются «безнадзорными», сохраняют свои криминальные установки, а со временем вновь совершают преступления, как правило, более тяжкие [1, с. 8].

Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных без лишения свободы становится одной из глобальных проблем. Поведение таких подростков требует особого внимания, так как, проходя через стадии предварительного расследования и суда, многие из них быстро «заражаются» криминальной романтикой и в уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) приходят уже с завышенной самооценкой и чувством гордости за содеянное [11, с. 12].

Анализ статистических данных показал, что в 2007 г. по учетам УИИ прошло около 80 тыс. несовершеннолетних, а по состоянию на 1 января 2008 г. на учете инспекций состояли уже 32 666 несовершеннолетних, причем из них осуждены условно с испытательным сроком — 30 645 человек. Следует отметить, что 17 % несовершеннолетних от общего количества состоящих на учете ранее уже привлекались к уголовной ответственности.

Среди несовершеннолетних осужденных без лишения свободы около 10% составляют девочки, из них около 45% не достигли даже 16-летнего возраста и столько же не заняты трудом и учебой. Не имеют родителей (опекунов, попечителей) 3% подростков, 11% проживают в семьях, находящихся в социально опасном положении, где родители или законные представители не исполняют своих обязанностей, отрицательно влияют на их поведение [15].

Криминальный рецидив при условном осуждении в течение 2 лет после испытательного срока составляет 32% и вплотную приближается к уровню рецидива среди освободившихся из мест лишения свободы [1, с. 8].

Все это свидетельствует о повышенной социальной опасности повторных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, необходимости изучения связанных с ними проблем и разработки мер по их предупреждению.

В связи с этим актуализируется проблема психологического прогноза рецидивных преступлений несовершеннолетних осужденных без лишения свободы.

Признавая отсутствие специальных исследований по психологическому прогнозу рецидивной преступности несо-

вершеннолетних осужденных к альтернативным мерам наказания в пенитенциарной психологии, отметим, что некоторые аспекты указанной проблемы все же были рассмотрены в рамках юридической психологии.

Наиболее успешно исследования по данной проблеме проводились в криминальной (Ю.М. Антонян, А.Н. Пастушеня, Е.Г. Самовичев) и пенитенциарной (А.П. Иващенко, Е.Н. Казакова, В.Ф. Пирожков) психологии, где показана возможность и целесообразность прогнозирования лиц, склонных к совершению преступлений, и осужденных в условиях исправительного учреждения и после освобождения [4].

Первые пенитенциарно-психологические исследования по вопросам прогнозирования были проведены еще в 1920-х годах (М.Н. Гернет, Ю.Ю. Бехтерев), а возобновлены лишь в 1970-х годах (А.С. Михлин).

Успех прогнозирования поведения отбывших уголовное наказание ученые (А.С. Михлин, В.Ф. Пирожков, Н.И. Соколов, А.С. Севрюгин и др.) связывают с тремя группами факторов: личность самого осужденного; условия жизни после освобождения; условия, в которых находился осужденный в исправительном учреждении, его статус в неформальной стратификации заключенных, степень сформированности у него «тюремного синдрома» [28, с. 15–32].

Прогноз поведения освобожденных из исправительных учреждений показывает, что вероятность неправомерного поведения у впервые осужденных выше, чем у судимых во второй и более раз (Г.М. Миньковский, А.Р. Ратинов, А.М. Яковлев, К.Е. Игошев, Ю.М. Антонян и др.). Последняя категория лиц либо

не отказывались от преступных намерений, либо их поведение будет зависеть от сложившейся ситуации.

Такая зависимость во многом, как уже подчеркивалось, определяется семейным отношением, трудовым стажем, сроком наказания, отношением к преступлению и наказанию, степенью ресоциализации и др. [3, 11, 28].

За последние два десятилетия накоплен целый массив результатов исследований зарубежных авторов, которые бросают вызов пессимистическому мнению о том, что «ничего не работает с правонарушителями». Новые исследования, преимущественно североамериканские, представляют нам все больше свидетельств того, что уровень повторных судимостей может быть снижен, если повлиять на факторы, от которых зависит риск противоправного поведения правонарушителя в будущем.

По словам Макгвайра (McGuire, 1996), эти факторы, часто описываемые как «криминогенные», могут быть социальными и личными, и на них должна быть направлена интервенция. Эндриус (Andrews, 1996) определил криминогенный фактор как любую сферу, в которой правонарушитель имеет в настоящее время потребность или дефицит, и в которой сокращение этой потребности или дефицита приведет к сокращению риска повторного правонарушения. Надежным способом отделить криминогенные факторы от других характеристик правонарушителя является оценка предсказательной силы различных характеристик в отношении повторного правонарушения. Криминогенные факторы — это те, которые предсказывают повторное правонарушение [26].

Так, Кларк (Clark, 1993) и др. суммируют данные по клиническому прогнозированию риска, основанному на выводах профессионалов. Блекборн (Blackborn, 1984) объясняет, что при клиническом заключении много источников ошибок, в том числе личные факторы, связанные с сотрудником и правонарушителем, которые, как он полагает, создают «воображаемые корреляции», непреднамеренно делающие заключение предубежденным.

В других определяющих исследовательских обзорах, Холи и Палмер (1994, Hollin и Palmer), Гендро и Коггин (1996, Gendreau и Coggin), подводятся итоги исследования, использующего социальные динамические факторы для предсказания повторных правонарушений. В обоих обзорах авторы приходят к выводу, что социальные динамические факторы способны прогнозировать повторные правонарушения [26].

Постоянно занимаются изучением осужденных в пенитенциарных учреждениях сотрудники ФБР (США) путем продолжительных бесед с ними. Они считают, что информация, полученная таким образом, поможет лучше понять мотивы и поведение преступников разного типа и, возможно, предотвратить подобные преступления в будущем [28].

Как мы видим, большинство исследований отечественных и зарубежных авторов по данной проблеме были проведены в основном в рамках какого-то одного подхода к изучению личности преступника и не учитывали совокупность личностных и ситуативных детерминант противоправного поведения правонарушителя при разработке оценки риска совершения им повторного противоправного деяния.

Исследования психологических особенностей личности преступника рецидивиста дают возможность полагать наличие у них субъективной причины преступного поведения, которая объективно существует и социально обусловлена [13, с. 152–155].

Все мнения в конечном счете сводятся к одному: в ходе прогнозирования необходимо изучить личность по принципу: что хочет личность, что есть личность, что может личность?! Изучение личности, проведенное в трех направлениях, позволяет дать всестороннюю оценку поведения конкретного лица и наметить программу воздействия. Речь в этом случае идет о криминально-психологическом, социальном и психологическом изучении личности [11].

Сущность психологического прогноза рецидивных преступлений несовершеннолетних осужденных без лишения свободы может быть представлена как выявление личностных и ситуативных детерминант, выступающих в качестве субъектной основы совершения повторного противоправного деяния.

При проведении исследования использовались следующие методы: наблюдение, анализ личных дел, беседа, тестирование. В качестве психодиагностического инструментария выступили: индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик [28], патохарактерологический диагностический опросник А.Е. Личко, тест-опросник Шмишека [22], NEO FFI (адаптация М.В. Бодунова и С.Д. Бирюкова) [23], тест LSI Плутчика [29, с. 269] для исследования психологических защит, методика оценки социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация Т.В. Снегиревой) [7], мето-

дика Ш. Шварца [9, с. 271] для определения типа мотивационных целей личности, методика «Ценностные ориентации М. Рокича» [22], тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева [14].

Количественная и качественная оценка полученных экспериментальных данных обрабатывалась с помощью методов математической статистики (корреляционный, кластерный, факторный анализ; бинарная логистическая регрессия и др.) с использованием пакетов Excel, Statistika 6.0 и SPSS 16.0.

В исследовании приняли участие 356 несовершеннолетних осужденных (мальчиков) без лишения свободы, из них: 1) несовершеннолетние осужденные (169 человек), впервые отбывающие условное наказание в УИИ и не совершившие ни одного противоправного деяния за весь период отбывания наказания (1 группа); 2) несовершеннолетние осужденные без лишения свободы (187 человек), имеющие две и более условные судимости и совершившие повторное противоправное деяние во время отбывания условного наказания (2 группа).

Сравнительный анализ значимых различий демографических особенностей личности несовершеннолетних осужденных без лишения свободы показал, что возраст основной части респондентов первой и второй группы — 17 лет (55 и 48 % соответственно). Для 45 % несовершеннолетних осужденных первой группы и 28 % второй группы возраст составляет 16 лет. Среди несовершеннолетних второй группы наблюдаются также лица в возрасте 14–15 лет (24 %).

Известно, что на комплекс потребностей подростков влияют их возраст и

образование [9]. Так, для первой группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы характерно наличие полного среднего образования и продолжение своего обучения (91 %): в школах (34 %), профессиональных училищах (17 %), техникумах (40 %); для второй группы — наличие неполного среднего образования и отсутствие факта продолжения обучения в настоящее время. Причем значения по шкалам «образование матери», «образование отца» значительно ниже у второй группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы.

Сравнительный анализ возраста и образования у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы свидетельствует об отставании образования от возраста у второй группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы, что обуславливает ослабление у них потребности в знаниях.

В результате исследования установлено, что для несовершеннолетних осужденных без лишения свободы второй группы типична утрата интереса к учебе, что выражается: в низкой успеваемости (30 %), частых прогулах занятий (28 %), отставании в учебе (20 %). Показательны также значения по шкале «частые ссоры с одноклассниками», в подавляющем большинстве (85 %) характерные для второй группы респондентов.

В плане преступного поведения несовершеннолетних осужденных без лишения свободы наиболее существенны дефекты их правосознания, связанные не только и не столько с незнанием правовой нормы, сколько с недостаточной сформированностью нравственных качеств и убеждений. В целом о правосознании исследуемых несовершенно-

летних можно достаточно объективно судить по их отношению к исполнению правовых норм [6, с. 83; 9, с. 271].

К сожалению, многие из обследованных подростков совершали противоправные действия и до осуждения и подвергались за это различным мерам воздействия. Практически каждый несовершеннолетний осужденный без лишения свободы второй группы (92 %) из общего числа обследованных респондентов до осуждения состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Наиболее распространенная причина постановки их на учет — кража имущества (36 %). Среди подростков из первой группы также наблюдаются случаи постановки на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних, однако в основном за хулиганство (8 %), при этом их число значительно меньше (9 %) и.

Наряду с этими данными, весьма показательны значения по шкале «приводы в милицию до осуждения», в целом характерные для второй группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы (92 %), из них: 48 % — более трех раз, 26 — более двух раз и 18 % — один раз. У респондентов первой группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы преобладают однократные приводы в милицию (19 %).

Личность несовершеннолетнего преступника, его направленность нельзя рассматривать вне социальных связей. Лишь исследовав и охарактеризовав основные элементы общественной среды, воздействующие на личность подростка, мы сможем понять истоки мотивации повторных преступлений, определить, насколько степень нравственной деформации несовершеннолетних рецидивистов согласуется с их предшествую-

щей жизнью, условиями воспитания и т. д. [9, с. 271; 12, с. 430].

Известно, что одним из наиболее сильных факторов, стабильно влияющих на отрицательное нравственное формирование несовершеннолетних, выступают судимости их родителей и других членов семьи [3]. Результаты исследования показали, что у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы второй группы значения по шкале «наличие судимых родственников» значительно выше (46 %), чем у первой группы респондентов (17 %). Для значительной части респондентов второй группы (43 %) — это члены их семьи (отец — 28 %, брат — 15 %).

Кроме того, для большинства несовершеннолетних осужденных без лишения свободы второй группы (89 %) характерно наличие частых конфликтов между членами их семьи.

Одновременно с таким фактором, как семья, большое влияние на формирование преступного поведения несовершеннолетних оказывает психология группы с негативной ориентацией, что ведет к нарушению адаптации в учебном, трудовом, общественном, семейном коллективах, отчуждению от них и соответствующему изменению личностных характеристик, ориентаций, значимости получаемых подростком оценок его поведения и т. п. [2, с. 117–118; 14, с. 30–36].

Анализ значимых различий по шкале «состав преступления» показал, что для второй группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы характерно совершение преступления в группе (65 %), и в большинстве случаев они являются инициаторами совершения преступления (61 %). У первой

группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы преобладают одиночные преступления (51 %).

Интересные результаты получены при анализе самостоятельной оценки несовершеннолетними осужденными без лишения свободы следующих показателей: «отношение к потерпевшему», «намеренность совершения преступления», «чувство вины за содеянное», «справедливость решения суда». Так, 87 % несовершеннолетних осужденных без лишения свободы первой группы и 79 % респондентов второй группы ответили, что совершили преступление ненамеренно. Причем только 41 % обследованных подростков второй группы считают решение суда справедливым, а 77 % испытывают чувство вины за содеянное.

Исследование вопроса, касающегося отношения подростков к потерпевшим, показало, что среди несовершеннолетних осужденных без лишения свободы первой группы отсутствует негативное отношение к потерпевшим («нам их жалко», «стыдно» и т. п.). Настораживает тот факт, что для подростков второй группы в 72 % случаев характерно «нейтральное» («никакое») отношение к потерпевшим, а в 5 % случаев — отрицательное.

Анализ значимых различий индивидуально-психологических особенностей личности несовершеннолетних осужденных без лишения свободы свидетельствует о наличии акцентуированных черт по шкалам: «экстраверсия», «агрессивность», «спонтанность», что в сочетании формирует «сильный» (гипертимный) тип личности у первой группы обследуемых, ориентированный на собственные субъективно обусловленные установки, гомономность; «экстраверсия», «сензи-

тивность», «тревожность», что в сочетании формирует «слабый» (гипотимный) тип личности у второй группы подростков, ориентированный на средовое воздействие, гетерономность.

Поведение подростков при совершении ими правонарушающих действий есть не что иное, как реализация их ценностной ориентации [6; 9].

Средние показатели ранжирования ценностей по степени важности указывают, что важными руководящими принципами в жизни для первой группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы являются традиции и власть. Мотивационная цель традиций (как доминирующего типа ценностей) заключается в уважении, принятии обычаев и идей, которые существуют в группе, и следовании им. Центральная цель такого типа ценности, как власть, направлена на достижение социального статуса и престижа, контроля или доминирования над людьми (авторитет, богатство, социальная власть, сохранение своего общественного имиджа, общественное признание).

Отличительная особенность ценностных ориентаций второй группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы заключается в доминировании гедонизма и самостоятельности в мотивационной сфере личности, что может свидетельствовать о стремлении к наслаждению или чувственному удовольствию; самостоятельности выбора способов действия, исследовательской активности, организменной потребности в самоконтроле и самоуправлении, автономности и независимости у данной категории респондентов.

Статистически значимые различия получены в защитной сфере несовер-

шеннолетних осужденных без лишения свободы по шкалам «проекция» и «замещение». Этот тип защит более выражен у первой группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. Характерными особенностями поведения указанной группы обследуемых несовершеннолетних будут: высокая требовательность в сочетании с обостренным чувством несправедливости, высвобождение скрытых эмоций на предметах, животных или людях, воспринимаемых в качестве менее опасных для подростка, чем те, которые действительно вызвали эмоции. Защиты типа «замещение» включаются в ситуации, когда от несовершеннолетнего требуются модели поведения, которые он не может осуществить, исходя из личных принципов или социально одобряемых норм. В этом случае он пытается заменить запрещенную форму поведения доступной, разрешенной.

Для второй группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы доминирующими являются защиты типа «отрицание». Отрицание как психологическая защита заключается в отсутствии осознания определенных событий, элементов жизненного опыта или чувств, болезненных в случае их осознания. Оно проявляется в игнорировании неприятной информации. Яркая выраженность данного типа защиты у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы второй группы может проявляться в таких девиациях поведения, как: лживость, склонность к симуляции, необдуманность поступков, недоразвитие этического комплекса, склонность к мошенничеству, демонстративные попытки суицида и самоповреждения.

Отличительной особенностью второй группы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы выступают и наличие низкого индекса степени социально-психологической адаптированности (35,97), что может указывать на дезадаптированность данной категории несовершеннолетних. Степень дезадаптации подростков подтверждает и показатель дезадаптивности, который имеет значение выше среднего (27). Средний индекс социально-психологической адаптированности у первой группы несовершеннолетних правонарушителей немного выше нормы (48,42).

Таким образом, можно предположить, что еще до совершения первого преступления у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы сформировалась достаточно устойчивая антисоциальная направленность и другие криминогенные элементы мотивации.

Основными прогнозными шкалами риска совершения повторных преступлений несовершеннолетними осужденными к альтернативным мерам наказания в нашем исследовании выступили:

- сознательность (шкала теста NEO-FFI);
- ложь (шкала патохарактерологического диагностического опросника А.Е. Личко);
- педантичность (шкала тест-опросника Шмишека);
- стимуляция, власть, традиции (мотивационные ценности по методике Ш. Шварца);
- национальность;
- является инициатором в совершении преступления;
- отсутствие мотива совершения преступления, то есть несовершенно-

летний «не знает, что его подвигло к совершению преступления»;

- «считает решение суда справедливым»;
- «оставался в школе на второй год обучения» и т. д.

Данные шкалы подтверждают точность прогноза совершения несовершеннолетними осужденными без изоляции от общества повторного преступления во время отбывания условного наказания в 98 % случаев (погрешность — 0,105). Модель прогнозирования рецидивных преступлений несовершеннолетними осужденными к альтернативным мерам наказания представлена в диссертационном исследовании автора.

Однако полученные результаты исследования не являются исчерпывающими в борьбе с рецидивной преступностью несовершеннолетних, осужденных к альтернативным мерам наказания. Необходимы всесторонний глубокий анализ феномена рецидивной преступности данной категории несовершеннолетних и привлечение значительных сил и средств как профилактической, так и предупредительной деятельности, направленной на нейтрализацию и устранение этого вида преступности.

Литература

1. Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации. — М., 2001.
2. Башкатов И.П., Розин М.В. Неформальные объединения молодежи асоциальной направленности // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право; 2003. — С. 117–118.
3. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. — Ростов н/Д: Феникс; 2007. — 681 с.
4. Дьячкова Ю.Е. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений: дис. ... канд. психол. наук. — М., 2004.

5. Дядченко Е.А. Детерминанты рецидивных преступлений несовершеннолетних осужденных без лишения свободы и их учет в психологическом прогнозе // Казан. пед. журн. — 2008. — № 2. — С. 57–63.
6. Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. — Краснодар, 1979.
7. Замыцких В.П. Рецидивная преступность и несовершеннолетние: взаимосвязь и профилактика // Теоретические и прикладные проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы: сб. науч. тр. — М.: НИИ УИС Минюста России, 2001.
8. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — 2-е изд., испр. — М.: Академия, 2004.
9. Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. — М.: Юрид. лит., 1989.
10. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методические рекомендации. — СПб.: Речь, 2004. С. 57–70.
11. Князев А.В. Нормативные основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и иных уголовно-правовых мер без изоляции от общества, реабилитации осужденных и профилактике профессиональной деформации сотрудников // Психологическое обеспечение уголовно-исполнительных инспекций: сб. материалов проблемного семинара. — М.: ФСИН России, 2007.
12. Криминальная психология: учеб. пособие / авт.-сост. А.И. Ушатиков, О.Г. Ковалев. — М.; Воронеж: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; МОДЭП, 2002.
13. Купер Д., Робертсон А. Психология в отборе персонала. — СПб.: Питер, 2003.
14. Леонтьев Д.А., Калашников М.О., Калашникова О.Э. Факторная структура теста смысловых ориентаций // Психол. журн. — 1993. — Т. 14. — № 1. — С. 150–155.
15. Миньковский Г.М., Тузов А.П. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. — Киев: Политиздат Украины, 1987.
16. Некрылова С.Ю. Современное состояние и развитие уголовно-исполнительных инспекций // Психологическое обеспечение уголовно-исполнительных инспекций: сб. материалов проблемного семинара. — М.: ФСИН России, 2007.
17. Организация воспитательно-профилактической работы с осужденными, отбывающими наказание, не связанные с лишением свободы: учеб. пособие / Б.Б. Казак, Е.О. Ананьева, Н.П. Белая [и др.]; под общ. ред. С.Н. Пономарева. — Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002.
18. Пастушеня А.Н. Психология личности преступника // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2003.
19. Пирожков В.Ф., Павленко А.Г. Подростковой преступности психология // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.
20. Поздняков В.М. Методы юридической психологии: состояние и перспективы развития: лекция. — Рязань, 1998.
21. Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность: монография. — М.: Академия управления МВД России, 2000. — 270 с.
22. Пономарева Д.И. Профессиональная деятельность субъектов пенитенциарных учреждений по профилактике агрессивного поведения и психологической коррекции личности подростков-делинквентов: дис. ... канд. психол. наук. — Тверь, 2003.
23. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / под ред. Д.Я. Райгородского. — Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 1998. — 672 с.
24. Психологическое обеспечение работы с руководящими кадрами органов внутренних дел: метод. пособие. — М.: ГУК МВД России, 2003.
25. Разумова Е.М. Психологические особенности личности преступников рецидивистов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 2007.
26. Рыбников В.Ю. Психологическое прогнозирование надежности деятельности и коррекция дезадаптивных нервно-психических состояний специалистов экстремального профиля. — СПб., 2000.
27. Система оценки правонарушителя (СИСОП). — М.: PRI, 2005. — 256 с.
28. Собчик Л.Н. Диагностика индивидуальнотипологических свойств и межличностных отношений: практ. руководство. — СПб.: Речь, 2002.
29. Ушатиков А.И. Психопрогнозирование поведения осужденных после освобождения // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2003.
30. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002.
31. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2003. — 607 с.

КОМАНДА КАК ОРГАНИЗАЦИЯ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

В. Б. Рябов

Аннотация: рассмотрены два основных субъективных взгляда на понятие команды. Эмпирически подтверждена гипотеза о том, что команда, независимо от субъективного ее определения, представляет собой организацию с высоким качеством трудовой жизни.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, удовлетворенность работой, команда, детерминационный анализ.

The summary: two basic concept of the subjective view of the team are considered. It was empirically confirmed the hypothesis that team in both cases is an organization with a high quality of working life.

Keywords: quality of working life, job satisfaction, determinational analysis.

Вопросам качества в разных областях практической деятельности в последние десятилетия уделяется много внимания, в том числе программам и методам повышения качества трудовой жизни (КТЖ). Это направление научно-прикладной деятельности относится к сфере интересов исследователей и прикладных специалистов, работающих в области совершенствования управления человеческими ресурсами. Разработкой проблемы качества трудовой жизни в настоящее время активно занимаются во многих промышленных странах Запада.

По результатам зарубежных исследований интерес к проблематике качества трудовой жизни обусловлен тем,

что организации с высоким уровнем КТЖ отличаются рядом конкурентных преимуществ (далее мы приведем небольшой обзор этих преимуществ, доказанных зарубежными учеными). В связи с этим повышение КТЖ в организации представляет собой практически значимую задачу. Мы предполагаем, что возможным способом создания организационной системы с высоким уровнем КТЖ является формирование команды. Для доказательства этой гипотезы мы рассмотрим, с одной стороны, критерии оценки КТЖ человеком, а с другой — основные признаки принадлежности человека к команде. Затем по результатам эмпирического исследования покажем, что принадлежность человека к команде определяет высокий уровень субъективного качества трудовой жизни.

Заметим, что в статье мы рассматриваем субъективный аспект качества трудовой жизни и субъективный аспект командной организации труда. Иными словами, предметом нашего изучения выступает оценка человеком своего качества трудовой жизни, степени принадлежности к трудовому коллективу, в котором он работает, к команде, а также связи между оценками.

Предварительно укажем, что положительные результаты применения программ КТЖ были подтверждены множеством зарубежных исследований. В первую очередь это касается сокращения числа прогулов, снижения текучести

рабочей силы и получения большего удовлетворения от работы [9, 11, 13].

Повышение уровня КТЖ положительно влияет и обеспечивает большую гибкость, лояльность и мотивированную активность рабочей силы. Повышение уровня КТЖ — необходимая предпосылка роста конкурентоспособности компании [7, 8, 14].

Другие исследователи также отмечают повышение установленных организацией критериев качества работы за счет внедрения методов управления человеческими ресурсами на основе концепции КТЖ [10, 12].

Статистический анализ показал тесную корреляционную зависимость между уровнем КТЖ и такими характеристиками состояния бизнеса, как устойчивость положения организации на рынке, качество обслуживания клиентов, уровень организации обслуживания, знания работника, гибкость и технологическое лидерство [15].

Рассмотрим подробнее понятие КТЖ и критерии его оценки. Исследователи дают разные определения понятия качества трудовой жизни. Ф. Лютенс [3] проводит обзор этих определений. Так, Дж.Р. Хекман и Дж.Л. Саттл определяют качество трудовой жизни как ту степень, до которой члены производственной организации могут удовлетворить свои важные личные потребности через посредство их работы в этой организации. Ф. Лютенс указывает также, что КТЖ может быть определено как совокупность возможностей работников для удовлетворения своих активных личных нужд через трудовую деятельность при одновременном повышении эффективности деятельности организации.

Следует заметить, что большинство исследователей КТЖ используют первое определение. Вторая формулировка КТЖ принципиально отличается от первой, поскольку в ней фигурирует два вида субъектов восприятия КТЖ, а именно работники с одной стороны и организация с другой. На основании этого, если в первом случае ставится задача максимизации удовлетворения потребностей работников, то во втором случае — согласования интересов работников и организации. В своих исследованиях мы основывались на второй из указанных формулировок качества трудовой жизни.

Таким образом, под качеством трудовой жизни *в узком смысле* мы будем понимать способность организации удовлетворять потребности работников через посредство их работы в организации, а *в широком смысле* — способность организации в максимальной степени обеспечивать согласование интересов работников и интересов организации. При этом несколько видоизменяя определение, данное Ф. Лютенсом, можно определить качество трудовой жизни как взаимно согласованные возможности, предоставляемые организацией для наилучшего удовлетворения личных нужд работников через трудовую деятельность, и возможности использования потенциала работников для решения организационных задач.

Интегральные критерии субъективного оценивания КТЖ со стороны работников мы сформулировали на основе анализа концепций, теоретических разработок и результатов исследований в области как субъективного восприятия качества жизни, так и качества трудовой жизни.

Понятие качества трудовой жизни является родственным понятию качества жизни, поэтому при разработке модели КТЖ мы использовали некоторые элементы концепции субъективного качества жизни. Одна из первых разработок структуры субъективного качества жизни была сделана сотрудниками Института социологии РАН Е.В. Давыдовой и А.А. Давыдовым [1]. В качестве основных критериев оценки субъективного качества жизни ими предложены «счастье» (аффективный компонент качества жизни) и «удовлетворенность жизнью» (когнитивный компонент).

Применительно к проблеме исследования восприятия качества трудовой жизни человеком критерий удовлетворенности может быть интерпретирован как удовлетворенность трудовой жизнью (более частное понятие — удовлетворенность работой).

Что касается ощущения состояния счастья на работе, то это достаточно редкий случай. На наш взгляд, критерием, соответствующим критерию ощущения состояния счастья в жизни, в случае с трудовой жизнью человека будет уровень положительных эмоций и чувств, связанных у него с работой. Этот критерий так же, как и счастье, в противоположность рациональному критерию удовлетворенности относится к чувственно-эмоциональной сфере. В предельном случае уровень положительных эмоций и чувств, связанных с работой, можно интерпретировать как счастье в трудовой деятельности.

По нашему мнению, весьма показательным и в не меньшей степени влияющим на субъективное восприятие качества трудовой жизни является критерий «уровень ощущения негативных эмоций

и чувств, связанных с работой». Более того, мы считаем, что аналогичным образом в исследованиях по проблеме качества жизни целесообразно использовать критерий, противоположный по знаку критерию ощущения счастья.

Таким образом, в качестве интегральных критериев оценивания КТЖ со стороны работников предлагается использовать следующие критерии [4, 5]:

- общая удовлетворенность работой;
- общая неудовлетворенность работой и неудовлетворенность отдельными ее условиями;
- уровень положительных чувств и эмоций, связанных с работой;
- уровень отрицательных чувств и эмоций, связанных с работой.

Теперь рассмотрим основные особенности субъективной оценки организационного коллектива как команды. Сегодня многие организации пытаются применить командный подход к управлению, организовав в соответствующие группы своих наиболее продвинутых сотрудников. Существуют тренинги формирования команды и группового принятия решений, но все равно далеко не все созданные команды достигают успеха в выполнении своей задачи.

Обычно в понятие «команда» вкладывается следующий смысл. Команда — это группа людей, обычно небольшая, порядка 10–12 человек, эффективно взаимодействующая между собой в направлении достижения организационных целей. Основным условием существования команды считается то, что каждый ее участник направляет свою активность на эффективную работу организационной системы, в которой он участвует. Как правило, считается, что

если коллектив называется «команда», то все его члены максимально мотивированы на организационные цели и ценности, и, как правило, получают максимальное удовлетворение от работы в команде. При этом имеется в виду аналогия со спортивной командой со всеми вытекающими из этого аналогиями.

В ряде исследований показано, что существует определенное различие в понятии команды в России и на Западе. В России под командой часто понимается сплоченный коллектив, участники которого находятся в дружеских отношениях, доверяют друг другу. Для выделения наиболее важных признаков коллектива как команды часто используются прилагательные «дружная и сплоченная» команда. Основными критериями команды в этом случае считаются дружелюбность отношений, сплоченность и взаимопонимание. В западной традиции во главу угла обычно ставится организационная эффективность. Коллектив работает как команда, если он показывает высокую эффективность. Основным критерием команды при этом считается эффективное взаимодействие участников команды в направлении достижения организационных целей. Нам наиболее близок второй подход к понятию команды.

Другой аспект деятельности организационного коллектива как команды — это условия, при которых достигается эффективное взаимодействие участников. Анализ условий эффективного взаимодействия, структура которого будет рассмотрена далее, показывает, что традиционная схема диагностики и анализа командной деятельности как организационной деятельности, характеризуемой набором вполне определенных характе-

ристик, является ограниченной. Одно из условий, определяющих разные требования к формированию и существованию команд, — корпоративная культура. Если считать, что основным критерием команды выступает эффективное взаимодействие ее участников, то условия этого эффективного взаимодействия будут различными в разных культурах.

В литературе по организационной психологии преобладает подход к анализу команды как организационной системы с определенным набором признаков [2]. Вместе с тем наш эмпирический опыт диагностики организационных отношений показал, что в разных организациях и разных организационных культурах существуют различные подходы к этому вопросу. Так, например, опрос менеджеров разного ранга и сотрудников разных организаций показал, что в организациях с менеджментом западного типа командой называют эффективную организационную структуру, а в организациях, где сильны традиции советского периода, понятие «команда» связывают с понятием «коллектив». При этом в качестве основных признаков команды называются следующие: 1) мы вместе работаем; 2) у нас хорошие отношения; 3) мы доверяем друг другу. Иными словами, имеют место принципиальные различия между пониманием сущности команды в западной и российской обыденных культурах. В то же время и в западной парадигме мы наблюдали значительные различия в том, является ли данная группа работников командой или нет. Таким образом, мы предполагаем, что понятие команды, требования к ней и процесс ее формирования определяются типом организационной культуры, в которой команда создается. С нашей

точки зрения, в каждой корпоративной культуре команде свойственны специфические особенности. Определим эти свойства и особенности для каждого типа культуры, а также покажем, что работникам, воспринимающим свой организационный коллектив как команду, в целом свойственен высокий уровень субъективного восприятия КТЖ.

В контексте разрабатываемой проблемы мы предлагаем называть командой организационную структуру, ориентированную на высокую организационную эффективность, характеризующуюся высоким уровнем КТЖ.

Следующим этапом нашего анализа является эмпирическая проверка гипотезы о том, что если человек считает, что он работает в команде, то он высоко оценивает КТЖ.

Исходя из этого субъективное ощущение чувства «команды» могут быть двух типов. В первом случае люди считают себя членами команды, если между ними существуют хорошие, дружеские межличностные отношения, во втором — работники причисляют себя к коллективу, называемому командой, если они четко и эффективно взаимодействуют между собой в процессе делового общения.

По нашему мнению, команда — это организационная структура, для которой характерен высокий уровень КТЖ. Если это так, то должна быть справедлива гипотеза о том, что люди, ощущающие себя членами команды, субъективно должны ощущать КТЖ как высокое. Для проверки данной гипотезы с учетом возможного понимания чувства командной принадлежности у разных людей мы выделили две группы работников исследуемой организации.

Для проверки этой гипотезы мы провели эмпирическое исследование в коммерческой фирме, осуществляющей консультационные юридические и аудиторские услуги. Сбор информации проводился методом анкетирования. Всего было опрошено 177 сотрудников фирмы. В опросе принимали участие сотрудники фирмы от рядовых должностей до уровня топ-менеджеров обоего пола. Возраст опрошенных изменялся в пределах от 18 до 61 года.

Прежде всего мы предположили, что с повышением уровня ответственности понимание команды должно переходить с уровня хороших межличностных отношений на уровень эффективного взаимодействия между сотрудниками. Иными словами, для руководителей организации и топ-менеджеров в большей степени свойственно понимание команды как коллектива людей, эффективно взаимодействующих между собой в направлении достижения организационных целей, а для рядовых работников — как коллектива людей, между которыми установились теплые межличностные отношения.

Таким образом, среди опрошенных мы выделили две группы людей, для которых проверили гипотезы о связи уровня командности и уровня КТЖ. В первую группу вошли рядовые лица с высоким уровнем оценки существующих межличностных отношений между работниками, а во вторую — руководители организации с высоким уровнем оценки эффективности делового взаимодействия между работниками. В соответствии с нашими предположениями для той и другой группы должен быть характерен высокий уровень субъективной оценки уровня КТЖ.

Полученные эмпирические данные были обработаны методом детерминационного анализа [6]. Он основан на определении силы однонаправленных связей между анализируемыми величинами. Такими величинами могут быть, например, высокий уровень оценки КТЖ (событие А) и высокий уровень оценки принадлежности рабочего коллектива к команде (событие В). Мера, характеризующая силу связи наступления события А при условии наступления события В, представляет собой соответствующую характеристику условной вероятности. Полученные зависимости очень удобны при формировании продукционных правил вида «Если А, то В с коэффициентом детерминации С», широко используемых при построении экспертных систем. Коэффициент детерминации изменяется в пределах от 0 (отсутствие связи) до 1 (событие В всегда наступает, если произошло событие А).

Результаты анализа эмпирических данных показали следующее. В группе менеджеров и руководителей была выделена подгруппа людей (18 чел.), для которых важна эффективность взаимодействия с коллегами (оценка важности этого показателя по 5-балльной шкале 4 или 5) и которые высоко оценили реальную эффективность взаимодействия с ними в организации (оценка реальной эффективности взаимодействия с коллегами по 5-балльной шкале 4 или 5). Для этой подвыборки были подсчитаны коэффициенты детерминации между оценками признаков командности для этих людей и значениями оценки уровня качества трудовой жизни. Такой анализ показал, что высокий уровень эффективности делового взаимодействия в организации определяет высокую оцен-

ку удовлетворенности организацией с коэффициентом детерминации 0,72 и высокую оценку уровня положительных эмоций, связанных с работой, с коэффициентом детерминации 0,57. Это означает, что большинство менеджеров и руководителей, высоко оценивающих эффективность взаимодействия работников, то есть считающих, что они работают в команде, также высоко оценивают и качество трудовой жизни в организации.

Аналогичный анализ был проведен для группы рядовых работников. В этой категории обследованных людей была выделена группа (37 чел.), высоко оценившая важность дружеских отношений в коллективе. Как уже указывалось, для данной категории работников основной признак работы в команде заключается в хороших межличностных отношениях. В этой группе были подсчитаны коэффициенты детерминации между ведущим признаком принадлежности рабочего коллектива к команде (хорошие дружеские межличностные отношения) и критериями субъективного качества трудовой жизни. Анализ показал, что высокая оценка реальных отношений в коллективе как дружеских (оценки этих отношений, равные 4 и 5 по 5-балльной шкале) определяет высокий уровень общей удовлетворенности работой в организации с коэффициентом детерминации 0,67 и высокий уровень положительных эмоций, связанных с работой, с коэффициентом детерминации 0,62. Следовательно, среди этой категории работников большинство людей, считающих, что они работают в команде, высоко оценивают качество трудовой жизни в организации.

Итак, наша гипотеза о том, что люди, считающие, что они работают в команде, независимо от того, по каким основным признакам оценивают это понятие, как правило, высоко оценивают качество своей трудовой деятельности, нашла эмпирическое подтверждение.

Литература

1. Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. — М.: Ин-т социологии РАН, 1993.
2. Корниенко В.И. Команда: формирование, управление, эффективность. — Пермь: Зап.-Урал. ин-т экономики и права, 1999. — 272 с.
3. Лютенс Ф. Организационное поведение: пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 1999.
4. Рябов В.Б. Качество трудовой жизни в структуре качества жизни: материалы итог. науч. конф. Ин-та психологии РАН (1–2 февр. 2006 г.) / отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.И. Артемьева. — М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
5. Рябов В.Б. Подход к нормативной модели субъективного восприятия качества трудовой жизни // Методы исследования психологических структур и их динамики / под ред. Т.Н.Савченко и Г.М. Головиной. — М.: Ин-т психологии РАН, 2007. — Вып. 4. — С. 128–141.
6. Чесноков С.В. Основы гуманитарных измерений. Препринт. — М.: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т систем. исслед., 1986. — 66 с.
7. Allan P., Loseby P.H. No-layoff policies and corporate financial performance // S.A.M. Advanced

Management Journal. — 1993. — № 1. — Vol. 58. — P. 44–82.

8. Bassi L.J., Vanburen M.E. Sustaining high-performance in bad times // Training and Development. — 1997. — № 6. — Vol. 51. — P. 65–78.

9. Cohen S.G., Chang L., Ledford G.E. A hierarchical construct of self-management leadership and its relationship to quality of work life and perceived work group effectiveness // Personnel Psychology. — 1997. — № 2. — Vol. 50. — P. 275–308.

10. Delaney J.T., Huselid M.A. The impact of human resource management practices on perceptions of organizational performance // Academy of Management Journal. — 1996. — № 4. — Vol. 39. — P. 949–969.

11. Havlovic S.J. Quality of work life and human resource outcomes // Industrial Relations. — 1991. — № 3. — Vol. 30. — P. 469–479.

12. Huselid M.A. The impact of human resource management practices on turnover, productivity, and corporate financial performance // Academy of Management Journal. — 1995. — № 3. — Vol. 38. — P. 635–672.

13. King A.S., Ehrhard B.J. Diagnosing organizational commitment: an employee cohesion exercise // International Journal of Management. — 1997. — № 3. — Vol. 14. — P. 317–325.

14. Meyer D.G., Cooke W.N. US labor relations in transition: emerging strategies and company performance // British Journal of Industrial Relations. — 1993. — № 4. — Vol. 31. — P. 531–552.

15. Roth A.V. Performance dimensions in services: an empirical investigation of strategic performance // Services Marketing and Management. — 1993. — Vol. 2. — P. 1–47.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛИЧНОСТНОГО РОСТА СОТРУДНИКОВ УИС, СОСТОЯЩИХ В РЕЗЕРВЕ КАДРОВ НА ВЫДВИЖЕНИЕ

Н.Н. Тавилова

Аннотация: в статье описывается эмпирическое исследование влияния гендерных особенностей на личностный рост сотрудников уголовно-исполнительной системы, состоящих в резерве кадров на выдвижение.

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы, ре-

зерв кадров на выдвижение, гендер, гендерные особенности, личностный рост.

The summary: in article empirical research of influence of gender features on personal growth of penal system employees consisting in a reserve of employees for management is described.

Keywords: *penal system employees, a reserve of employees for management, a gender, gender features, personal growth.*

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы большое значение приобретает работа с сотрудниками, состоящими в резерве кадров на выдвижение. Лозунг «Кадры решают все!» как никогда становится актуален в период реформирования в УИС.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2020 года предусматривается обеспечение сбалансированности процессов сохранения и обновления количественного и качественного состава кадров, повышения их профессиональной компетенции, а также ротация руководящих кадров уголовно-исполнительной системы [3].

Приоритетными задачами в области кадровой политики УИС являются: изучение опыта обучения работников, зачисленных в резерв руководящих кадров ФСИН России, и подготовка обзора по организации работы с резервом ФСИН России [4].

В зависимости от того, насколько эффективно построена работа с сотрудниками, состоящими в резерве кадров на выдвижение, во многом зависит развитие и совершенствование всей уголовно-исполнительной системы. На основании этого указанный вид работы в ближайшей перспективе должен стать первостепенным в кадровой стратегии развития.

Значительный вклад в исследование данной проблемы внесли такие ученые, как Б.Г. Бовин, М.Г. Дебольский, Е.П. Клубов, И.О. Котенев, М.И. Марьин,

В.М. Поздняков, А.М. Столяренко и др. Ряд диссертационных исследований (С.И. Ушаков, 2000; И.А. Жуков, 2004; А.А. Прошин, 2006; О.А. Плохой, 2006; Т.В. Лобанова, 2006; Н.Ю. Портнягина, 2007; О.А. Галанин, 2010) также посвящены проблеме сотрудников правоохранительных органов, состоящих в резерве кадров на выдвижение.

Однако несмотря на значительное количество исследований по этому вопросу, проблема кадрового резерва остается недостаточно разработанной. В ракурсе рассматриваемой проблемы немаловажно уделить внимание такому вопросу, как влияние гендерных особенностей на личностный рост сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение.

Учет гендерных особенностей в процессе личностного и профессионального роста сотрудников создает более панорамную картину работы с кадровым резервом. Увеличение внутреннего потенциала во время личностного роста расширяет или подтверждает ее гендерные приоритеты.

Гендер — это психологическое понятие, включающее в себя социальный, культурный и исторический контекст; оно характеризует социальные представления о мужчине и женщине, об их психологических особенностях. Гендер — пол, преломленный через процессы социализации, поэтому социальные характеристики автоматически включены в это понятие. Маскулинность и фемининность выступают измерениями гендера (Коростылева, 1998; Chafetz, 1978; Хофстеде, 1980; Кон, 2001), являясь одновременно психологическими свойствами личности (Фрейд, 1997; Вейнингер, 1992; Вет, 1988 и др.) [5].

Гендерные особенности образуют определенный комплекс многообразных свойств, включая познавательные, мотивационные, эмоциональные, перцептивные и другие характеристики мужского и женского пола [2].

Исследования зарубежных психологов выявили, что профессиональные интересы женщин более унифицированы, более направлены на создание определенного социального окружения на работе (общество мужчин), в целом являясь социальными, конвенциональными и артистическими, в отличие от реалистических, исследовательских и предпринимательских интересов мужчин. Отмечались несоответствие женскому прототипу мужских образцов профессиональной подготовки и выбора карьеры, различия мужских и женских социальных и карьерных стилей по соревновательной направленности первых и контекстуальности вторых; большая детализированность, комплексность и связанность с жизненным путем в целом и одновременно слабая изученность женских карьер, в отличие от мужских; необходимость учета гендерных различий в карьерном консультировании [6, с. 431].

Для решения поставленной задачи нами использовался следующий методический инструментарий: опросник Р. Кеттелла «Многофакторная личностная методика» вариант «С», опросник В.В. Синаевского, Б.А. Федоришина «Коммуникативных и организаторских склонностей», опросник Э. Шейна «Мотивации профессиональной карьеры», опросник Ю.М. Орлова «Потребности в достижениях», метод цветových выборов М. Люшера «МЦВ», метод расчета психодинамических коэффициентов Д.В. Сочивко (на основе восьмицветового теста Люшера), методы математико-статистического анализа, с помощью компьютерной программы STATISTICA 6.0).

Исследование психологических особенностей сотрудников уголовно-исполнительной системы, состоящих в резерве кадров на выдвижение, было проведено в результате обследования 232 сотрудников УФСИН России по Оренбургской области, которые проходят службу во всех видах структурных подразделений УИС (следственные изоляторы, колонии общего и строгого режимов, колонии-поселения, воспитательная колония, уголовно-исполнительные

Таблица 1

**Средние значения по методике Р. Кеттелла (форма С)
«Многофакторная личностная методика» со значимыми различиями
между сотрудниками женщинами и мужчинами**

Название шкалы	Средние значения у женщин	Средние значения у мужчин	Значимые различия $p \leq 0,05$
Робость – Смелость	6,3333	7,2173	0,0132
Консерватизм – Радикализм	4,7708	3,9347	0,0215
Низкий – Высокий самоконтроль	6,8541	5,9565	0,0384
Расслабленность – Напряженность	3,8958	5,0271	0,0018
Самооценка	6,8541	5,7010	0,0006

инспекции, отдел по конвоированию). В обследовании принимали участие 62 сотрудника младшего начальствующего состава и 170 — среднего начальствующего состава. В гендерном отношении резерв кадров на выдвижение состоит из 184 мужчин и 48 женщин. Возрастной показатель — от 22 до 50 лет; образовательный уровень — от среднего полного до высшего образования; стаж — от «менее 1 года» до «свыше 10 лет».

При проведении уровневого анализа было установлено, что имеются статистически значимые различия средних значений по диагностике 16-PF-C-Cattell (105в.) среди сотрудников женщин и мужчин. Для наглядности полученных результатов исследования разместим статистически значимые различия в табличном варианте (табл. 1).

Перейдем теперь к анализу средних показателей среди мужского и женского пола по диагностике 16-PF-C-Cattell, представим рисунок 1.

Как мы видим из приведенного графика (рис. 1) при наличии осторожности, высокого самоконтроля у женщин,

наряду с этими показателями личности также преобладают радикализм во взглядах, восприимчивость к переменам, направленность на аналитическую деятельность, спокойствие, самоуверенность и переоценка своих возможностей. В то время как у мужчин проявляется склонность к риску, решительность, консервативность, низкий самоконтроль и адекватная самооценка. Сотрудники-мужчины готовы рисковать, порой не задумываясь о последствиях своих поступков, что приводит к плохому контролю в поведенческой сфере. Невнимательность к деталям, приверженность традициям, проявление напряженности могут привести к состоянию фрустрации у мужчин. У женщин — самодовольство, легкая переключаемость с одного вида деятельности на другой и при этом хорошее осознание социальных требований свидетельствуют об адаптивности, но не нацеленности на конечный результат деятельности.

Очевидно, что развитие личностного роста у женщин в процессе нахождения в кадровом резерве на вышестоящие

Средние показатели среди мужского и женского пола по диагностике 16 - PF - C - Cattell

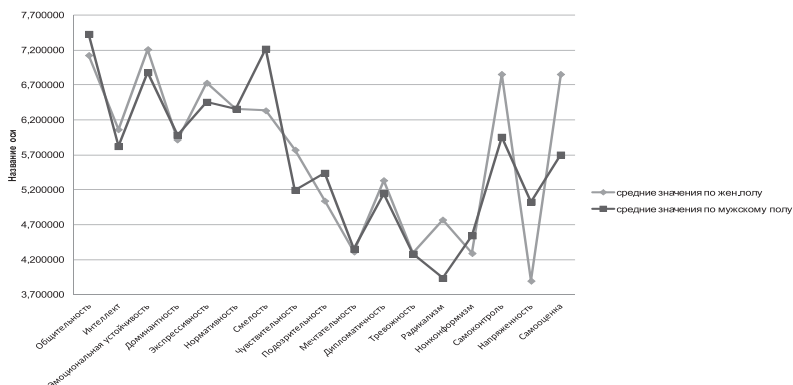
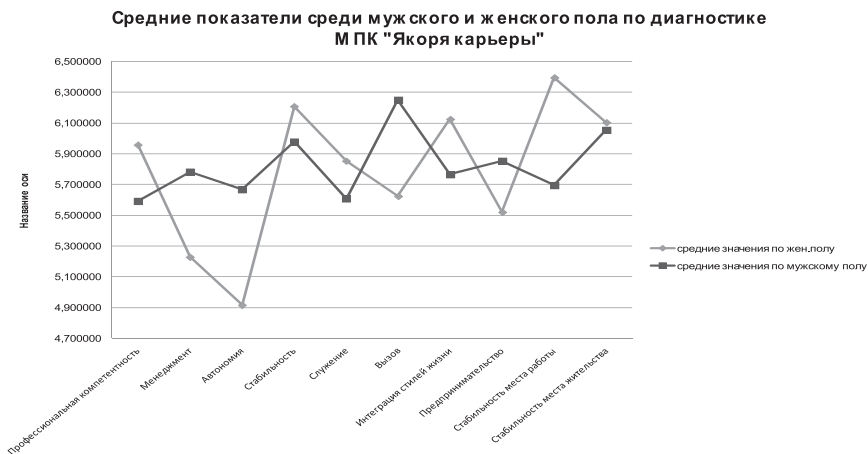

Рис. 1

Рис. 2

должности будет происходить несколько иначе, чем у мужчин. Специфика различия в таких сферах, как интеллектуальные особенности (Q1 — радикализм), эмоционально-волевые особенности (Q3 — самоконтроль, Q4 — напряженность), коммуникативные свойства и особенности межличностного взаимодействия (Н — смелость), будет способствовать или препятствовать процессу личностного и профессионального роста у сотрудников, что в результате проявится при выдвижении на должность.

Интересен также анализ ведущих мотивов сотрудников по диагностике «Мотивация профессиональной карьеры» Э. Шейна (рис. 2).

Статистически значимые различия средних значений по диагностике мотивации профессиональной деятельности сотрудников были выявлены по шкале «автономия»: средние значения у женщин — 4,9166 и средние значения у мужчин — 5,6684, значимые различия ($p \leq 0,05$) — 0,0071. Это свидетельствует о том, что мужчины более склонны к

независимости и предпочитают не только самостоятельно принимать решения, но и расширить сферу ответственности в профессиональной деятельности. В связи с приоритетом мотивации к личностному росту, а не к устранению недостатков, эти люди не нуждаются для удовлетворения своих потребностей во внешнем окружении, например в других людях, предметах культуры. Их рост и личностное развитие преимущественно зависят от собственного потенциала и скрытых ресурсов (Huxley, 1944; Northrop, 1947; Rand, 1943; Rogers, 1961)[1].

По шкале «вызов» были также получены статистически значимые различия: средние значения у женщин — 5,6250 и средние значения у мужчин — 6,2500, значимые различия ($p \leq 0,05$) — 0,0344. Социальная ситуация чаще всего у мужчин рассматривается с позиции «выигрыша–проигрыша». Процесс борьбы и победа более важны для них, чем конкретная область деятельности. Мотивация «вызов» активизирует вну-

Рис. 3

тренные ресурсы, создает некоторый риск и запускает механизм личностного роста над актуальным событием.

С психодинамической позиции также происходит личностный рост, который проявляется в движении, разворачивании, взаимодействии и борьбе сил внутри психики человека. В этом контексте интересен подход изменения цветопсиходинамики личностного роста по методу расчета психодинамических коэффициентов по Д.В. Сочивко.

В психодинамической диагностике личность рассматривается как некое пространство состояний, которые постоянно сменяют друг друга. Важнейшим эмпирическим фактом, который лежит в основе психодинамической диагностики, является то, что человеку свойственно переживать циклы состояний. Такая циклическая смена двух состояний может удерживать личность достаточно долго, и со временем становится ее типичной психодинамикой [7, с. 67].

Перейдем непосредственно к описанию цветовых предпочтений сотрудников, состоящих в кадровом резерве

на вышестоящие должности. Для этого приведем графики, в которых наиболее видны системные предпочтения (роль — идол) и системные отвержения (роль — защита) по цветовым факторам. На графике (рис. 3) приведены средние показатели психодинамических коэффициентов по второму фактору.

Предпочтение зеленого цвета (роль — идол) у мужчин, отвержение (роль — защита) у женщин. По М. Люшеру, зеленый цвет в первых позициях означает «скептический настрой в отношении мнения других лиц, потребность в отстаивании собственных установок, упорство, противодействие обстоятельствам, которое носит защитный характер. Практичность и трезвость суждений, рационализм, тенденция к системному подходу при решении проблем. Опора на накопленный опыт. Ориентировка на собственное мнение, сопротивление внешнесредовым воздействиям. Зрелость жизненной платформы. Чувство соперничества. Значимость собственной социальной позиции. Тропизм к конкретным видам

Рис. 4

деятельности, сфере точных знаний и положению лидера в социальном окружении» [7, с. 98–99].

Однако по третьему фактору (рис. 4) мужчины отвергают красный цвет, а женщины наоборот предпочитают. Женщины стремятся к достижениям, успеху, но не всегда отстаивают собственные установки, хотя и имеют определенные притязания. Игнорируют действительность («ложь во спасение») и не опираются на накопленный опыт: «мания к раздражению — в социуме, работе и т. д.», давление обстоятельств, напряженная обязательность.

Наблюдается стремление к успеху, преобладание эмоций интереса, но при этом игнорирование реальности, приводящее к вынужденной «лжи во спасение», все это порождает — нетерпение, ущемленное самолюбие, сумбурность в мыслях, словах и поступках. Ослабление настойчивости и сил к сопротивлению, озабоченность по поводу признания в социуме воплощается в беспокойстве, при котором человек готов винить «всех и вся».

Эмпирическое исследование позволило выявить специфику гендерных особенностей личностного роста сотрудников уголовно-исполнительной системы, состоящих в резерве кадров на выдвижение. Стремление к независимости, самоутверждению у мужчин, ригидность, склонность к риску, потребность в активном отстаивании собственной позиции, особенно в ситуации «соперничества», приводит к низкому самоконтролю, максимальной напряженности и перераздражению и, следовательно, к истощению (физическому, психическому). Фемининный гендер ориентирован на успех, лояльное отношение к переменам, доминирование в социальном окружении, но если это не происходит, то преобладают повышенные требования к окружению, склонность к стрессовым состояниям и подавление волевой активности. Все это необходимо учитывать при работе с кадровым резервом, системной поддержке развития личностного роста в профессиональной сфере.

Литература

1. Автономия — Личность — Мотивация / Психотерапия / Средства и цели [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.individuality.ru/samoaktualiziruyushiesya-lyudi-issledovanie-psixicheskogo-zdorovya/avtonomiya.html>.

2. Бендас Т.В. Гендерная психология. — СПб.: Питер, 2006. — 431 с.

3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

4. О Программе мероприятий по совершенствованию патриотического воспитания, воспитательной работы и психологического обеспечения работников уголовно-исполнительной системы на 2011–2015 годы: письмо Федеральной службы исполнения наказаний от 18 января 2011 г. № 7-416-02.

5. Позняков В.П. Гендерные особенности социально-психологических характеристик российских предпринимателей: дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2002.

6. Психология личности: учеб. пособие / под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. — М.: Эксмо, 2008.

7. Сочивко Д.В. Цветопсиходинамика. — М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2009.

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ В 2011 ГОДУ

А. В. Датий, Д. Е. Дикопольцев, А. А. Федосеев

Аннотация: представленная характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, включает в себя: социально-демографические, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные показатели.

Впервые дается характеристика осужденным, находящимся в пилотных учреждениях (в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в пяти учреждениях проходит пилотный проект по перепрофилированию воспитательных колоний в воспитательные центры — иной вид исправительных учреждений для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте).

Ключевые слова: характеристика осужденных, динамика численности, социально-демографические показатели, уголовно-правовые показатели, уголовно-исполнительные показатели, личностные особенности, пилотный проект.

The summary: given characteristics of offenders, serving their sentence in juvenile corrections includes: socio-demographical, penal and law showings.

For the first time is given description of offenders, which are participated in pilot juvenile corrections (according to Conception of penal system's development in Russian Federation until 2020 year. The pilot project of the convert juvenile correction is held in five juvenile corrections).

Keywords: characteristics of offenders, dynamics of number, socio-demographical showings, penal showings, law showings, personality characteristics, pilot project.

При подготовке характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (ВК), использовались результаты социологических исследований, проведенных нами в 2011 г., а также статистические данные (форма ОИУ-1 по состоянию на 1 октября 2011 г., форма ВК за первое полугодие 2011 г.).

Социально-демографическая характеристика

С 2005 г. наблюдается сокращение численности осужденных, отбывающих наказание в ВК. На 1 октября 2011 г. в 47 ВК содержалось 3093 осужденных.

Возраст осужденных. В 2011 г. возрастной состав осужденных выглядел следующим образом: 14–15-летние — 5,1 %, 16–17-летние — 74,6, 18–19-летние — 20,3 %.

Род занятий до осуждения. В настоящее время в ВК преобладает категория лиц, которые до осуждения учились в общеобразовательных школах и других учебных заведениях (74,7 %). Из них значительная часть (61 %) были учащимися общеобразовательных школ, специальных школ и специальных профессиональных училищ — 6,2 %, вспомогательных школ — 6,1 %. Несмотря на

то что учеба в подростковом возрасте признается основным видом деятельности, а школа, наряду с семьей, должна выступать ведущим институтом социализации личности, в ВК нередко поступают неграмотные или малограмотные несовершеннолетние. У них наблюдается высокая степень социальной и педагогической запущенности. В 2011 г. среди осужденных было: не имеющих никакого образования — 2,0 %; имеющих только начальное образование — 44,4 %; основное общее — 50,1 %; общее — 3,3 %; среднее профессиональное — 0,6 %.

Помимо учащихся, среди осужденных 4,1 % до направления в ВК работали, а 21,2 % — не работали и не учились.

Семейное положение осужденных. Семья является важнейшим институтом социализации личности, и именно от вектора семейного воспитания зависит поведение несовершеннолетнего, что наглядно подтверждается среди осужденных ВК. Почти половина осужденных, отбывающих наказание в ВК, воспитывались в неполных семьях (48 %), были сиротами — 8 %.

Состояние здоровья осужденных. В 2011 г. у осужденных, находящихся в ВК, зарегистрировано 3876 заболеваний, из них 1720 социально значимых болезней, что составляет 44,4 %. Характерно увеличение числа случаев привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности после начала наркотизации.

Подростки, поступающие в ВК, характеризуются крайне низким уровнем физического и психического здоровья. Большинство из них страдают сочетанной патологией. Среди причин плохого состояния здоровья важное место отводится предшествовавшему образу жизни,

низкому общекультурному уровню, а также недостаточным знаниям вопросов гигиены и санитарии.

Уголовно-правовая характеристика

Вид совершенного преступления. В 2011 г. в ВК в основном отбывали наказание осужденные, совершившие умышленные тяжкие (62,3 %) и особо тяжкие (31,9 %) преступления. Доля осужденных, находящихся в ВК за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, возросла и составила 94,2 %.

В 2011 г. осужденные, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, составили соответственно 0,2 и 5,6 %.

Несовершеннолетние осуждаются за совершение более чем двадцати видов преступлений. Однако сфера их преступных посягательств достаточно узкая и остается неизменной.

В 2011 г. несовершеннолетние осужденные отбывали наказание: за кражу (ст. 158 УК РФ) — 22,0 %; грабеж (ст. 161 УК РФ) — 18,7; разбой (ст. 162 УК РФ) — 14,5; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) — 10,5; убийство (ст. 105 УК РФ) — 8,8; изнасилование (ст. 131 УК РФ) — 7,6; преступления, связанные с наркотиками, — 2,4 % и ряд других преступлений.

Срок наказания. В 2011 г. осужденные в ВК распределялись по срокам наказания следующим образом: до 2 лет включительно — 19,5 %; от 2 до 3 лет — 31,7; от 3 до 5 лет — 32,5; от 5 до 10 лет — 16,3 %. Как правило, осужденные не успевают отбыть весь срок наказания в ВК и их переводят в исправительную колонию. Данное обстоятельство негативно влияет на личность переводимого

осужденного, влечет за собой перерыв в процессе его исправления и ресоциализации.

Уголовно-исполнительная характеристика

Отношение осужденных к общеобразовательному обучению и профессиональной подготовке. В воспитательные колонии осужденные поступают с высоким уровнем социальной и педагогической запущенности, не имея учебных, трудовых и профессиональных навыков.

Изменения, происходящие и наблюдаемые у осужденных в процессе их обучения в школе и профессиональном училище (ПУ) ВК, можно считать важными показателями ресоциализации личности. Все осужденные, находящиеся в ВК и обязанные по закону обучаться в школе и ПУ, вовлечены в учебный процесс. За время пребывания в ВК, по мнению администраций учреждений, 67 % осужденных изменили свое негативное отношение к учебе в школе на позитивное. Большинство осужденных проявляют добросовестное отношение к учебе в школе. Однако 22,3 % осужденных все же не проявляют интереса к этому виду деятельности.

Поведение осужденных. Среди осужденных в ВК доля лиц, характеризующихся сотрудниками учреждений положительно, составляет 38,3 %; нейтрально — 39,4; отрицательно — 19,9; злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания — 2,4 %.

В 2011 г. 66 % осужденных находились в обычных условиях отбывания наказания, 23,8 — в облегченных; 7 — в льготных и 3,2 % — в строгих условиях отбывания наказания. Эту характеристи-

ку осужденных следует учитывать при организации ВЦ, поскольку, согласно модели этого учреждения, осужденные, отбывающие наказания в тех или иных условиях, должны размещаться отдельно друг от друга.

Готовность осужденных к освобождению. Большинство осужденных, содержащихся в ВК в настоящее время, не готовы к освобождению. Они считают, что будут испытывать различные трудности в бытовом и трудовом устройстве после освобождения. В меньшей степени эти трудности связаны с бытовым устройством осужденных (13 %), в большей — с трудовым устройством (61 %), а 26 % осужденных, по их мнению, после освобождения трудностей не испытают.

Характеристика осужденных, содержащихся в пилотных ВК

Приказом ФСИН России от 31 декабря 2010 г. № 565 «О реализации отдельных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» утвержден пилотный проект по реперофилитированию пяти ВК в ВЦ. Знание характеристики осужденных поможет сотрудникам этих учреждений организовывать целенаправленную работу, выполняя требования Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года.

Возраст осужденных. В настоящее время в пилотных ВК находится 449 осужденных. Они следующим образом распределились по возрасту: 14–15-летние — 22 человека (4,8 %); 16–17-летние — 355 (79,2 %); 18–19-летние — 72 человека (16 %). На этом фоне выделяется Можайская ВК, где 18–19-летние осужденные составля-

ют значительную часть — 33 человека (26,8%), что на 6% больше, чем в целом по всем ВК страны.

Вид совершенного преступления. Осужденных за совершение умышленных преступлений средней тяжести — 21 человек (4,8%); тяжких преступлений — 291 (64,8%); особо тяжких преступлений — 136 человек (30,4%).

Осужденных первый раз — 283 человека (63,2%), два раза — 88 (19,5%), три раза и более — 78 человек (17,3%).

По составам совершенных преступлений осужденные распределились следующим образом: за кражу — 72 человека (16%); грабеж — 81 (18%); убийства — 60 (13,3%); разбой — 103 (22,9%); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 22 (4,8%); изнасилование — 15 (3,3%); преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних — 30 (6,6%) и другие преступления.

Срок наказания. В пилотных ВК осужденные распределились по срокам наказания следующим образом: до 1 года — 23 человека (5,3%); свыше 1 года до 3 лет — 210 (46,7%); свыше 3 до 5 лет — 161 (35,8%); свыше 5 до 10 лет — 55 человек (12,2%).

По всем показателям характеристики осужденных в пилотных ВК и характеристики осужденных по другим ВК оказались идентичными, за исключением небольшой разницы по отдельным цифровым значениям.

Важным элементом, внедряемым в ВК, является функционирование системы «социальных лифтов». В пилотных ВК по этому поводу проводился социологический опрос сотрудников и осужденных. Были получены следующие результаты.

Более половины осужденных (80%) узнают о системе функционирования «социальных лифтов» от администрации исправительных учреждений. Функционирование этой системы оказывает позитивное влияние на состояние дисциплины среди осужденных, соблюдение ими режима содержания и порядка отбывания наказания. Так, более половины сотрудников (58%) считают, что количество осужденных, стремящихся к правопослушному поведению, увеличилось.

72% осужденных стараются соблюдать порядок отбывания наказания, согласно критериям системы «социальных лифтов». 64% осужденных отметили, что увеличилось количество осужденных, стремящихся к правопослушному поведению. Желание улучшить условия отбывания наказания с момента реализации в учреждениях системы «социальных лифтов» возросло у 56% осужденных. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в пилотных ВК требуется тщательная целенаправленная работа по разъяснению осужденным цели и содержания функционирования системы «социальных лифтов».

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

И. И. Железкина

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы профессионально-ориентированной подготовки специалистов, условия реализации новых форм образовательной деятельности. Предлагаются результаты экспериментальных исследований, определяющих эффективность использования структуры и содержания обучения.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, формы образовательной деятельности, теоретико-прикладная лекция.

The summary: in article problems of the is professional-oriented preparation of experts, conditions of implementation of new forms of educational activity are considered. Results of the experimental researches defining efficiency of usage of structure and the content of training are offered.

Keywords: the is professional-oriented training, forms of educational activity, teoretiko-application-oriented lecture.

Современные требования, предъявляемые к специалистам пенитенциарных учреждений, диктуемые временем, определяют необходимость наличия высокого профессионального уровня. Мастерство психологов, воспитателей, специалистов по социальной работе, работающих с различными категориями лиц, находящихся в местах лишения свободы, раскрывается в процессе выполнения профессионально значимых

задач, перечень которых расширяется и меняется с каждым годом и требует различных способов их разрешения. Успешность их решения зависит от наличия у сотрудников пенитенциарных учреждений способностей к освоению и реализации эффективных, научно обоснованных технологий, приемлемых в работе со спецконтингентом.

Как показывают теория и практика, специалисты учреждений, исполняющих наказания, сталкиваются с проблемой поиска необходимого профессионального инструментария. В современных научно-практических разработках не всегда раскрываются полноценные потребности для решения практических задач данной профессиональной области, отмечаются случаи недоступности их правильного понимания в процессе использования. В настоящее время ситуация эффективности результатов деятельности специалистов исправительных учреждений во многом зависит от наличия у них необходимого уровня теоретических знаний, умения их правильно использовать.

Освоение и умелая реализация различных методов работы с осужденными определяют потребность в дополнительном обучении специалистов-практиков, чья деятельность опирается на социально-психолого-педагогические знания, с использованием новых образовательных технологий, обеспечивающих эффективность усвоения теорети-

ческого материала. Для этого возможен пересмотр ранее используемых методов, форм, средств образовательной деятельности. Предполагается, что полученные знания будут способствовать улучшению качества работы с лицами, находящимися в местах лишения свободы, формированию профессиональных компетенций и стремлению к самосовершенствованию у сотрудников пенитенциарных учреждений.

С целью разрешения выделенных проблем была разработана и апробирована тема «Особенности использования форм работы с различными категориями осужденных специалистами пенитенциарных учреждений в процессе реализации содержания программ в школе подготовки к освобождению». База проведения — Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Орловской области, исправительная колония № 6 (п. Шахово). Участниками данного мероприятия стали сотрудники, занимающие руководящие должности (например, старший инспектор ОБРО УФСИН, начальники психологических лабораторий учреждений и др.), воспитатели, психологи, специалисты по социальной работе ИУ УФСИН по Орловской области. В связи с возможностью возникновения трудностей в восприятии теоретического материала специалистами-практиками, использовались особые подходы к процедуре построения и изложения теоретического материала, а также к структуре его содержания.

Основой указанного мероприятия стало использование такой формы обучения, как научно-практический семинар. Научно-практический семинар — это форма обучения, которая способствует расширению имеющих-

ся профессионально-ориентированных знаний через использование углубленного понимания их научно-теоретической основы с целью их качественной реализации на практике.

Задачей научно-практического семинара стало развитие у специалистов-практиков самостоятельного логического мышления, умения отстаивать свою точку зрения, определяющих возможность формирования и развития их профессиональной интуиции. Профессиональная интуиция — это некое предвидение профессиональных действий, потребность в проведении научно-исследовательской работы, результаты которой в дальнейшем перевоплощаются в разработку и реализацию инновационных форм работы по решению профессиональных задач.

Особенностью реализации научно-практического семинара в рамках практико-ориентированного обучения является его насыщение различными видами обсуждения теоретического материала, которые предполагают эффективность его усвоения. Для этого определяется необходимость использования таких видов деятельности процесса обучения, как дискуссии, включение элементов проблемности, использование игровых методов работы.

Дискуссия способствует активной умственной деятельности, выступает в качестве коллективной формы работы, развивает навыки критического суждения, используется в различных формах обучения (лекции, семинары). Включение элементов проблемности создает условия, в которых обучаемый с учетом индивидуальных способностей и уровня профессиональной подготовки частично самостоятельно добивается результата

понимания рассматриваемой проблемы через постановку цели, задач, выбор эффективных способов решения. Использование игровых методов работы способствует закреплению понимания полученных теоретических знаний через возможность апробации и сопоставления с имеющимся опытом использования. Включение таких видов деятельности в структуру научно-практического семинара формирует профессионально значимые качества: трудолюбие, волю, настойчивость.

Структурная особенность научно-практического семинара состояла в разбивке основной темы на три этапа:

1) рассмотрение наиболее сложных для восприятия разделов исследуемой темы («Теоретико-методологические основы содержательной сущности тренинговых занятий», «Характеристика основных видов тренинга, приемлемых для работы специалистов учреждений исполнения наказаний») в форме проблемно-практической лекции;

2) изучение тех разделов основной темы, которые предполагали практическую апробацию в аудиторных условиях («Характеристика основных тренинговых форм, достоинства и недостатки», «Практическая значимость использования индивидуальной, групповой и других форм тренинговых занятий в работе с осужденными»);

3) реализация практической направленности, которая усматривается в месте проведения (на базе колонии для осужденных женщин ИК-6 УФСИН России по Орловской области) и следующих способах проведения:

– практический показ различных форм работы с осужденными женщинами, используемый в учреждении ис-

полнения наказаний (ролевая игра тема: «Прием на работу, увольнение с работы»; индивидуальный тренинг «Ответственность родителей за воспитание детей» и т. д.);

– круглый стол по проблеме: «Возможность реализации новых форм работы с различными категориями осужденных на разных этапах нахождения в колонии» с обсуждением выявленных достоинств и недостатков с учетом изученных научно-теоретических основ проведения тренинговых занятий.

Эффективность освоения предложенной темы рассматривалась не только через поэтапное использование различных условий проведения научно-практического семинара, но также и через особое построение содержания проблемно-практической лекции. Традиционно лекция — это форма передачи учебного материала. Выделяют следующие *типы* лекций: вводные, текущие, заключительные; *информационные*; *проблемные*; *виды* лекций: лекция-дискуссия, лекция-консультация, лекция-пресс-конференция, лекция-провокация, лекция-исследование и др.; используемые в процессе *приемы*: начало лекции — связь темы с прошлым занятием, актуализация темы с будущей практикой, указание на сложность темы, историческая справка; *основная часть* лекции — сопоставление различных подходов; высказывание мнений студентов; постоянный контакт с аудиторией; сведения с конференций и др.

Проблемно-практическая лекция — это особая форма подачи учебного материала, имеющая структурно-логические компоненты, обусловленные смысловой научно-практической значимостью. Учебный материал для лучшего

запоминания и усвоения в проблемно-практической лекции делится на смысловые единицы. Каждая из них представляет собой отдельную часть целого текста, имеющего определенный смысл, которая необходима для запоминания и что особенно важно не только предполагает понимание ее использования в практической деятельности, но и создает условия для ее переосмысления.

Особенностью содержания изучаемой темы является завершение ее отдельных рассматриваемых понятий проблемно-практическими вопросами. Проблемно-практические вопросы в рамках подобной лекции — это детальное обсуждение теоретических основ определенной темы через вопрос, который предполагает рассмотрение и усвоение предложенного теоретического понятия через призму определенной практической области применения.

Сложность изучения данных разделов темы для специалистов-практиков усматривается в ее сугубо теоретическом содержании. Как показали исследования (предварительный устный опрос сотрудников УИС), именно эта часть обучающего материала, представляющего собой теоретическое обоснование изучаемого процесса (описание понятий, принципиальных направлений реализации и т. д.), имеет опосредованное восприятие и использование на практике. Иными словами, ему не придается особая значимость. Считается, что трактовка ключевого понятия и его методологическое обоснование не влияет на эффективность практической деятельности. Больше внимание уделяется на рассмотрение методов, средств, приемов, и это является ошибочным.

Доказательством того, что знания теоретических основ используемых в практической деятельности средств — это наиболее слабая сторона профессиональной подготовки специалистов-практиков, выступает проведенное исследование с использованием теста достижений профессиональных знаний после рассмотрения тем указанной части семинара (после проведения теоретико-прикладной лекции). Для выявления имеющихся проблем были предложены вопросы на определение уровня усвоения учебного материала, качественных характеристик и возможности использования изученных теоретических основ на практике.

Кроме того, анализ полученных результатов рассматривался с учетом занимаемой должности специалистов-практиков в определенном исправительном учреждении. Для этого было выделено четыре группы участников, в которых имелись подгруппы в зависимости от реализации профессиональной деятельности в конкретном учреждении. В общей сложности анализ результатов проводился в следующих группах: 1) руководители; 2) воспитатели; 3) психологи; 4) специалисты по социальной работе.

В процессе исследований получены следующие результаты. Средний показатель полноценного усвоения ключевых понятий с учетом занимаемой должности специалистов-практиков — 92,62% исследуемых случаев. При этом средний показатель усвоения рассматриваемого понятия несколько снижен только в двух группах — 76,19% (воспитатели) и 50% (специалисты по социальной работе). Показатель освоения части текста с методологическим обоснованием

имеет следующий вид: 1) руководители — 59,8%; 2) воспитатели — 51,23; 3) психологи — 46,57; 4) специалисты по социальной работе — 31,85 %.

В среднем определяется средний уровень усвоения специалистами-практиками текста с методологическим обоснованием (47,36 %), что конкретно указывает на предполагаемую сложность для восприятия текста с таким содержанием.

Качественные показатели освоения теоретического материала:

– *руководители*: запомнилось все, отмечена практическая направленность содержания предложенного материала, проблемы, связанные с реализацией (режимные требования учреждений). Средний показатель неизвестной информации — 7,14 %. Выделены темы, наиболее актуальные в настоящее время для практики (методики, упражнения и др.), отмечена потребность в использовании полученных знаний как можно скорее;

– *воспитатели*: выделяют практическую значимость содержания лекции (66,6 %). Отмечается недостаток в методическом обеспечении (нет литературы для самостоятельной подготовки). Средний показатель неизвестной информации — 71,43 %. Все рассмотренные темы интересны, следовательно, предложенный материал актуален. Для усвоения предложенного материала отмечена потребность в практических заданиях, необходимости апробации теории в реальных условиях;

– *психологи*: выделяют значимость практической насыщенности в содержании лекции, трудности в выборе времени без нарушения режима содержания для проведения тренингов,

проблемы, связанные с проведением тренингов (изолированность не всегда возможна для спецконтингента, не используются разнообразные формы; сложность в процедуре самораскрытия на общение, откровение спецконтингента). Средний показатель неизвестной информации — 30,33 %. Для усвоения предложенного материала отмечена потребность: в практическом обыгрывании тем; изучении тем на коммуникативное взаимодействие, процедуру проведения диагностических исследований; специальном методическом сопровождении; изучении теории; создании условий на местах для ее реализации. В работе с осужденными женщинами сложно быть сдержанным (возможен повышенный эмоциональный фон). Предложены темы для дальнейшего рассмотрения: интерес представляют темы, которые раскрывают методологический аппарат изучаемых процессов, темы исследовательского характера на выявление причин совершения преступлений;

– *специалисты по социальной работе*: определена значимость показа практического применения теоретического материала. Средний показатель неизвестной информации — 39,42 %. Для усвоения предложенного материала отмечена потребность: в практическом показе, использовании полученных знаний на практике, более частом проведении обучения. Интерес представляет практическое применение форм тренинговой работы, ролевых игр, составляющие компоненты тренинга, работа в малой группе. Отмечена проблема с частой сменой состава группы.

Практическое применение рассматриваемой темы:

– *руководители*: определена возможность и необходимость практического применения тренинговой работы, приемлемость принципов организации тренинговой группы в УИС и всех перечисленных. Реализация такой работы должна строиться с учетом требований учреждения. Ранее неизвестной, а следовательно, и не применяемой в таком широком спектре является классификация тренинговых групп, роли ведущего. На практике определяется приемлемость всех указанных условий (особенно самораскрытие восприятие других), методик, групп (Т, Б, Г), ролевых позиций руководителя группы (активно участвующий руководитель, аналитик, комментатор, член группы, посредник), чередование стилей в зависимости от ситуации. Выделены наиболее приемлемые черты личности руководителя тренинговой группы в работе с осужденными: гибкость, терпимость, эмпатия, энтузиазм, оптимизм, концентрация на участнике тренинга, восприимчивость, высокий интеллект, богатое воображение. В качестве рекомендаций: необходимо чаще применять теорию на практике;

– *воспитатели*: отмечены приемлемость в работе воспитателя изученных форм, условий; потребность в проведении тренингов в период подготовки к освобождению; рациональность использования видов тренинговых групп (малая группа, «малая» большая группа, индивидуальная, карусель); возможность использования в работе воспитателя принципов тренинговой работы (добровольное участие, взаимодействие в стиле диалога, постоянство состава группы); приемлемость ролевых позиций руководителя группы (руководителем, наблюдателем); предпочтительность в

работе с осужденными авторитарного и либерально-демократического стилей руководства группой; основные характеристики руководителя в работе с осужденными (уравновешенность, терпимость, целеустремленность, добросовестность);

– *психологи*: определена возможность использования в ВК малого тренинга с обязательным учетом личностных качеств руководителя, принципов добровольного участия, постоянной обратной связи, постоянного состава группы, необходимость рационального выбора времени проведения тренинга; выделены основные черты руководителя (уравновешенность, терпимость, оптимизм). Отмечена необходимость уделять внимание развитию у сотрудников ИУ коммуникативных навыков. В работе с осужденными в строгом режиме содержания выделяется возможность использования принципов тренинга (добровольность, диалог, постоянный состав, направленность обратной связи здесь и сейчас); видов тренингов (индивидуальная, парная, малая, карусель, аквариум); ролевых позиций руководителя группы (активный руководитель, аналитик, технический эксперт); стилей руководства (авторитарный, демократический); выделены черты руководителя группы (терпимость, сильная нервная система, интуиция, эмпатия, оптимизм, гибкость, высокий интеллект).

В тренинговой работе с осужденными женщинами выделена возможность использования принципов добровольности участия, взаимодействия в стиле диалога, обратной связи, баланса комфорта, направленности на принятие результатов тренинга в жизнь; приемлемость использования форм и видов групп (ка-

русель, Г-группы); ролевые позиции в работе с осужденными женщинами (эталонный участник, аналитик, член группы, руководитель, комментатор, участник); стиль руководства (авторитарно-демократический); личностные черты руководителя группы в работе с осужденными женщинами (эмпатия, эмоциональность, оптимизм, уверенность в себе, высокий интеллект);

– *специалисты по социальной работе*: определена возможность применения к воспитанникам ВК метода ролевых игр, видов тренинга (Т, Б, Г-групп); выделены личностные черты руководителя группы (эмпатия, терпимость, уверенность в себе, осознание себя, воображение, интуиция). В работе специалиста по социальной работе в СИЗО приемлемым является использование ролевых игр, упражнений, принципа «погружения», предложенных форм тренингов. Отмечена рациональность использования парной работы. Значимая ролевая позиция руководителя группы в СИЗО — уравновешенность; стиль руководства в группе — авторитарный; личностные черты руководителя группы — уверенность в себе, интуиция, высокий интеллект. Возможность использования рассмотренных условий тренинга в колонии-поселения: принципы организации тренинговой группы добровольности, обратной связи, изолированности и комфорта; стиль руководства — демократический; основное условие для проведения тренинга — свободное обсуждение. В строгом режиме содержания возможность использования: ролевых игр; принципов организации тренинговой группы (добровольное участие, диалог, постоянный состав группы); стиля руководства (либеральный);

личностных черт руководителя группы (желание помочь, эмпатия, терпимость, осознание своих потребностей, воображение, интуиция). В общем режиме содержания на практике возможно применение ролевых игр; принципа постоянства состава группы; видов групповой работы (круг, аквариум, карусель, Т, Б, В, Та, Пси-группы); стиля руководства (авторитарно-демократический). В работе с осужденными женщинами отмечены трудности в проведении тренинга из-за отсутствия активности, добровольного участия, доверия в группе осужденных; возможность использования в тренинговой работе форм (Г-группы, аквариум, «малая» большая группа); ролевых позиций руководителя группы (руководитель, аналитик, эталонный участник, посредник); стиля руководства (авторитарно-демократический, либерально-демократический); личностных черт руководителя группы (уравновешенность, терпимость, оптимизм, уверенность в себе, высокий интеллект).

Любая практическая деятельность на современном этапе развития нашего общества часто подвержена переменам. Изменения социально-политического, экономического, правового характера прежде всего отражаются на содержании социально-педагогической деятельности, и особенно на реализации деятельности социально-педагогической направленности в уголовно-исполнительной практике. Подобная ситуация оказывает влияние на развитие теории и практики. Отмечается тенденция опережения потребностей практики в новых методах и подходах для улучшения решения насущных практических задач и несоответствие научно-теоретических предло-

жений, которые часто усматриваются в недопонимании значимости теоретических основ на практике.

Таким образом, возникает противоречие между потребностью практики и возможностями теории, что обуславливает важную проблему, которая усматривается в первую очередь в правильном донесении сущности научно-теоретических разработок до специалистов-практиков. Одним из способов решения возникшей проблемы является не просто донесение теории и определение возможностей для правильного понимания практической значимости предложенного материала, но и создание условий способствующих переосмыслению, развитию и созданию иного реального теоретико-прикладного содержания. Подходящим вариантом решения этого вопроса и разрешения

возникших противоречий может быть использование иных подходов к проектированию содержания процесса обучения, технологий и форм образовательной деятельности.

Литература

1. Виленский В.Я., Образцов П.И., Уман А.И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе. — М., 2005.
2. Гузев В.В. Методы и организационные формы обучения. — М., 2001.
3. Дьяченко В.К. Организационная структура учебного процесса. — М., 1989.
4. Зеер Э.Ф. Профессионально-образовательное пространство личности. — Екатеринбург, 2002.
5. Игнатьева Е.Ю. Технологии профессионально-ориентированного обучения. — Великий Новгород, 2002.
6. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. — М., 1981.
7. Махмутов М.И. Теория и практика проблемного обучения. — Казань, 1972.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ, ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА

Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин, Ю. Н. Гольшева

Аннотация: в статье рассматривается духовно-нравственное развитие осужденных как фактор их личностного роста в период отбывания наказания.

Ключевые слова: духовность, молодежный возраст, личностный рост, осужденный.

The summary: the article deals with the spiritual and moral development of the convicts as a factor in their personal growth while serving their sentences.

Keywords: spirituality, youth age, personal growth, the convict.

В психологической науке все чаще поднимаются вопросы духовности и духовно-нравственного воспитания личности. Их актуальность определяется состоянием современного российского общества, характеризующимся глубоким кризисом духовности, охватившим все стороны жизнедеятельности человека. Как в свое время подчеркивал А.В. Юревич, исследования в новой отрасли психологического знания — макрпсихологии — приводят к выводу о невозможности экономического и технологического развития общества при современном уровне его нравственного состояния [8].

Проблема духовно-нравственного бытия человека является основополагающей, поскольку ее решение в конечном счете определяет характер и направление его развития, формирования его личности, выбор жизненного пути, в особенности это касается молодежи.

В отечественной психологии проблема духовности и нравственности получила освещение в работах таких классиков психологии, как Л.С. Выготский, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Д.Н. Узнадзе. В современной психологии она выступает предметом рассмотрения в исследованиях К.А. Абульханова-Славской, А.В. Брушлинского, В.И. Слободчикова, В.Н. Дружинина, Ф.Е. Василюка, М.И. Воловиковой, В.В. Знакова, В.А. Елисеева, В.Д. Шадрикова и др. В настоящее время в психологических исследованиях проблемами духовности занимаются Б.С. Братусь, А.В. Лоргус, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, Д.В. Сочивко и др.

В условиях гуманизации отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы особое значение придается вопросу усиления нравственного воздействия на осужденных, к решению которого привлекаются также и представители фундаментальных религиозных конфессий, в подавляющем большинстве случаев Русской православной церкви. Накопленный в последние годы опыт взаимодействия церкви и исправительных учреждений активно востребуется. Происходит это по ряду причин, прежде всего, исторического, социально-психологического и правового характера.

В современной психологической науке духовность человека рассматривается в разных противопоставлениях с устоявшимися психологическими кон-

структами, что позволяет авторам иллюстрировать те или иные аспекты духовности личности как характеристики человеческого бытия. Попытка систематизировать эти аспекты изучения духовности, точнее даже просто свести их в единый список, на данный момент является трудно разрешимой задачей в силу размытости самого понятия духовности как психологического концепта. Тем не менее даже при всей допустимой неполноте получаемых списков это необходимо сделать, так как исследования духовности человека в настоящее время, как нам представляется, переходят в свою синтетическую фазу — поиска единого объяснительного принципа этого понятия именно как психологического конструкта. Мы бы предложили следующие противопоставления, которые могли бы лечь в основу построения психодинамического изучения духовности как главного и наимощнейшего энергетического ресурса человеческого поведения. Последнее, наверно, не нужно специально пояснять, достаточно вспомнить, что за свои духовные убеждения люди нередко готовы жертвовать своей жизнью.

Духовность versus ценностно-смысловая сфера личности. Духовное развитие личности придает смысл жизни человека; в ней он черпает ответы на волнующие его экзистенциальные проблемы: о смысле жизни, критериях добра и зла, истины и заблуждения, красивого и безобразного. Она открывает человеку доступ к любви, совести, чувству долга, правосознанию и государственности, искусству, науке и религии, указывает человеку, что является для него главным и наиболее ценным, дает ему то, ради чего стоит жить [2]. Духовность субъекта или «индивидуальный

дух» представляет собой ответственное принятие и следование высшим образцам совокупной человеческой культуры: переживание нравственных норм общечеловеческого бытия как внутреннего «категорического императива», усвоение высших ценностей родового бытия человека как своих собственных.

В психологическом плане духовность характеризуется понятиями разума и мышления, миром человеческих идей и созерцаний, такими эмоционально-волевыми свойствами и состояниями, как доброта, любовь, раскаяние, смирение. С общественной точки зрения она представляет собой идеальный комплекс норм, которые выступают по отношению к субъекту и обществу не как данность, а как заданность и непреложный императив [2]. Итак, подобный подход делает акцент на проявлении духовности как характеристике культурно-исторической определенности человеческого бытия, его последующей христианизации [2].

Духовность versus мораль и нравственность. В.В. Знаков отмечает, что в большинстве этических учений нравственность отождествляют с моралью: «Нравственность — понятие, являющееся синонимом морали (русский вариант латинского термина “мораль” происходит от слова “нрав”). Вместе с тем для многих исследователей очевидно, что нужно различать мораль как форму общественного сознания (систему норм, требований к правилам поведения в межличностных отношениях, предъявляемых человеку обществом) и нравственность как социально-психологическую характеристику личности (отвергающей или принимающей эти требования, осознающей их необходимость и испытывающей внутреннюю потребность в ис-

полнении моральных норм, следовании им» [4]. При этом автор подчеркивает, что нравственные представления и поведение людей могут расходиться. С этической точки зрения некоторые поступки (обман, безответственность, беспринципность) являются моральными. Субъект может нарушать моральные нормы, не понимая, в чем состоит его моральный долг перед людьми, при этом часто подыскивая убедительные, по его мнению, психологические оправдания своего поступка. Как бы не рассматривать эту проблему с точки зрения этики, с точки зрения психологии мы имеем здесь специфическое содержание именно индивидуальной духовности. Появляется возможность говорить, например, об искаженной, дефицитарной или даже извращенной духовности преступников или осужденных. В этом случае возникает и главная проблема человеческой духовности, оторванной от религии и церкви. Можно говорить, в частности, о высокой (слишком высокой) духовности серийного убийцы проституток, который возомнил себя ангелом-мстителем. Вся проблема заключается именно в том, что перечисленные подходы не исключают таких форм духовности, а следовательно, духовное развитие утрачивает возможность направлять личностный рост и социализацию личности.

Духовность versus совесть. В таком противопоставлении совесть понимается скорее в первичном этимологическом смысле как сознание, а точнее осознание своих асоциальных, аморальных и безнравственных поступков (грехов). В бытовом плане совесть понимается как регулятор поведения, но это не верно. Регулятором остаются разум и воля (не случайно Б. Спиноза считал, что

это одно и то же), которые изменяются в результате исповеди (в переводе с греческого исповедь звучит как «изменение ума»). Считать совесть непосредственным регулятором поведения является с религиозной точки зрения заблуждением. Раскольников в романе Ф. Достоевского долго мучился совестью, но ум свой не менял, разве что в самом конце романа после нескольких лет каторги. Это заблуждение вновь лишает духовность ее энергетического потенциала в социализации и развитии гармоничной личности духовного человека. Так, В.В. Знаков пишет: «Поэтому самосознание в нравственном аспекте — это не сознание собственной значимости, а сознание собственной ответственности. Для него более характерно состояние вины, чем состояние довольства, удовлетворенности» [4]. Однако и маньяк может чувствовать ответственность и вину за то, что не смог убить еще пару женщин легкого поведения. И это его совесть **versus** высокая, но извращенная духовность.

Духовность versus подсознание.

На наш взгляд, это обратная сторона проблемы совести как осознанности своих действий и поступков, их побудителей, духовного содержания. Акцент на подсознании, делаемый глубинной психологией, ставит проблему некоторой «бессовестной» духовности, хорошо проиллюстрированной в трудах З. Фрейда, К. Юнга, П. Сартра.

Среди современных исследований можно привести мнение А.Л. Канапацкого: духовные свойства личности связаны, как с сознанием, так и с бессознательной сферой. Так, совесть и любовь как аксилаты, содержательно входящие в тезаурус индивидуализированных цен-

ностей духовности, коренятся в интуитивных глубинах бессознательного, а не в сфере рассудочно-рационального [6]. Духовность — это устойчивое, по сути, подвижно-динамическое, по характеру, и нелинейное, по системной организации иерархических взаимовлияний и связей всех элементов духовной реальности, идеально-смысловое образование, способное производить в человеке личностные эффекты и преобразования. Духовная жизнь регулируется образом нравственного абсолюта; это живая, деятельная жизнь, характеризующаяся стремлением стать этим абсолютом, и не достигающая этой цели в силу того, что это стремление по своей сути бесконечно [6, с. 35]. Остается только вопрос, что это за деятельная жизнь, и что это за абсолют. Жизнь криминального авторитета тоже очень деятельна и по-своему очень духовна.

Духовность versus воля (свобода воли). Это противопоставление, этот аспект духовности, взятые вне религиозности человека, вновь ведут к извращенным формам духовности, которые кратко и емко представил Ф. Достоевский в романе «Братья Карамазовы»: «Если Бога нет, значит все позволено».

Духовность versus социальная среда. Как было показано ранее, формирование духовности человека, замкнутое на его индивидуально-личностных особенностях, может вести к различным формам хотя и высокой, но извращенной духовности. Именно социум регулирует направление развития духовности, но и он не всегда делает это в нужном и единственно правильном направлении. Самым ярким примером тому являются национал-социализм, фашизм, другие формы тоталитарных идеологий, кото-

рые исторически практически всегда первые свои репрессии обрушивают на христианскую (православную) религию и церковь, либо вовсе запрещая, либо извращая основы веры до неузнаваемости. Тем не менее при наличии свободной религиозности в обществе как института завершающего формирование духовности человека социальные механизмы ее начального формирования обретают первостепенное значение.

А.А. Андрушкевич, исследуя первопричины духовно-нравственного здоровья, пишет: «Духовность выражает, прежде всего, нравственные, справедливые начала общественной жизни, свободу мысли, моральные нормы поведения в обществе, примат добра над злом» [1]. Она выступает как компонент мировоззрения человека, фрагмент его знания. Под духовностью человека понимается его способность различать и выбирать истинные нравственные ценности и подчинять им свои поступки, поведение, способ жизни.

Представляет интерес понимание автором духовности как реализации свободы воли, воплощающей в себе сущностное качество человека.

Подчеркивается, что духовность человека наиболее ярко проявляется в выборе идеальных нравственных ценностей. Выбор же истинных ценностей и способы включения их в процессы регуляции поведения и деятельности человека приводятся в действие человеческой волей. Отсюда следует вывод, что каждому человеку на его пути обретения духовности необходим собственный опыт испытания не только позитивных, но и ложных ценностей, чтобы затем на основе их сравнения опознавать и выбирать только истинные нравственные ценно-

сти и руководствоваться ими в своей жизнедеятельности [1]. Таким образом, управление волей, ее взращивание, направление на выбор ценностей, подчинение им своего способа жизни в совокупности образуют комплекс духовных способностей человека. Добавим только, что это управление в значительной мере осуществляется социумом.

Духовно-нравственная сущность человека проявляет себя в «чувственно-информационно-волевой» сфере личности [1, с. 23]. Как отмечает А.А. Андрушкевич, духовность — источник активности человека, условие роста и усложнения его психического мира, внутренняя детерминанта действий и поступков человека, способа его жизни в целом. Она определяет направленность личности, способствует ее спасению от безнравственного, губительного пути, сохранению физического и психического здоровья, выживанию человека в социальной среде, а в макромасштабе — поступательному развитию общества и всего человечества [1]. Далее автор приходит к завершающему моменту формирования духовности человека. Духовно-нравственное развитие и совершенствование личности определяется как процесс формирования новых ценностных ориентаций нравственного плана, *главная из которых — вера в Бога*.

Апеллируя к понятию божественного как высшей ценности и смыслу, А.А. Андрушкевич выстраивает следующую логическую цепь:

а) быть нравственным — значит жить по совести;

б) жить по совести может истинно верующий человек, признающий Бога не только как реальность, но и устанавли-

вающий с ним персональные взаимоотношения;

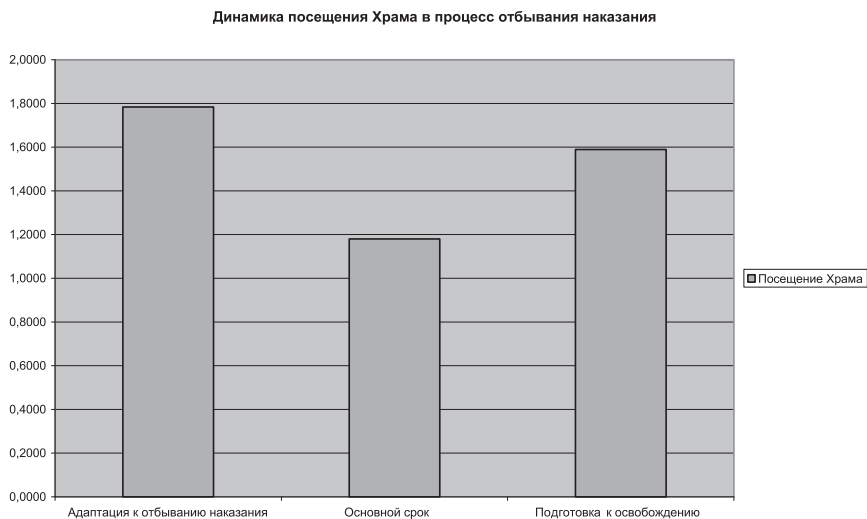
в) человек может знать Бога и жить по совести, то есть быть духовно-нравственным;

г) духовно-нравственное возрождение человека осуществляет Бог, и этот процесс начинается с персонального осознанного выбора человека: нравственности научить нельзя (например, знание этики еще не делает человека нравственным);

д) благонадежность человека как потенциального и реального субъекта на всех уровнях его бытия (личностном, гражданском и профессиональном) возникает лишь в том случае, если он характеризуется духовно-нравственной зрелостью, руководствуется в своих действиях поступках собственной совестью, осознает высший смысл — смысл Бога [1, с. 56].

Соединение в едином подходе перечисленных аспектов является в настоящее время актуальной проблемой исследования психологии духовности, которую разные авторы решают по-разному и с той или иной степенью полноты.

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев пишут: «В философско-психологической литературе духовное начало человека связывают с общественным и творчески-созидательным характером его жизнедеятельности с включенностью человека в мир культуры...». И далее: «Нравственность есть одно из измерений духовности человека... Духовность придает смысл жизни отдельному человеку, в нем человек ищет и находит ответы на вопросы, зачем он живет, каково его значение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и безобразное» [7].

Рис. 1

Итак, позитивное развитие духовности человека не может замыкаться на его индивидуально-психологическом и даже личностном развитии, но должно происходить на основе активного взаимодействия с социумом, причем на двух уровнях его организации, а именно окружающей социальной среды и религиозно-духовной среды (церкви).

Перейдем теперь к анализу некоторых эмпирических данных, иллюстрирующих изменение духовности молодых людей, совершивших преступление, то есть с изначально (уже при поступлении в исправительное учреждение) извращенной духовностью.

Мы провели реферирование соответствующих методик исследования духовной сферы современной молодежи и построили аналогичную методику, адекватную более узким целям нашего исследования, направленного на изучение динамики некоторых аспектов духовно-нравственного отношения к действи-

тельности в связи с изменениями религиозности и воцерковленности осужденных молодежного возраста [3].

Для оценки религиозности осужденных молодежного возраста нами специально была разработана анкета, включающая вопросы, касающиеся посещения храма, принятия Святых Христовых Тайн, молитвы, изучения Евангелия и Закона Божия. Для оценки духовно-нравственного состояния оценивалась динамика (методом срезов) различных показателей данной анкеты, релевантных к этой сфере, таких как агрессивность, сочувствие к жертве, отношение к окружению, родственникам и др. Всего был обследован 131 осужденный до 23 лет в одной из женских колоний Подмосковья. Сразу следует отметить, что нами была выявлена по средним величинам положительная динамика как формирования духовно-нравственного отношения к действительности по оцениваемым аспектам, так и изменения рели-

гиозного сознания. Мы не утверждаем, что в данном случае имеются какие-то прямые или обратные зависимости, возможно обе эти положительные динамики происходят из какого-то третьего воспитательного источника создания в колонии общего фона для положительного нравственного исправления.

Начнем наш анализ с динамики религиозного отношения к действительности.

Из рисунка 1 один можно видеть, что посещение Храма несколько снижается в основной период отбывания наказания, но вновь возрастает в период подготовки к освобождению. Это говорит уже о достаточно устойчивой установке по отношению к Храму, сформировавшейся во время отбывания наказания, так как человек уже близок к свободе, но не забывает Храм, то есть не погружен полностью в праздные помыслы, которые сможет удовлетворить на воле. Снижение активности в посещении Хра-

ма в период отбывание основного срока можно объяснить типичной для многих новоназначных (как в местах лишения свободы, так и в обычных условиях жизнедеятельности) успокоенностью, некоторым временным чувством «выполненного» перед Богом долга. Однако перспектива изменения условий жизнедеятельности и освобождения вновь ставят перед человеком, женщиной проблему выбора: что делать на воле? — Вновь предаться праздности, подкрепленной криминалом, или же начать меняться, опираясь на заповеди и христианский образ жизни. Для многих второй вариант становится предпочтительным, и это, несомненно, отражает положительную динамику как духовно-нравственного, так и религиозного воспитания в местах лишения свободы.

В целом можно отметить, что само посещение Храма еще не является существенным шагом в направлении обретения религиозного сознания, которое

Отношение к исповеди в разных группах осужденных женщин

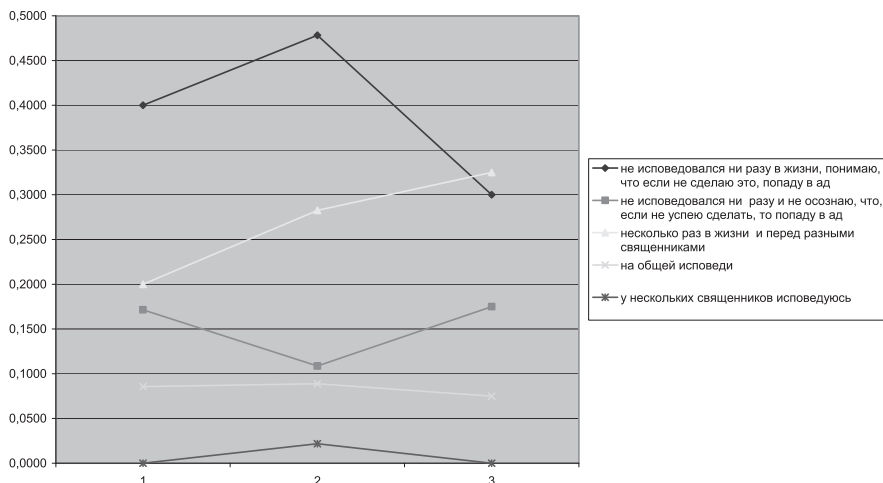

Рис. 2

Динамика посещения Храма и причащения в процессе отбывания наказания осужденными женщинами молодежного возраста

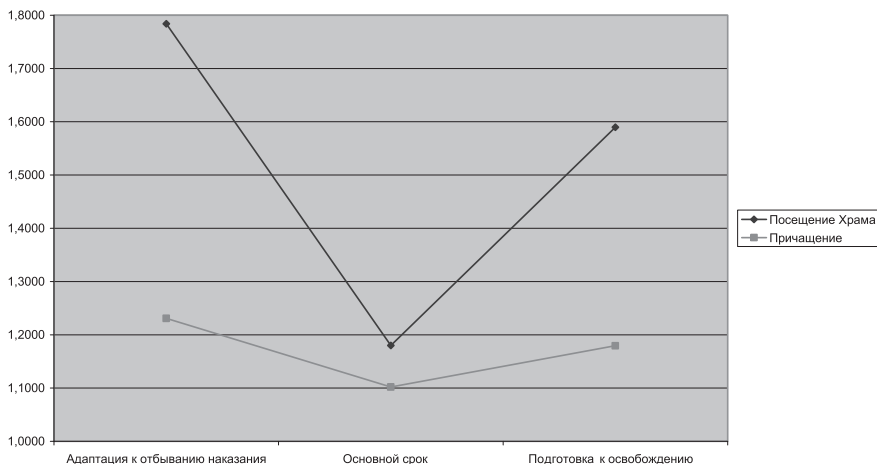

Рис. 3

могло бы лечь в основу исправления и изменения личности в сторону правооптимального христианского поведения.

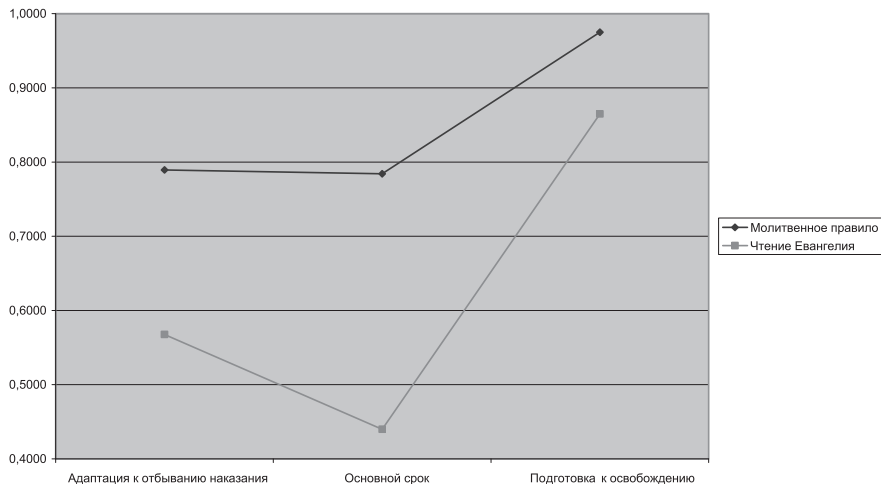
Важнейшим инструментом воздействия Церкви через индивидуальную веру на личность, инструментом порождения положительных изменений как сознания, так и поведения человека, является исповедь. Само слово исповедь по-гречески имеет именно это значение: метанойя — изменение ума.

Из рисунка 2 хорошо видно, что количество никогда не исповедовавшихся в период отбывания наказания снизилось от почти половины осужденных в основной период отбывания наказания до трети перед освобождением. В свою очередь, количество исповедующихся постоянно линейно растет от периода адаптации к периоду подготовки к освобождению. Это указывает на то, что осужденные женщины молодежного возраста в процессе отбывания наказания (конечно, не все, но существенная

их часть) все больше обретают понимание исповеди именно в ее прямом назначении как инструмента изменения собственного сознания, личности и поведения, освоения нового не только просоциального, но и даже неагрессивного, мирного образа жизни, то есть как инструмента ресоциализации после освобождения.

Другим важнейшим действием церкви на изменение сознания ее членов является причащение Святых Христовых Таин. Причащение закрепляет исповедь, выстраивая в личности барьер против соблазнов мира, в том числе криминальных. О мистической стороне вопроса мы здесь не говорим. Значение этого таинства еще недостаточно понимается осужденными женщинами, что подтверждается тем, что весь график лежит в области «причащаюсь раз в год», а следовательно, при условии нормального распределения данных более 50% причащались еще реже, и только остав-

Изменение отношения к Закону Божьему в процессе отбывания наказания

Рис. 4

шиеся пятьдесят из тех, кто считает себя верующими, в местах лишения свободы причащаются раз в несколько месяцев и чаще. Следует отметить, что психологическое понимание важности причастия является достаточно сложным и требует существенных знаний Закона Божьего. В связи с этим в данном случае в качестве положительной динамики следует отметить стремление осужденных женщин к усвоению основ православия, на что указывает рисунок 4, и тот небольшой рост причащающихся в период подготовки к освобождению (рис. 3).

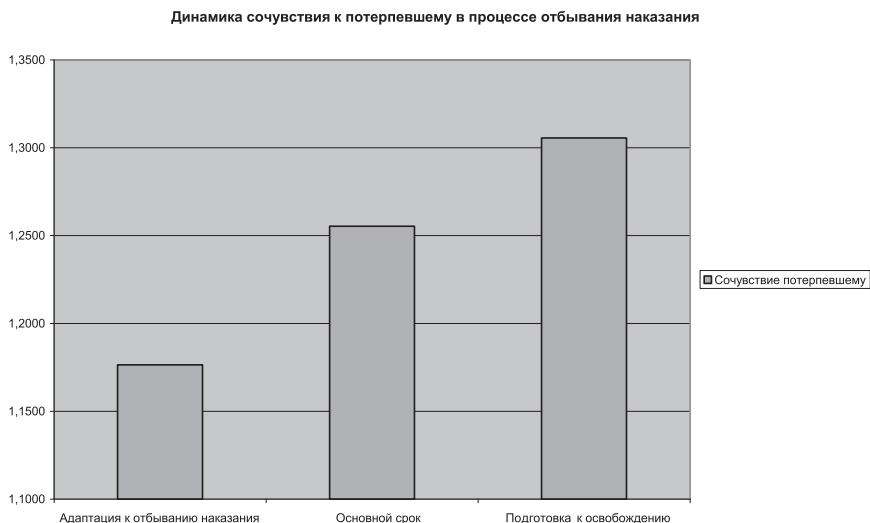
В процессе отбывания наказания изменяется отношение осужденных женщин молодежного возраста к Закону Божьему.

Из рисунка 4 следует, что в период подготовки к освобождению возрастает не только количество активно молящихся, а именно не ситуативно, а с соблюдением правила, но и активно изучающих Евангелие. Причем число обращающих-

ся к Евангелию возрастает весьма резко именно в этот период.

Из всего этого можно сделать вывод о положительной динамике формирования религиозности как основы духовно-нравственного развития в местах лишения свободы среди осужденных женщин, основы их подготовки к освобождению и ресоциализации после освобождения. Характерно, что такая динамика духовно-нравственной сферы сопровождается и соответствующей динамикой психологических показателей, отражающих позитивные изменения личностных отношений и состояний.

Обратимся к динамике некоторых показателей, отражающих изменения личностных отношений и психологических свойств, связанных с изменением духовно-нравственной сферы осужденных. Так, на рисунке 5 мы видим, как меняется сочувствие к жертве преступления в процессе отбывания наказания.

Рис. 5

Очевидно, что такой линейный рост сочувствия к потерпевшему отражает положительную динамику духовно-нравственного состояния. Можно говорить о реальном «изменении ума», что и является, как мы указали ранее, основной целью исповеди. Характерно, что этот процесс развивается без каких-либо перерывов и снижения темпов, как мы это видели, например, по отношению к духовно-религиозному поведению. В этом случае и в основной период отбывания наказания продолжается духовная работа по переосмыслению своей жизни, изменению отношения к ранее совершенным поступкам. Это подтверждается также и другими показателями.

Согласно рисунку 6 идет последовательное снижение готовности мстить, отвечать агрессией на агрессию. Так, равномерно снижается готовность ударить другого человека в ответ на оскорбление, а готовность ударить близкого человека вообще в период подготов-

ки к освобождению сводиться к нулю (рис. 6).

Тот факт, что все эти изменения носят системный характер, подтверждает также и рисунок 7, из которого можно видеть, что одновременно происходит и снижение агрессивности в целом, а точнее снижение частоты переживания этого состояния согласно вопросу анкеты № 27.

Характерно, что из многих переживаний и состояний, предложенных для оценки в этом пункте анкеты, существенно и закономерно меняются лишь немногие: кроме агрессивности растет частота переживания сострадания (что, очевидно, свидетельствует об укреплении самой способности к состраданию), а также решимость изменить свою жизнь.

Если подойти к этому вопросу с точки зрения православной (и психологической) антропологии, то можно утверждать, что изменениям подверглись как раз те стороны духовного отношения к

Динамика оценок осужденными женщинами своей готовности ударить человека (близкого человека) в случае оскорбления

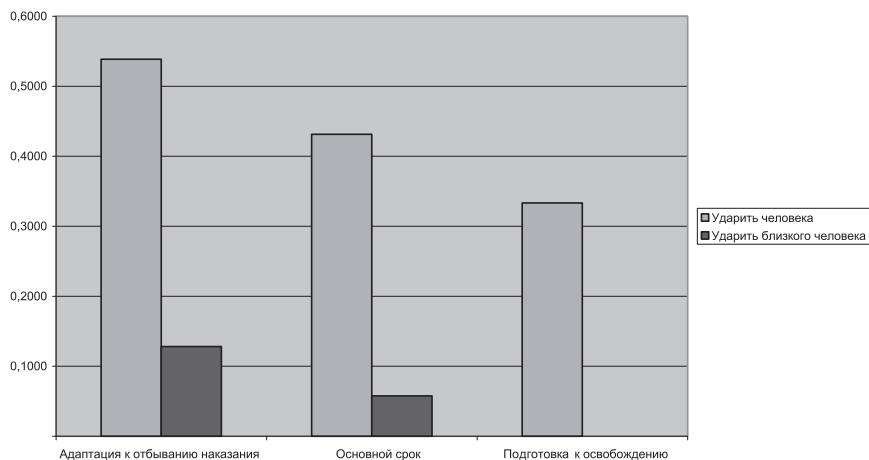

Рис. 6

действительности у осужденных женщин молодежного возраста, которые лежат в основе покаянного изменения своей личности при воцерковлении, принятии относительного православного образа

жизни, а именно «не отвечать на зло злом», более того, как писал Апостол, «Побеждайте зло добром, ибо нигде не сказано побеждайте зло злом». В нашем случае осознание этой истины отражено

Динамика снижения агрессивности в процессе отбывания наказания у осужденных женщин молодежного возраста

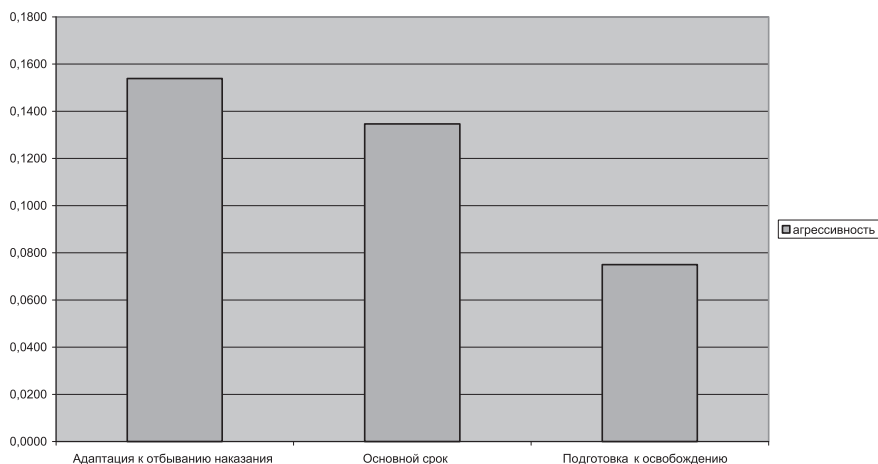

Рис. 7

Динамика изменения частоты переживания чувства сострадания в процессе отбывания наказания осужденными женщинами молодежного возраста

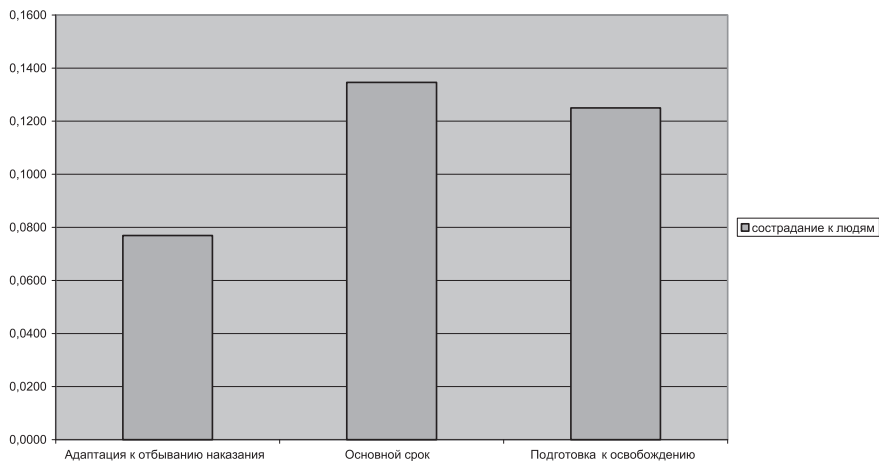

Рис. 8

в росте сочувствия, а также сострадания к людям (рис. 8), что в целом может быть представлено и основной заповедью о любви к ближнему.

Кроме того, как написано в послании апостола Иакова, «Вера без дел мертва». И здесь мы видим выраженный рост желания изменить себя, свой образ жизни, то есть делами подтвердить свое духовное развитие.

Первые дела, которые начинает все активнее делать осужденный для обеспечения духовного содержания своей ресоциализации, — это восстановление отношений со своими родственниками. Причем здесь складывается весьма интересная картина. Так, отношения с близкими родственниками, хотя и остаются на высоком уровне, по своей частоте снижаются. Возможно, это связано с тем, что они окончательно были испорчены во время совершения преступления, или близкие родственники боятся освобождения осужденной. Скорее всего, имеют

место обе тенденции. Однако при этом происходит рост частоты поддерживания отношений с дальними родственниками, что говорит о том, что осужденная в процессе отбывания наказания все активнее начинает искать опоры будущей ресоциализации, то есть ее намерение изменить свой образ жизни достаточно серьезно.

Это также подтверждается результатами, отраженными на рисунке 10. Можно видеть, что в процессе отбывания наказания растет решимость изменить свою жизнь.

Приведенные результаты были получены в женской колонии, однако мы считаем (в том числе на основе опыта практической работы в местах лишения свободы), что сделанные выводы будут актуальны как для мужчин, так и для женщин. В скором будущем мы планируем показать это на эмпирическом материале.

Основной вывод, который можно сделать, это то, что изменения духовно-

Динамика поддержания отношений с близкими и дальними родственниками в процессе отбывания наказания у осужденных женщин молодежного возраста

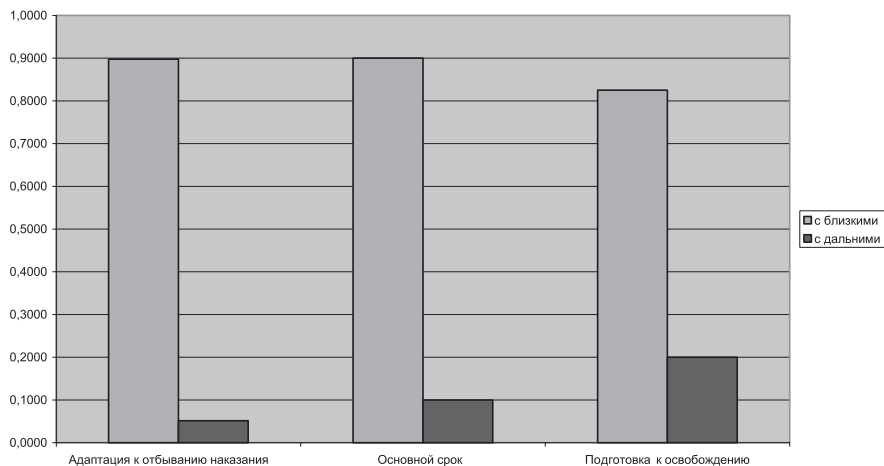

Рис. 9

Динамика изменения частоты переживания решимости изменить свою жизнь в процессе отбывания наказания осужденными женщинами молодежного возраста

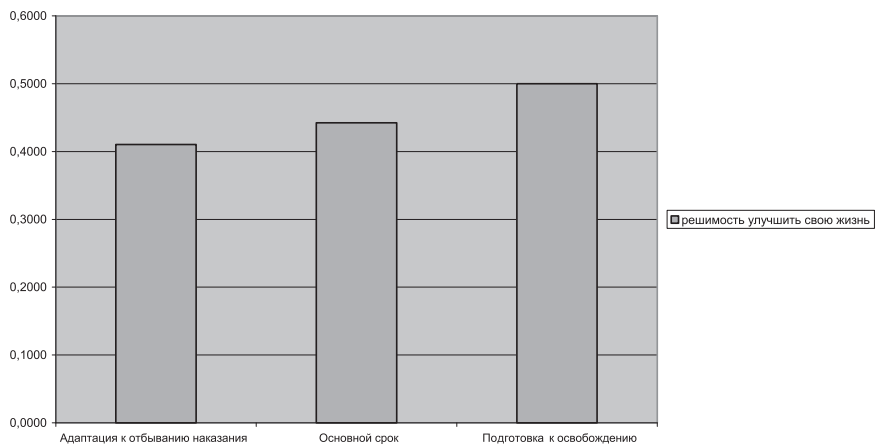

Рис. 10

нравственного содержания некоторых существенных отношений личности осужденных молодежного возраста к действительности идет рука об руку с изменениями их религиозной духовности, увеличением обращаемости к чтению

Евангелия, исповеди, посещения Храма. Кроме того, наиболее существенным изменениям подвергаются именно те содержания личностных отношений, которую в первую очередь отражены в основных христианских заповедях.

Литература

1. Андрушкевич А.А. Духовно-нравственное и нервно-психическое здоровье: медико-психологические аспекты диагностики, восстановления и формирования. — Н. Новгород, 2001.
2. Братусь Б.С. Начало Христианской психологии: учеб. пособие для вузов. — М., 1995.
3. Долг и преступление: психологические портреты / под ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2007. с. 193–249
4. Знаков В.В. Понимание субъектом правды о моральном поступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // Психол. журн. — 1993. — № 1. — С. 32–43.
5. Ильичева И.М. Психология духовности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 2003.
6. Канапацкий А.Л. Онтологическая истинность духовности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Уфа, 2004.
7. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности. М., 1995. 384 с.
8. Юревич А.В. Стратегии развития Российской науки // Социология науки и технологий. 2010. Том 1, № 1.

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Д. В. Горбач

Аннотация: данная работа посвящена анализу положительного опыта зарубежных стран при применении условно-досрочного освобождения (УДО) от пожизненного лишения свободы и возможности создания своего компетентного органа, который будет заниматься решением проблем при осуществлении этого правового института, так как на сегодняшний день в России отсутствует практика в указанной области.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от пожизненного лишения свободы; уголовное законодательство зарубежных стран; испытательный срок; пожизненное заключение; вопросы назначения УДО.

The summary: this work is devoted to the analysis of the positive experience of foreign countries in the application of early conditional release of life imprisonment and the ability to create your own competent authority, who will be engaged in the decision of problems in the implementation of this legal institution, as, at present, in Russia there is no practice in the field of parole from life imprisonment.

Keywords: parole from life imprisonment; criminal legislation of foreign countries; probation; life imprisonment; the appointment UDO.

Законодательство множества зарубежных стран подверглось влиянию научных школ уголовного права и криминологии, создаваемых в XIX–XX вв. Так, широкое распространение получили

реформатории (исправительные тюрьмы), создавались специальные детские исправительные учреждения, запрещались жестокие виды наказаний, в ряде стран отменялась смертная казнь, стало активно применяться условное осуждение и условно-досрочное освобождение, что позволяло судам выносить более мягкие и гуманные приговоры. Гуманность проявилась и в институте освобождения от наказания.

Самой распространенной формой УДО в зарубежных странах является освобождение под надзор. Эта система предполагает отбор заключенных для досрочного освобождения и осуществления надзора за ними на свободе. Многие страны Восточной и Западной Европы разрешают заключенным подавать заявление на освобождение под надзор после того, как они отбыли определенную часть своего срока [2, с. 52].

Общим для УДО в рассматриваемых странах является наличие действенного механизма контроля за поведением лиц, находящихся на свободе в порядке УДО, и высокие требования к должностным лицам, реализующим институт УДО на всех его этапах (работа в исправительных учреждениях, рассмотрение вопроса об УДО, контроль и помощь условно-осужденным) [1, с. 80].

В Канаде и Англии заключенные, отбывающие в тюрьме очень короткий срок, не подпадают под УДО и под надзор. Вместо этого их автоматически освобождают после того, как они отбы-

ли часть своего срока. Если же заключенный осужден на длительный срок, он проходит всестороннюю оценку в рамках системы УДО под честное слово. Так, в Англии система УДО под надзор применима только к осужденным на четыре года и более. Кроме того, по английскому законодательству осужденные к пожизненному тюремному заключению освобождаются от наказания только после отбытия 9–12 лет назначенного срока [3, с. 102]. Надзор, устанавливаемый за досрочно освобожденным на весь оставшийся срок не отбытого наказания, осуществляется чиновником службы пробации (специально уполномоченный координирующий орган).

Закон о наказаниях за преступления 1997 г. дополнил существующую систему условно-досрочного освобождения Англии. В частности, ст. 10 закрепила, что министр внутренних дел имеет право в любое время освободить заключенного, если считает, что существуют исключительные семейные обстоятельства, позволяющие ему это сделать.

Кроме того, согласно указанному Закону условно-досрочно с разрешения министра внутренних дел также могут быть освобождены и некоторые заключенные, отбывающие наказание в виде пожизненного лишения свободы. К ним относятся лица, осужденные в возрасте до 18 лет, при условии, что срок наказания за преступления, которые они совершили, не установлен точно в законе, а суд в приговоре указал на возможность их досрочного освобождения по отбытии части приговора. На данных лиц также распространяется правило об условно-досрочном освобождении в связи с чрезвычайными семейными обстоятельствами. Разреше-

ние в случае такого освобождения выдается пожизненно и также содержит обязательные для исполнения условия, которые могут изменяться. Решение об условно-досрочном освобождении лица, осужденного к пожизненному тюремному заключению, может быть отменено министром внутренних дел, а осужденный, соответственно, должен возвратиться в тюрьму для отбывания наказания.

Главную роль в назначении УДО в Англии играет Совет по условно-досрочному освобождению. В соответствии с Законом уголовной юстиции 1991 г. этот Совет состоит из председателя, то есть судьи, и нескольких (как правило, трех) членов. В зависимости от специфики рассматриваемого дела состав Совета может быть изменен, а также обсуждаться с министром внутренних дел.

По делам осужденных к пожизненному заключению Совет возглавляется судьями Королевского суда в тех случаях, если были совершены следующие преступления: терроризм, убийство или ранение сотрудника полиции (тюрьмы), покушение на изнасилование (причинение увечья или убийство) ребенка, изнасилование, непредумышленное убийство в период досрочного освобождения от предыдущего заключения, связанного с подобным преступлением, и преступления, повлекшие множественность наказаний.

Во всех остальных случаях Совет по УДО возглавляет судья по уголовным делам местного суда. Одним из членов Совета, как правило, назначается психиатр, но в ряде случаев может быть назначен психолог или офицер службы пробации. Третьим же членом Совета по УДО

может быть криминолог, психолог или офицер пробации.

Во Франции лица, осужденные к одному или нескольким наказаниям в виде лишения свободы, могут быть освобождены условно, если имеются достаточные доказательства их хорошего поведения и серьезные основания рассчитывать на их возвращение к нормальной жизни в обществе. Для заключенных к пожизненному тюремному заключению условно-досрочное освобождение может быть предоставлено после отбытия 15 лет наказания (ст. 729 УПК Франции) [2, с. 55].

Во Франции вопросами назначения УДО занимается министр юстиции, которому направляется постановление об УДО, содержащее мнения следующих должностных лиц: начальника учреждения, где находится заключенный; судьи по исполнению наказаний; прокуратуры при судебном органе, вынесшем приговор; префекта департамента, в пределах которого осужденный намерен поселиться, и в случае, предусмотренном законом, префекта департамента, где находится место заключения осужденного (ст. 730 УПК Франции).

Если же назначенное наказание является пожизненным, то продолжительность применения мер следствия и контроля устанавливается на срок не менее 5 и не более 10 лет.

В США вопрос об УДО решает Комиссия штата по условно-досрочному освобождению. В зависимости от тяжести совершенного преступления право заключенного на УДО наступает по отбытию 6/7, 2/3 или половины срока тюремного заключения. Осужденные к пожизненному тюремному заключению также обладают правом на УДО по отбы-

тии назначенного судом минимума этого срока, за вычетом сокращений срока за хорошее поведение.

Важно отметить, что уголовный закон США предусматривает применение пожизненного заключения без возможности освобождения под честное слово. Лицо, приговоренное к пожизненному лишению свободы, может быть освобождено после отбытия 10 лет назначенного наказания [4, с. 243].

В Австрии осужденный к пожизненному лишению свободы может быть условно-досрочно освобожден в случае, если им фактически отбыто не менее 15 лет лишения свободы.

Уголовное законодательство Австрии устанавливает испытательный срок при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы от 1 года до 5 лет в зависимости от срока неотбытой части наказания. При УДО от отбывания пожизненного лишения свободы и для осужденных, страдающих психическими отклонениями, из учреждений для опасных рецидивистов испытательный срок составляет 10 лет.

Следует также отметить, что УДО от отбывания наказания в виде лишения свободы не предоставляется в следующих случаях:

- есть основания полагать, что осужденный в дальнейшем на свободе будет совершать преступные деяния;
- для выполнения целей общей превенции, то есть при требовании исполнения неотбытой части наказания в целях противодействия совершению преступных деяний другими лицами.

В Австрии вопрос об УДО решается судьей. Судом назначается помощник, который должен всячески способство-

вать формированию положительного образа жизни и мировоззрения. Помощник может быть официальным лицом, представителем общественной организации или официально разрешенной религиозной конфессии.

Аналогично в Дании, Норвегии, Швеции и Германии освобожденные лица могут находиться под надзором добровольца из местной общественности, где живет правонарушитель. Данные страны используют профессиональную службу пробации совместно с услугами добровольцев, осуществляющих надзор и оказывающих помощь в социальной адаптации осужденных.

Уголовный закон ФРГ (в ред. от 10 марта 1987 г., с изм. на 15 декабря 1994 г.) предусматривает УДО от наказания в виде пожизненного лишения свободы. При этом УК ФРГ от 1 января 1975 г. таких статей не содержал. Уголовное законодательство ФРГ также определяет условия, при наличии которых допускается назначение УДО: когда отбыто 15 лет наказания; отсутствует особая тяжесть вины осужденного, которая требовала бы дальнейшего исполнения наказания; можно проверить, не будет ли осужденный вне места исполнения наказания совершать преступные деяния; осужденный на это согласен. При условно-досрочном освобождении суд устанавливает испытательный срок продолжительностью от 2 до 5 лет.

Согласно УК ФРГ, при условно-досрочном освобождении каждому осужденному на период испытательного срока суд назначает специального помощника. Основной задачей помощника является оказание помощи осужденному в период испытательного срока, включая опеку над осужденным, наблю-

дение за его поведением, в том числе за выполнением обязанностей, возложенных на осужденного судом, и др.

Таким образом, изучив опыт зарубежных стран в области применения УДО, можно сделать следующий вывод: в процедуре УДО принимает участие довольно большое количество субъектов, а вопрос о применении УДО решают разнообразные компетентные органы. Например, в США, Англии и Канаде это советы по УДО, определяющие сроки предоставления УДО (а в США также функционирует Комиссия по УДО). Во Франции вопросом об УДО занимается консультативный комитет при министре юстиции, а окончательное решение принимает министр юстиции. В ФРГ и Австрии применение УДО регулируется судом.

На наш взгляд, целесообразно также учитывать положительный опыт зарубежных стран при применении условно-досрочного освобождения от пожизненного лишения свободы и создать свой компетентный орган, который будет заниматься решением проблем при реализации данного правового института, так как на сегодняшний день в России отсутствует практика в области условно-досрочного освобождения от пожизненного лишения свободы.

Литература

1. Плюсин А.М. УДО из исправительных учреждений как часть уголовной политики Японии // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. ст. / отв. ред. И.М. Машаров. Вып. 2. — Киров, 2003.
2. Плюсин А.М. Организационно-правовые вопросы условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
3. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. — М., 1969.
4. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. — М., 1991.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D.V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T.N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Science section:

I.V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Front letters:

A.V. Molostvov, PhD in psychology.

Department of international relations:

L.B. Juskova, PhD in psychology, associate professor.

Executive secretary:

E.A. Schelkushkina, executive secretary of the journal «Applied legal psychology».

Associate editors:

S.K. Bondyрева, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

E.N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

A.Ia. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

M.G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor.

A.A. Krymov, PhD in law, associate professor.

M.I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor.

N.N. Nechaev, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

A.V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor.

V.M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor.

V.J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor.

O.V. Starikova, PhD in psychology

A.N. Sukhov, doctor of psychological sciences, professor.

A.I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

Аксенова Галина Ивановна — доктор психологических наук, профессор, начальник кафедры общей психологии Академии ФСИН России (polinaax@mail.ru).

Аксенова Полина Юрьевна — адъюнкт кафедры общей психологии Академии ФСИН России (polinaax@mail.ru).

Бовин Борис Георгиевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России (niifsin@mail).

Васкэ Екатерина Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального Исследовательского университета) (vaskeev@ Rambler.ru).

Гольшева Юлия Николаевна — соискатель кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (ju888@mail.ru).

Горбач Денис Владиславович — адъюнкт кафедры уголовного права Академии ФСИН России (denis_reg59@mail.ru).

Датий Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, заместитель начальника лаборатории изучения проблем работы с осужденными НИИ ФСИН России (4590056av@mail.ru).

Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич — научный сотрудник НИИ ФСИН России (525252s@mail.ru).

Дядченко Елена Александровна — начальник межрегиональной психологической лаборатории федерального казенного учреждения «Исправительная колония №5 УФСИН России по Самарской области» (dyadchenko@samaradom.ru).

Железкина Ирина Ивановна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент Орловского государственного университета (gelezkina2010@mail.ru).

Иванов Геннадий Павлович — кандидат психологических наук, доцент, заслуженный учитель РФ, заместитель директора по научной работе Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института (amiga@kaluga.ru).

Кадыров Руслан Васитович — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин факультета клинической психологии Владивостокского государственного медицинского университета (rusl-kad@yandex.ru).

Карпов Анатолий Викторович — доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (beerserk028@mail.ru).

Комлев Виталий Александрович — кандидат психологических наук, старший преподаватель Вятского государственного гуманитарного университета (radon744@mail.com).

Мальшев Владислав Александрович — начальник психологической лаборатории ФКУ ИК 8 УФСИН России по Ярославской области (beerserk028@mail.ru).

Манхаева Ольга Михайловна — старший психолог психологической лаборатории ФБУ ИЗ-25/1 ГУФСИН России по Приморскому краю, (manhaev.2@mail.ru).

Михайлов Алексей Николаевич — преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России (allmih@list.ru).

Молоствов Алексей Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России (avm135@yandex.ru).

Полянин Николай Александрович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (ran80bk@mail.ru).

Рябов Владимир Борисович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник института психологии РАН (Учреждение Российской академии наук институт психологии РАН) (v.ryabov@aog.ru).

Сафуанов Фарит Суфиянович — доктор психологических наук, профессор, ведущий кафедрой медицинской и судебной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, руководитель лаборатории судебной психологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (safuanovf@rambler.ru).

Славинская Юлия Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии психологического факультета Академии ФСИН России (slavinskaskas_eulya@mail.ru).

Сочивко Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

Сухарев Александр Владимирович — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИП РАН (zavog753@mail.ru).

Тавилова Наталья Николаевна — старший психолог отдела охраны ФКУ ИК-1 УФСИН России по Оренбургской области; соискатель Академии ФСИН России (natalia2575@yandex.ru).

Тронева Ольга Сергеевна — старший психолог Федерального казенного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования учебный центр УФСИН России по Оренбургской области (persik.83@list.ru).

Федосеев Алексей Августович — начальник отдела НИИ ФСИН России (525252s@mail.ru).

Чикалов Николай Андреевич — кандидат психологических наук, педагог-психолог муниципального образовательного учреждения г. Калуги (amiga@kaluga.ru).

Чулисова Анна Павловна — старший психолог Психологической лаборатории ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по г. Москве (efptschulisova18sep@rambler.ru).

OUR AUTHORS

Aksenova Galina Ivanovna — the doctor of psychological sciences, the professor, the chief of chair of the general psychology of Academy FSIN of Russia (polinaax@mail.ru).

Aksenova Polina Jurevna — the graduated in a military academy of chair of the general psychology of Academy FSIN of Russia (polinaax@mail.ru).

Bovin Boris Georgievich — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer of chair of scientific bases of extreme psychology of faculty of extreme psychology of the Moscow city psihologo-pedagogical university, the leading research assistant of scientific research institute FSIN of Russia (niifsin@mail).

Vaske Ekaterina Viktorovna — candidate of the philosophical sciences, associate professor of department of criminal procedure and criminalistics of Nizhegorodskii State University named of Lobachevsky (National Research university) (vaskeev@rambler.ru).

Golyшева Julia Nikolaevna — the competitor of chair of legal psychology and pedagogics of Academy FSIN of Russia (ju888@mail.ru).

Gorbach Denis Vladislavovich — the graduated in a military academy of chair of criminal law of Academy FSIN of Russia (denis_reg59@mail.ru).

Daty Alexey Vasilevich — the doctor of medical sciences, the deputy chief of laboratory of studying of problems of work with condemned scientific research institutes FSIN of Russia (4590056av@mail.ru).

Dikopoltsev Dmitry Evgenevich — the research assistant of scientific research institute FSIN of Russia (525252s@mail.ru).

Djadchenko Elena Aleksandrovna — the chief of inter-regional psychological laboratory of federal state establishment «the Corrective colony №5 FSIN Russia across the Samara region» (dyadchenko@samaradom.ru).

Zhelezkina Irina Ivanovna — the candidate of pedagogical sciences, the senior lecturer, the senior lecturer of the Oryol state university (gelezkina2010@mail.ru).

Ivanov Gennady Pavlovich — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer, the deserved teacher of the Russian Federation, the deputy director on scientific work of the Kaluga branch of the Moscow gumanitarno-economic institute (amiga@kaluga.ru).

Kadyrov Ruslan Vasitovich — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer managing chair general psychological of disciplines of faculty of clinical psychology of the Vladivostok state medical university (rusl-kad@yandex.ru).

Karpov Anatoly Viktorovich — the doctor of psychological sciences, the professor, the dean of faculty of psychology of the Yaroslavl state university of P.G. Demidov (beerserk028@mail.ru).

Komlev Vitaly Aleksandrovich — the candidate of psychological sciences, the senior teacher of Viatka state humanitarian university (radon744@mail.com).

Malyshev Vladislav Aleksandrovich — the chief of psychological laboratory FKU IK 8 UFSIN Russia across Yaroslavl region (beerserk028@mail.ru).

Manhaeva Olga Mihajlovna — the senior psychologist of psychological laboratory FBU IZ-25/1 GUF SIN of Russia across Primorski Territory, (manhaev.2@mail.ru).

Mihajlov Alexey Nikolaevich — a lecturer of The Juridical Psychology and Pedagogics Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (allmih@list.ru).

Molostvov Alexey Vladimirovich — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer, the deputy chief of chair of social psychology and social work of Academy FSIN of Russia (avm135@yandex.ru).

Poljanin Nikolay Aleksandrovich — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer, the senior lecturer of chair of legal psychology and pedagogics of Academy FSIN of Russia (pan80bk@mail.ru).

Ryabov Vladimir Borisovich — Cand.Tech. Sci., the senior research assistant of institute of psychology of the Russian Academy of Sciences (Establishment of the Russian Academy of Sciences institute of psychology of the Russian Academy of Sciences) (v.ryabov@aog.ru).

Safuanov Farit Sufianovich — doctor of psychological sciences, professor the head of the department of medical and judicial psychology of the Moscow State psychology-pedagogical University, laboratory chief judicial psychology in State scientific center social and judicial psychiatric named after V.P. Serbsky (safuanovf@rambler.ru).

Slavinskaya Julia Valentinovna — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer, the senior lecturer of chair of the general psychology of psychological faculty of Academy FSIN of Russia (slavinskas_eulya@mail.ru).

Sochivko Dmitry Vladislavovich — the doctor of psychological sciences, the professor of chair of the general psychology of Academy FSIN of Russia (sochivo@mail.ru).

Suharev Alexander Vladimirovich — the doctor of psychological sciences, the professor, leading research assistant Psychology institute the Russian Academy of Sciences (zavor753@mail.ru).

Tavtilova Natalia Nikolaevna — the senior psychologist of department of protection of FKU IK-1 UFSIN of Russia across the Orenburg region; the competitor of Academy FSIN of Russia (natta2575@yandex.ru).

Tron Olga Sergeevna — is the senior psychologist of the Federal state educational institution of additional professional education training centre of the Administration of federal service of execution of punishments on the Orenburg region, the senior lieutenant of the internal service (persik.83@list.ru).

Fedoseyev Alexey Avgustovich — the chief of department of scientific research institute FSIN of Russia (525252s@mail.ru).

Chikalov Nikolay Andreevich — the candidate of psychological sciences, the teacher-psychologist of municipal educational institution of Kaluga (amiga@kaluga.ru).

Chulisova Anna Pavlovna — the senior psychologist of Psychological laboratory FKU of pre-trial detention center-3 UFSIN of Russia across Moscow (efptschulisova18sep@rambler.ru).

Methodology and theory of legal psychology

- Rationale for the presence of the individual typology constituent organizations counterculture. **V. A. Malyshev, A. V. Karpov** 8
- Psychological and pedagogical approaches for higher school teachers' professional training: foreign experience. **G. I. Aksenova** 11
- Prediction of behavioral phenomena. The basic approaches. **V. A. Komlev** 15

Applied and experimental research

- Psychological interaction workers investigators minors questioned: a structural analysis. **E. V. Vaske, F. S. Safuanov** 23
- Etnofunksionalny aspect of suicidal behavior in the perpetrators. **A. V. Sukharev, A. P. Chulisova** 31
- The time perspective of persons serving life sentences. **Y. V. Slavinskaya, B. G. Bovin** 41
- Social-psychological particularities to personalities of the convicted womans made heavy violence in respect of their own children. **A. V. Molostvov** 55
- Psychological transformation strategies the convicted control youth ages, have the right beskonvoynogo movement. **A. N. Mikhailov** 62
- Guilt and styles of interpersonal behavior the prisoners were serving sentences in correctional institutions. **O. M. Manhaeva, R. V. Kadyrov** 68

Psihopraktiki

- Social environment and personal development and adolescents with deviant forms of behavior under different conditions of education. **G. P. Ivanov, N. A. Chikalov** 76
- Value orientations as psychological characteristics of the individual head of MIS in its functional activity. **O. S. Tron** 83
- Types of cadets' adjustment to the educational process of higher educational establishments of the federal penal service of the Russian Federation. **P. Yu. Aksenova** 91

Deviant behavior psychology

- Psychological outlook recurrent juvenile crime convicted without imprisonment. **E. A. Dyadchenko** 98

For the head

- Team organization as a high quality of work life. **V. B. Ryabov** 107
- Gender specific personal growth prison staff, in official reserve personnel for nomination. **N. N. Tavtilova** 113

To help the researcher — a practice

Some characteristics of convicts serving sentence in a colony in 2011.

A. V. Daty, D. E. Dikopoltsev, A. A. Fedoseev

121

Terms of implementation of vocational training oriented the correctional system.

I. I. Zhelezkina

125

Legal psychology and religion: welcome to the discussion

Religious, spiritual and moral development and personal growth of youth convicted of age.

D. V. Sochivko, N. A. Polyinin, J. N. Golyшева

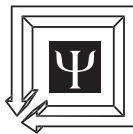
133

Dura lex sed lex

Probation from a life imprisonment in law some foreign countries. **D. V. Gorbach**

147

Министерство образования и науки Российской Федерации
**Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский психолого-социальный институт»
(НОУ ВПО «МПСИ»)**

Лицензия на право образовательной деятельности
Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Серия А №268558 от 07.06.2007. Регистрационный №8919
Свидетельство о государственной аккредитации Серия АА
№000705 от 07.06.2007. Регистрационный №0683

Год основания МПСИ— 1995.

Обучение в Московском психолого-социальном институте даст Вам **классическое высшее образование** по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление
- Дошкольная педагогика и психология
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Прикладная информатика в экономике
- Психология
- Социальная работа
- Социально-культурный сервис и туризм
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур
- Управление персоналом
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Формы обучения— очная, очно-заочная (вечерняя), заочная (в том числе группы выходного дня).

Результаты ЕГЭ засчитываются на все формы обучения.

Второе высшее образование.

Сокращенные сроки обучения имеющим среднее профессиональное образование соответствующего профиля.

Обучение в институте платное.

Студентам очного отделения на время обучения предоставляется отсрочка от службы в Вооруженных силах РФ.

Иногородние студенты заочной формы обучения на время сдачи экзаменов обеспечиваются общежитием.

По окончании обучения выдается Государственный диплом.

На базе 11 классов работают подготовительные курсы.

Аспирантура: обучение по специальностям: «Педагогика», «Психология», «Экономика и управление», «Юриспруденция».

Обучение в аспирантуре— платное.

При МПСИ работает **диссертационный совет К 521.027.01** по защите кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01— Педагогическая психология; 13.00.01— Общая педагогика, История педагогики и образования.

Адрес института: 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, дом 9а

Проезд: метро «Шаболовская», далее трамв. 26 до ост. «3-я Рощинская улица»

Приемная комиссия: тел. (495) 232-10-70; 958-19-00

Подготовительные курсы: тел. (495) 958-19-00

Управление по работе с филиалами: тел. (495) 954-31-62

Аспирантура: (495) 958-19-00 доб. 129

http: www.mpsinst.ru, E-mail: mpsi@col.ru

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья—8–12 страниц, обзор, рецензия, информация—не более 5 страниц, иные материалы—по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу—2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия—цифрами, месяц—словом, год принятия—четырьмя цифрами, т.е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий)—место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы и страница [10, С. 125].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать»—инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

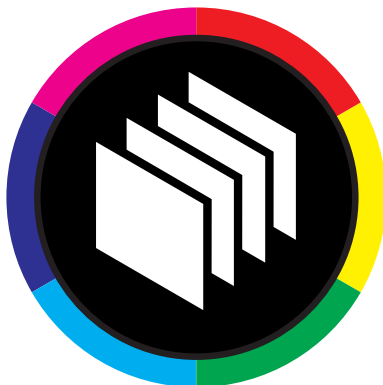
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 18.11.2011. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 10.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4.

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14. Россия, 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды